

Секонд секс

Резкий, иногда жесткий, порой грубый и даже грязный текст.

Если вы, достойные читатели и любимые читательницы, не дочитав даже до половины, выбросите книгу в огонь, я не обижусь. Значит, эта книга о Сексе не для вас. Читайте любовные романы.

Предисловие к первому изданию

После первых в узком кругу чтений «Секонд секса» появилась необходимость сделать некоторое отступление. Потому что даже те люди, которые знали меня всю жизнь, смотрели на меня с некоторой опаской. Даже любимая мама после прочтения, а как профессиональный литератор, она читает много и всякое, долго подыскивала слова, чтобы начать со мной разговор. И очень беспокоилась, что читатели абсолютно не поймут, что «такое произведение может написать только высококультурный и высокоморальный человек», а не нравственный дегенерат.

Реакция на прочитанный текст у всех была разная. От «грязи дохера в нашей жизни. Не надо ее увеличивать... воняет от твоего рассказа...» до «я, честно говоря, не собиралась заниматься самоанализом, но книга меня натолкнула на определенные умозаключения... Я испытывала жгучее желание, когда читала. Это действительно заставило задуматься, почему я это сейчас чувствую». От «это откровение!» до «я была до или после кошки?!»

Анализируя текст с удивительно мудрой девушкой, редактором одного женского журнала, мы пришли к выводу, что Читателя у этой книги нет. Нет той целевой аудитории, которой это произведение может быть адресовано. Потому что, в зависимости от культурного и нравственного уровня читателя, brutally-гадостный текст, вперемешку с откровенно сексуальной философией, одновременно и притягивает и отталкивает.

Была даже идея поставить возрастной рейтинг 25+.

А вот любимая двадцатилетняя племянница заявила: «Произведение могут читать все!!! Даже подростки. У них сначала будет совсем другой интерес – это их втянет, а потом ОП! Произведение написано в стиле дидактического-поучительного эпоса!»

Я не отношусь пренебрежительно ко мнению читателей. Даже наоборот, чту, понимаю, воспринимаю, впитываю. С глубокой целью: написать что-то еще более нужное и интересное. Например, готов править, черкать, дополнять любой материал, если изменения не затрагивают концептуальных моих позиций. Но считаю необходимым предостеречь тебя, дорогой читатель и любимая читательница, от поспешных выводов о моем нравственном уровне. Мне не пятнадцать, не двадцать, не тридцать лет. Меня не колбасит от звездной болезни и свои медные трубы я уже пережил. Имею высшее педагогическое образование, за 6 лет работы в школе выпустил в жизнь два класса. Я не супер-мега-гипер популярен в женском обществе, но абсолютно не испытываю дефицита женского внимания, которого порой бывает даже с избытком. Не страдаю спермотаксикозом, маньячеством и прочими сексуальными девиациями. Люблю жизнь, люблю женщин, люблю и понимаю Секс. Обожаю поковыряться в женских душах и телах, порываться в мужеско-женских отношениях.

«Секонд секс» написал только для того, любимая моя читательница, дорогой мой читатель, чтобы хоть чуть-чуть приоткрыть тебе бесконечную пропасть, в которую мы с тобой падаем уже несколько тысячелетий. Думаешь, нет? Глянь в зеркало, когда утром еще сон не отпустил тебя. Оттуда, изнутри, с изнанки реальности в тебя вцепился пустой холодный и чужой взгляд. Будучи в толпе: оглянись вокруг! Сколько их, зомби. Озабоченных, похотливо облизывающихся. Они, немощные сексуально, с вожделием и безысходной обидой взирают на тебя исподтишка, истерично мастурбируя внутри своего воспаленного мозга...

*С уважением,
твой автор.*

P.S. Выражаю искреннюю благодарность всем, с кем свела меня Жизнь.

Огромная грудь...

Две великанские сиськи безрадостно свисают по разные стороны ее жирного тела. Ареолы кобылиными глазами раскосо смотрят мне в пах. Она лежит на спине, раздвинув толстые ляжки, между которыми густые заросли рыжеватых волос. Они так весело закручиваются в спиральки, что я по-идиотски хихикаю. От чего эрекция немного падает, зеленый презерватив морщится. И приходится его оттягивать к основанию члена. Хлопаю толстуху ладонью по половым губам и указательным пальцем еще больше завиваю кудряшки, другой рукой потряхиваю член, чтобы он снова окреп.

Не дождался. Протолкнул мягкую головку пальцами внутрь. И чтобы не потерять контакта, зарядил такие скоростные возвратно-поступательные движения, что она взвизгнула по-пороссячи, а груди затряслись воздушными шариками, привязанными к бамперу свадебной машины.

Она безвольно и обреченно лежит. Зеленый член в мокрой рыжеватости начал наводить тоску и мне уже через пару минут это елозанье надоело. Повернул ее на живот. Тестообразные ягодицы напряглись и расслабились. Набрал слюны на пальцы и втер ей в анус. По структуре отверстия – анальная девственница. И она смиренно лежит, раздвинув ноги. От чего во мне поднялась непонятная злость, член сразу окаменел, завибрировал толчками крови и, приподнявшись немного на носках, я сильно, до основания, воткнул ей в зад. Кольцо сфинктера жадно проглотило член. Ей больно и она подвывает в такт безжалостной долбежки.

*

Что движет женщинами? Вот, молодая некрасивая бесперспективная проститутка из дешевой сауны, только что жестко анально изнасилованная, сидит передо мной на коленях, положив голову мне в пах. Ласково гладит

мои бедра и с выражением овечьей покорности изредка поднимает глаза, пытаюсь поймать мой взгляд. В глазах ее столько безвольной беззащитной нежности! Откуда? Почему?

Нет! Нет! Она сейчас нежна и ласкова не потому что проститутка. Это не оплаченная холодная, отрешенная любовь и похоть. Эта потребность, потребность прижаться к мужскому телу, ощутить близость, получить ответную нежность, вызвана чем-то другим.

Чем?

Двадцать третьего августа тысяча девятьсот семьдесят третьего года бежавшие из заключения вооруженные преступники Кларк Олофссон и Ян-Эрик Ольссон захватили на одной из центральных площадей Стокгольма здание банка с четырьмя заложниками. Молодые красивые девушки Бригитта Лундберг, Элизабет Ольдгрен, Кристина Энмарк и юноша Свен Сефстрем шесть дней находились под дулом автоматов. Сначала их заставили стоять с веревкой на шее – каждая попытка сесть затягивала веревку на их шеи. Затем двое суток их морили голодом, угрожая убить. Однако со временем между заложниками и преступниками возникли и стали крепнуть странные дружеские теплые отношения. Которые вылились в добровольные интимные отношения девушек с похитителями, а позже, будучи уже освобожденными, они даже обручились с ними.

Подробности найти не сложно. Событие это описано в литературе и обсосано не только различными учеными мужами, но и умниками и недоумками. Стокгольмский синдром.

Может быть, потребность прижаться к мужскому телу, ощутить близость, получить ответную нежность – это есть проявление некоего биологического «Стокгольмского синдрома», интроекции, идентификации себя с агрессором? Когда и в организме и в психике включаются определенные механизмы бессознательного отождествления себя с источником полового вмешательства. И насильник воспринимается уже не как сволочь негодная, тварь, посягнувшая на святое, а, напротив, как симпатичный мужчина, альфа самец, которому позволительно все.

Или может быть потому, что все бабы дуры?

Совсем недавно трахнул продавщицу ювелирного магазинчика. Просто зашел, по обыкновению, от безделья попялиться на женские бирюльки. В специально затемненном зале под искусно выставленным освещением прилавков ослепительно сверкали бриллиантики колец и серег. Невидимый Лайонел Брукман Ричи пел про любовь

*Lady, for so many years I thought I'd never find you
You have come into my life and made me whole
Forever let me wake to see you each and every morning
Let me hear you whisper softly in my ear*

Уютно, интимно и тепло после промозглой затянувшейся бесснежной ноябрьской осени.

– Что-то ищите особое? У нас Вы найдете то, чего нет нигде. – Красавица женщина. Абсолютно ухоженная. Идеальный каждый волос в причёске, каждая складка в одежде, каждый ноготок.

И как-то она меня так развела и расположила к себе, ненавязчиво и кокетливо предлагая «поглядеть», «полюбоваться», «присмотреться», что во время обеденного перерыва здесь же в магазине мы совокупились. Она отдавалась в бешеном темпе, отрешенно, самозабвенно, истерично. Словно мстя кому-то... А потом плакалась.

«Почему я такая дура? Мне уже 29. Еще в школе я без памяти влюбилась. Потом он стал моим первым мужчиной. Потом – главным выносителем мозга и трепателем нервов. Резала вены, травилась, делала аборт. Длилось это лет десять. Однажды, мы возвращались с гулянки, он

Стокгольмским синдромом называют необъяснимую симпатию заложника к террористу, для которой, кажется, нет никаких оснований.

Интроекция – включение человеком взглядов, мотивов и установок, которые он воспринимает от других людей, в свой внутренний мир.

Идентификация – отождествление.

Леди, я много лет думал,
что никогда не встречу тебя.
Ты вошла в мою жизнь
и наполнила её.
Позволь мне каждое утро
просыпаться и видеть тебя.
Слышать твой нежный шепот

Лайонел Брукман Ричи (Lionel Brockman Richie Jr.) родился 20.06.49, американский поп-исполнитель.

сел пьяный за руль, сбил человека. Пока не приехала милиция и скорая, умолял сказать, что это я была за рулем. Меня полгода таскали в милицию. Мама с инфарктом легла в больницу, отец не слезил с таблеток. Когда же все разрешилось, этот казел меня бросил. А я только и думала о нем, ревела, не спала ночами, бегала за ним, пытаюсь вернуть.

Да, я понимаю, сейчас понимаю, что он меня использовал. Не было любви. Не было чувств. Самоутверждался, да трахал иногда.

Я все бросила и уехала из своего города. Сейчас у меня спокойная жизнь, отличная работа, с мужчиной встречаюсь.

Но...

Почему я такая дура?!! Я снова и снова просыпаюсь со слезами. Снова и снова с тоской вспоминаю этого урода!»

Она ревела. Ревела навзрыд, истерично, судорожно размазывая по лицу косметику.

Что ответить ей? Да и нужны ли ей мои ответы и слова? Они бессмысленны, ибо не будут услышаны. Когда у человека срывает клапан от перенасыщенного давления выплеснуть на кого-то свой внутренний мир, наболевшие проблемы, надоевшие мысли, когда острая необходимость выговориться лишает разума, когда плотина осторожности не в состоянии удержать словесный понос, тогда все теряет смысл: и утешения, и сочувствие, и мудрые советы.

Здесь и сейчас, в полумраке узкой подсобки – комнаты для продавцов – между холодильником, столом, вешалкой и микроволновкой единственным мудрым решением, продиктованной самой Природой, было продолжение начатого. И я снова совокупил ее. Стоя сзади, разглядывал ее розовую попку. Ее голова ритмично тыкалась в стену, и она ревела, ревела, ревела, ревела.

Когда закончился перерыв, выпроваживая, сказала: «Ненавижу тебя!». Словно это я десять лет насиловал ее мозг, унижал, издевался, пользовался ее телом.

А чуть позже в кармане своего пальто нашел бумажку с ее номером телефона.

А может...

Есть такие женщины, которые стремятся любить, заботиться, давать, ощущают необходимость быть нужными, удобными, уютными. Они занимаются сексом, потому что им нравится секс. Им хочется накормить, постирать, убрать, зашить, потому что им это нравится делать... для кого-то...

Это не материнский инстинкт. Это, скорее, очаговый инстинкт, инстинкт хранительницы очага: предоставить мужчине все условия для полноценного отдыха перед предстоящим следующим днем охоты или битвы...

Однажды на вокзале подошла ко мне девушка.

Темный перрон вокзала, всего один фонарь, окруженный плотным шаром снежных мух, горел где-то вдалеке. Одиноким я и одинокая последняя электричка, словно гигантский кузнец, трещит в глубине себя воздушным компрессором. Где-то бомжи делят собранные за день бутылки и сплюснутые алюминиевые банки.

По всему виду, подошла она в последней стадии безнадежности, страха, безысходности. Даже в темноте сквозь снежную пелену было видно ее более чем скромное пальто и старенькие с налипшим снегом обношенные сапожки. Поджатые плечи, сцепившиеся замком пальцы без перчаток, дрожащие губы и стыдливо-виноватый взгляд порядочного человека, который только из-за экстремальной ситуации вынужден просить...

– Не подскажите, как попасть в Ивановку?

Конечно, я знал, как попасть в Ивановку. Габаритные огни последней туда электрички мелькнули полчаса назад. Объяснять, как добраться до остановки маршрутного такси, едущих мимо Ивановки, можно, но

Воздушный компрессор в тормозной системе электропоезда поддерживает необходимое давление, когда включается, издает характерное тархтение.

бессмысленно, скорее всего, последняя маршрутка уйдет минут через десять. А до остановки трястись в метро больше получаса. Да и что-то мне подсказывало, вряд ли у нее были деньги на метро и маршрутку.

Вихрь мыслей пронесся в голове.

Биологическое оценивание самочки.

Инстинктивное желание помочь попавшему в беду человеку – а то, что она в беде поймет любой, кто хотя бы раз оказывался в незнакомом городе перед вот-вот наступившей ночью, когда количество транспорта и людей на дорогах стремительно приближается к нулю, а на улице мороз, а в кошельке болтается всего пара пятирублевых монет, а до родного дома не добраться пешком, да и позвонить никому уже нет никакой возможности.

Мысль о том, как это паскудно – воспользоваться несчастьем одинокой девушки.

Ощущение благородства от совершения доброго дела – «сделал доброе дело, брось его в воду».

«Ты ж не устоишь, сунешь в беззащитную девочку, а она даже ответить тебе толком не сможет... после твоего благородства...»

«А, может, ну ее нафик, пусть добирается, как хочет».

– Сейчас уже Вы никак не доберетесь до своей Ивановки. Давайте, поедem ко мне, а утром я все покажу и расскажу...

Горячая ванна, скромный, без излишеств, ужин. Я предоставил ей свой диван, а сам постелил матрас на полу. С окна не трагично, но ощутимо поддувало. Накрывшись одеялом с головой, уставший – какой же был бесконечный этот пятничный день – наконец-то провалился в сон.

Где-то в середине ночи на мгновение проснулся, словно меня сверху накрыли еще одним одеялом – спине стало тепло и уютно – и я, оценив, как мне было холодно до этого, счастливый снова провалился в сон.

В очередной раз проснулся от того, что банально кончил. Чья-то рука нежно и плотно сжимала головку моего члена, со знанием дела усиливая эффект эякуляции. Развернувшись – кто же это? – на спину, уже окончательно проснувшись, узнал ее. Девушка, желающая попасть в Ивановку. Она лежала рядом на боку и внимательно, нежно, заботливо, даже как-то радостно смотрела на меня.

Пока не упала эрекция, она уверенными движениями размазала по члену скопившуюся в кулачке сперму... И уже через секунду он утонул в ее жарких губах.

Поездка в Ивановку откладывалась на неопределенный срок...

Мы трахались, совокуплялись, сношались, спаривались, занимались сексом, пихались, пялились, занимались любовью, словно приклеенные, останавливаясь только на естественные потребности поесть, попить, посидеть на унитазе.

Завораживала опытность владения мужским телом. Ее бедра выкручивались так, чтобы достигнуть максимального эффекта, ягодички колыхались в возбуждающем маниакальном ритме, сбивающем с ума любого импотента-философа. Губы... Губы вытворяли фантастические пассажи и оказывались всегда там, где их неистово ждало воспаленное ласками тело...

Сначала казалось, что она отрабатывает мою доброту. Как может, чем может. Терпит и делает свою «работу». Отрабатывает за то, что приютили, накормили, обогрели, не бросили одну в зимней ночи незнакомого города. Но, во-первых, мы упоенно тянулись друг к другу и второй день, и третий, и через неделю...

Во-вторых, пресекало любые подозрения в фальши и «отработке» то, с какой самоотдачей, с каким наслаждением, удовольствием, отрешенностью от окружающего мира, в котором оставались только она, я и наши чувства, она это делала. Она это делала, потому что хотела. А хотела, потому что ей это нравилось, и это хотел я. Она глубоко заглатывала член

потому, что ей было необходимо это прикосновение к миндалинам. Она занималась анальным сексом потому, что анус «требовал» растяжение сфинктера, а матка – массажа с противоположной, от естественного входа, стороны. Она, уставшая, удовлетворенная, довольная, с лучезарной улыбкой засыпала у меня на груди, потому что ее гудевшее тело требовало почувствовать удары моего сердца.

Поразительным удивительным открытием для меня было то, что она и еду готовила с той же самоотдачей, наслаждением, удовольствием и отрешенностью от окружающего мира, как и при занятиях сексом. И квартиру мою убирала, и рубашки мои гладила... Да и вообще... Все, что касалось меня, она все делала с невероятным вдохновенным светлым лицом мадонны. Ей нравилось это делать. Ей необходимо было быть нужной для меня. Ощущать свою значимость и важность... для меня...

Есть такие женщины, которые стремятся любить, заботиться, давать, ощущают необходимость быть нужными, удобными, уютными. Они занимаются сексом, потому что им нравится секс. Им хочется накормить, постирать, убрать, зашить... Они окружают себя и своего мужчину заботой, теплом, уютом. Потому что им это хочется, им это нравится, для них это необходимость.

Конечно, иногда посещали мысли: если бы на моем месте оказался кто-то другой?

Она по-детски, почти не моргая, смотрела телевизор. И по лицу можно было догадаться, что происходит на экране, – так сильно она вживалась в происходящее. А я думал: если бы кто-то другой ей помог, приютил, согрел, она бы так же к нему относилась, как ко мне? Или это, все-таки, заслуга моих личных качеств?

Я так и не узнал ответа на этот вопрос.

Однажды она исчезла. Растворилась.

Вечером пришел домой... в пустоту.

Чайник на плите еще теплый, телевизор что-то бормочет, влажное постиранное белье на веранде.

Словно вышла недавно... в магазин... сейчас вернется...

Не вернулась к утру, не вернулась через день, через три дня, через месяц.

Идти искать, писать заявление о пропаже – бессмысленно. У меня не было ее фотографии, не было документов, кроме мелких житейских подробностей из ее прошлой жизни, я знал только имя. Мы прожили вместе три месяца, нам было хорошо друг с другом и не было никакого дела до всех этих официальностей...

Она пропала.

Осталась скромная стопка ее скромного белья. Заношенные, но чистые джинсы, майка с коротким рукавом и почти стертым, застиранным, портретом Джавахарлала Неру. Расческа-массажка с деревянной ручкой и надписью «Scarlet», едва начатый пузырек для снятия лака. И все...

Я больше никогда не видел ее.

Еще год стопка белья пролежала в шкафу, а в ванной провисело ее банное полотенце.

Есть такие женщины, которые стремятся любить, заботиться, давать, ощущают необходимость быть нужными, удобными, уютными. Они занимаются сексом, потому что им нравится секс. Им хочется накормить, постирать, убрать, зашить...

Может быть, все дело в этом?

Джавахарлал Неру
(14.11.1889-27.05.1964) - один из
видных политических деятелей мира.
Лидер левого крыла индийского
национально-освободительного
движения. Первый премьер-министр
Индии.

Или в том, что женщины инстинктивно тянутся к альфа-самцам? И к тем, кто очень сильно смахивает на альфу.

Ведь альфа – самец высокого ранга, как правило, вожак или претендент, лидер, доминант. Он самый сильный, самый влиятельный, самый наглый, самый быстрый, самый резкий, самый грубый, самый желанный. Все самое лучшее (одежда, пища, женщины) доставалось ему, а что не доставалось, он отбирал. Именно альфы максимально были способны обеспечить наилучшие жизненные условия самкам и своим детенышам. Поэтому самки, реализуя свой основной инстинкт воспроизводства рода, тянулись к ним. Хотя, на самом деле все намного глубже: самки выбирают максимально конкурентно способный набор генов из доступного им окружения.

И это очень важный момент!

Главное не перепутать причину и следствие. Человек падает на землю не потому, что споткнулся, а потому, что на него действует сила притяжения Земли. Самки тянутся к альфа-самцам не потому, что они самые-самые, а потому, что несут в себе конкурентоспособный набор генов.

Сейчас мало что изменилось.

Инстинктам миллионы и миллионы лет. Пробираясь сквозь тернистый путь проб и ошибок, выискивая наилучший вариант, наиболее эффективную линию развития, наиболее рациональный алгоритм совершенствования, Природа трепетно и бережно выстраивала мощный механизм инстинктов.

Разумному человечеству всего несколько тысячелетий. За такой небольшой срок сломать или изменить что-то фундаментальное невозможно. Действовать против Великого плана Природы «Продолжение рода», на который было отдано столько сил, времени и энергии, фантазии и логики – бессмысленное дело. Человеческий разум, разум тысяч поколений, способен лишь внести микроскопические, наноскопические коррективы в систему условных и безусловных рефлексов.

Поэтому в наши дни каждая женщина, подчиняясь генетической памяти, независимо от вероисповедания, образования, воспитания, географического места жительства, инстинктивно стремится оказаться рядом с альфа самцом, мужчиной, в котором ее инстинкт «распознал» конкурентно выигранный набор качеств и свойств. Даже если эти качества и свойства не принадлежат лидерам, вожакам, успешным самцам, доминантам, альфам. Как правило, сейчас этими признаками обладают подонки, гады, казлы, ублюдки и прочая нечисть, ничего не добившаяся в жизни. В современном мире этих пустышек большинство. Ведь по статистике достигших чего-нибудь мужчин всего-навсего 5-10 процентов. Реальность такова, что обществу не нужны неуправляемые альфасамцы, и оно уже несколько столетий борется против них, усредняя и обесцвечивая самцовскую массу...

Конечно, если бы разговор шел не о современном мире, а об эпохе какого-нибудь Палеолита, Мезолита, Неолита или, например, мире Древнего Рима, соответствие мужских признаков и сущностей было бы максимальным. И женский инстинкт был бы прав.

Возможно, это объясняет, почему «бабы дуры»: они не дуры, ими управляет инстинкт. Инстинкт полового отбора.

Но проститутка. Почему ее руки так трепетно обхватили мои бедра? Откуда у нее столько нежности ко мне?

Только от того, что, как доминантный самец, я грубо отдал ей?

Или в женщинах заложен инстинкт всегда испытывать нежность к любому, кто совершит интромаиссию?

Или из-за того, что произошло такое «серьезное дело» – дефлорация сфинктера. И я теперь – Первый мужчина.

Бытует же легенда, что Первый остается в памяти на всю жизнь.

Палеолит (древний каменный век), мезолит (средний каменный век), неолит (новый каменный век) - периоды каменного века.

Интромаиссия – введение полового члена во влагалище.

Часто бабушки передают это «знание» своим внукам, мамы «просвещают» дочерей, на улице иногда подруги делятся «опытом». Каждый раз мы говорим «Да, ну нафик!» А потом задумываемся: «А вдруг!?»

Много существует мнений на этот счет, как «за», так и «против». Но есть некоторая гипотетическая теория, суть которой, не углубляясь в дебри научных сложных логических построений, математических формул и физико-химических терминов, в следующем. Все во Вселенной – это энергетические сгустки, полевые матрицы, которые связаны и «общаются» друг с другом волновыми «пакетами».

Человек тоже волновая матрица. Мозг, печень, почки, органы воспроизводства, кровь, гены, геномы, хромосомы, ДНК и т.д. и т.п. – имеют двойственную вещественно-энергетическую природу.

Взаимовоздействие, взаимопроникновение, взаимовлияние не только на физиологическом, биологическом, клеточном, молекулярном уровне, но и на полевом, энергетическом, субатомном уровне.

Помните у Иеронима Карла Фридриха фон Мюнхгаузена?

«Мой кучер повесил рожок неподалеку от печки, а сам подошел ко мне, и мы начали мирно беседовать. И вдруг рожок заиграл: "Тру-туту! Тратата! Ра-пара!"

Мы очень удивились, но в ту минуту я понял, почему на морозе из этого рожка нельзя было извлечь ни единого звука, а в тепле он заиграл сам собой. На морозе звуки замерзли в рожке, а теперь, отогревшись у печки, оттаяли и стали сами вылетать из рожка.

Мы с кучером в течение всего вечера наслаждались этой очаровательной музыкой».

Замерзшие звуки – безумно красивая фантастическая и сказочная идея! Но ведь такими «замерзшими» звуками мы пользуемся с 1877 года, когда 12 августа Эдисон испытал свой первый фонограф. А может быть в окружающей среде запечатлеваются все сказанные людьми слова, записываются каким-то образом мысли, сохраняются чувства и эмоции.

Вот, как у Ивана Ефремова в «Тени минувшего», например, описана такая «запись».

«Легкий вскрик заставил ученого обернуться. В следующее мгновение дыхание его остановилось, и он замер, потрясенный.

Над отливающей синью плитой ископаемой смолы встал откуда-то из ее черной глубины гигантский зелено-серый призрак. Громадный динозавр замер неподвижно в воздухе, над верхним краем обрыва, вздыбившись на десять метров над головами остолбеневших людей.

Чудовище высоко несло свою горбоносую голову; большие глаза тускло и мрачно смотрели куда-то вдаль; безгубая широкая пасть обнажала длинный ряд загнутых назад зубов. Спина животного, слегка согнутая, круто спадала в невероятно мощный хвост, подпиравший динозавра сзади. Огромные задние лапы, согнутые в суставах, не уступали в мощности хвосту, подобные двум колоннам, трехпалые, с широко распластанными пальцами, вооруженными кривыми исполинскими когтями. И почти под самой шеей, на наклонно нависшей над землей передней части туловища, нелепо и беспомощно торчали две тонкие когтистые передние лапки, такие крошечные по сравнению с гигантским туловищем и головой.

Сквозь призрак просвечивали черные утесы гор, и в то же время можно было различить малейшую подробность тела животного. Испещренная мелкими костными бляшками спина чудовища, его шероховатая кожа, местами обвисшая тяжелыми складками, странный вырост на горле, выпуклости исполинских мышц, даже широкие фиолетовые полосы вдоль боков – все это придавало видению изумительную реальность. И неудивительно, что пятнадцать человек стояли онемевшие и зачарованные, пожирая глазами гигантскую тень, реальную и призрачную в одно и то же время.

Прошло несколько минут. В неуловимом повороте солнечных лучей

Рудольф Эрих Распе – «Приключения барона Мюнхгаузена».

Ефремов Иван Антонович, 9.4.1907,, русский советский писатель, ученый палеонтолог, доктор биологических наук. Автор научно-фантастических рассказов и новелл, исторических повестей «На краю Ойкумены», «Путешествие Баурджеда», научно-фантастических романов «Туманность Андромеды», «Лезвие бритвы», «Час быка».

видение неподвижного динозавра растаяло и угасло. Перед людьми не было ничего, кроме черного зеркала, потерявшего синий отлив и отблескивавшего медью».

Две шикарные идеи. Одна из которых, опередив время, реализовалась лишь спустя несколько лет в технологии голографии. Вторая идея, выражая закон сохранения энергии, заключается в том, что в нашей Вселенной ничто не исчезает бесследно, все оставляет свой «след», нужно только знать, как и где его найти.

В природе все настолько взаимосвязано, сцеплено и закручено. Что ни один живой организм не может отстраниться, освободиться от этой паутины бесчисленных взаимодействий с окружающей средой. Невероятной длительности исторический путь прошли живые организмы, в эволюции «родившие» человека. Миллиарды невидимых даже под микроскопом нитей пронизывают клетки организмов, соединяют с внешним миром, отзываются на всевозможные несущиеся, пульсирующие излучения – световые, тепловые, звуковые, молекулярные, магнитные. Наследственные механизмы связывают человека с многослойной многомиллионной памятью прошлых поколений – инстинкты, рассудочная деятельность, гормоны, энзимы...

Это объясняет многие, казалось бы, необъяснимые и порой чудесные вещи. Эмоциональную конвергенцию влюбленных, матери и ребенка, близнецов и двойняшек. Эффект толпы, воровской инстинкт загнанного зверя, чувствительность людей к солнечной и магнитной активности, сомнамбулизм и особое влияние полной луны, влияние трансплантированных органов на организм человека. И еще многое-многое другое.

Объясняет это и влияние и значимость первого мужчины в жизни женщины, когда при дефлорации новая генетическая информация первого мужчины попадает в организм женщины и остается там навсегда. Все последующие дети, независимо от того, кто был их отцом, будут носить генетические признаки первого мужчины их матери. Психологическая аура этого важного для женщины события через энергетическое взаимодействие так же запечатлевается генетически в организме женщины. Кстати, исследования в области интродуцированных последовательностей ДНК показали с достаточно высокой вероятностью факт проникновения чужеродного ДНК в клетки яичника самки. Вот почему генетически программирует женщину не только первый мужчина, но и все последующие.

Теорию эту обвиняют во псевдонаучности, ложности, необоснованности и прочих грехах. Однако, находится все больше и больше подтверждений, причем, в самых неожиданных областях.

Например, вода. Обладая кластерно-фрактальной структурой, она способна «запоминать» информацию о состоянии окружающей среды. Она чувствительна к самым разнообразным полям: электрическому, магнитному, гравитационным. И что более важно для нас – к биоэнергетике человека, ведь человек на восемьдесят процентов состоит из воды, а мозг, так и вообще – на девяносто.

Вода является основной средой, где протекают клеточные процессы. Поэтому, меняя состояние этой среды, можно управлять всеми процессами в организме. Опасное, надо сказать, оружие, если кто-то найдет, как это реализовать!!

Вода – удивительное вещество.

Различные эксперименты указывали на ее всевозможные «способности». Например, запоминать структуру растворов, эмоциональное состояние окружающей среды, человека, что используется в альтернативном медицинском направлении, гомеопатии. Вода «понимает» настроение, сохраняет разного рода информацию, от электрических флуктуаций, до звуковых коллизий. Активную способность ДНК копировать наследственность связывают именно с памятью воды, потому

Один из основоположников оптической голографии, советский физик Денисюк Юрий Николаевич, вдохновлялся в своих исследованиях именно произведениями Ивана Ефремова.

Эмоциональная конвергенция – состояние, когда чувственности двух людей максимально приближены друг к другу, так, что взаимопроникают друг в друга. Когда один человек, находясь в резонансе с другим, чувствует и ощущает тоже самое.

Интродуцированный - чужеродный, некоренной, несвойственный для данной местности, территории.

Телегония (или законы РИТА) утверждает: каждый половой партнер девушки закладывает свой генотип в ее будущих последующих детей. При этом максимальное влияние имеет первый мужчина. До сих пор у телегонии нет фактографических ни доказательств, ни опровержений. Впрочем, как и официальной науки.

что молекулы ДНК не в состоянии удержать в себе такой огромный объем информации.

Не эта ли способность воды распространяется на необъяснимые пока наукой такие факты, как например, генетическое программирование женщины? Не вода ли участвует в отражении, запоминании, закреплении в организме человека и, в конце концов, передаче потомству, процессов, происходящих в физическом пространстве: слова, мысли, биополя, магнитные, электрические поля и т.д.

Возвращаясь к тому, что первый самец «программирует» самку, становится понятным трепетное отношение Природы к этому моменту. Ведь самцу важно, чтобы потомство гарантировано было именно его, а не кого-то другого. В этом суть не только полового отбора, в этом суть любого самца: «только мои гены должны быть в каждой самке». В этом суть любой жизни: захватить как можно больше жизненного пространства, заполнить только собой всю окружающую Вселенную, экспансия своего «Я».

Например. У самца черной вдовы за свою очень короткую жизнь практически нулевые шансы иметь секс более чем с одной самкой, ведь она своего ухажера после коитуса просто съедает. И для того, чтобы увеличить шансы появления именно своего потомства, у самца на педипальпах, которые исполняют роль половых органов, существует скелетная пластинка. Она остается в семяприемнике самки, после копуляции, закрывая доступ для семени других самцов. Поэтому с очень высокой вероятностью отцом паучишек будет первый партнер, сколько бы потом самка не спаривалась. А так как уровень определенного феромона, выделяемого вдовой, после первого секса резко снижается, то наиболее привлекательными считаются «девственницы».

В прайде львов «программирование» самок Природа попыталась решить другим способом. Длительность полового акта у льва составляет несколько секунд. Рефрактерный период несколько минут. Тем самым самец «покрывает» всех своих самок из прайда за короткое время.

Вот и мир хомо-сапиенса Природа не обошла стороной. Проблема девичей невинности актуальна не одно столетие. Вспомнить хотя бы право первой ночи. По поводу биологической ценности и значимости девственной плевы человеческих самок тоже нет никаких доказательств и опровержений. Зачем она? Для чего? Почему она есть лишь у человека, обезьян и некоторых антилоп... Если для обезьяны, как нашей дальней родственницы, понятно это наличие, то почему антилопы?

Взялась ли с неба физиологическая невинность? Мы можем рассуждать на эту тему сколько угодно – это будут наши домыслы. Например, Илья Мечников предложил интересную, но дурацкую, гипотезу: люди в ранний период своего существования вступали в половые сношения в очень юном возрасте, то есть тогда, когда половой член мальчика еще не был вполне развит. Девственная плева не только служила препятствием к совокуплению, но даже способствовала половому наслаждению тем, что она суживала отверстие женского полового органа и приспособляла его к небольшому мужскому члену. При этом она не разрывалась, а постепенно расширялась. В пользу этой гипотезы говорит тот факт, что у многих первобытных народов браки до сих пор заключаются в детском возрасте.

Более правдоподобной выглядит гипотеза, что девственная плева закрывает вход во влагалище, предохраняя маленьких девочек от проникновения заразы внутрь организма. Сохраняя при этом соответствующую микроскопическую химико-физиологическую флору. Да, можно задуматься и провести аналитическую последовательность до следующего вывода: раз в человеческом обществе выжили самочки с плевой, значит все другие – вымерли.

Гипотеза телегонии, которую обвиняют на всех углах научные деятели, которые, кстати, сами не смогли предложить более адекватного, обоснованного, фактологического объяснения, тоже имеет право на

Педипальпы - ногощупальца, вторая пара членистых ротовых конечностей головогруды у членистоногих (в основном это пауки, клещи).

Феромоны – это определенные химические вещества, которые выделяют животные. Их присутствие во внешней среде влияет на поведение представителей того же вида и обычно привлекает особей противоположного пола.

Прайд – семейная группа львов.

существование, как и другие гипотезы – а чем гипотеза Мечникова лучше? Только потому, что он Мечников?

В общем, тема не новая.

И у нее есть другая сторона. Которую практически никто не вспоминает.

Всех мужиков мучает вопрос «первый ли я?». Каждому мужику хочется быть первым. Конечно, реалии современного социума – эмансипация, сексуальная революция и прочая фигня – таковы, что первенство уходит на второй план. Но инстинкт есть инстинкт. Мужику хочется быть первым. Почему? Казалось бы, какая разница, если женщина родит от этого мужика ребенка, первый был этот мужик или нет в ее жизни...

Почему девственницы, неопытные, не интересные в плане разнообразности сексуальных утех, не очень яркого соответствующего мироощущения более привлекательны для мужчин?

Научно обоснованного ответа нет, а «псевдонаучный» – озвучил выше.

Поэтому отмахиваться от псевдонауки, как бы можно. Но если Её Высочество Наука не может что-то объяснить и не в состоянии опровергнуть псевдонаучные объяснения, имеет ли смысл выбрасывать псевдонауку в мусорную яму. Известная проблема демаркации – определить псевдонаучность теории.

Из этой же области банальная и набившая оскомину тема существования и доказательства существования Бога. Вот, Бог... Его никто не видел, реальных фактов существования нет. Существующие Божественные Чудеса – только на бумаге и на словах.

«Иегова сказал Моисею: «Возьми посох и созови общество, ты и твой брат Аарон, и у них на глазах скажите скале, чтобы она дала воду. Извлеките для них воду из скалы и напоите общество и вьючных животных». Тогда Моисей взял посох, который был перед Иеговой, как он повелел ему. Затем Моисей и Аарон созвали собрание к скале, и он сказал им: «Послушайте, мятежники! Что, нам извлечь для вас воду из этой скалы?» С этими словами Моисей поднял руку и дважды ударил посохом по скале. Из неё хлынула вода, и собрание и вьючные животные стали пить».

Не только современная официальная наука, на основе своих практических экспериментов и теоретических исследований, делает вывод: Бога нет. Филон Александрийский так объясняет появление воды: «То ли потому, что и прежде там находилась вода, а теперь была рассечена артерия, или теперь впервые воды по скрытым протокам слились в скале вместе и весьма стеснились, но скала, раскрыв под напором потока устье свое, излила источник, так что не только предоставила лекарство от жажды, но и на долгое время для стольких тысяч дала воду в изобилии».

И что мы имеем? В Бога верят, доказывают с пеной у рта и оружием в руках его существование, предлагая смешные, глупые, идиотские и наивные доказательства. Даже многие ученые, которые в своей деятельности опираются ТОЛЬКО на научные факты, утверждают «Бог есть». Бред? Бред!

С другой стороны, ни та же официальная наука, ни служители Религии, верующие, последователи веры не могут предоставить бесспорных аргументов, теоретических и фактологических доказательств, что Бог есть.

Карл Эдвард Саган, американский астрофизик, в романе «Контакт» очень красиво и остро обрисовал эту ситуацию. Когда, неверующая в бога Элинора Эрроуэй, астроном, обнаружившая «Послание», сигнал со звезды Вега, вопрошала: «По-вашему, Бог всемогущ и всеведущ. Что тогда мешает Ему прямо и недвусмысленно изъяснить свою волю каждому поколению, ну хотя бы однажды?». А после опыта инопланетного путешествия,

Демаркация – определение границ, разделение. Здесь имеется в виду проблема нахождения критериев разграничения научного знания и псевдонаучных построений.

Исх. 17: 1; Числ. 20: 1-13

Mos. II: 211

«Контакт» – научно-фантастический роман о поисках внеземного разума.

Одноименный фильм красив и не менее интересен.

вернувшись без доказательств о проделанном путешествии, эти же вопросы задавали ей: «Вернули они вас примерно через наносекунду после отправления, значит, для постороннего наблюдателя вы никуда и не летали. Если бы внеземляне стремились дать нам понять, что вы и в самом деле где-то побывали... Ваш рассказ они могли бы подтвердить разными путями – ну хотя бы дать какую-нибудь памятку... Почему внеземляне не захотели подтверждать ваш рассказ?»

Так и вспоминается фильм «Берегись автомобиля!»:

– Все люди верят. Один верит, что Бог есть, другой – что Бога нет. И то, и другое недоказуемо. Пересчитывать будете?

– Буду.

*

Обалдеть! Про толстوشечку то совсем забыл. Задумался, размышлялся, философ хренов! А она, бедненькая, не очень умело, но так старательно, так трогательно, боясь поранить зубками нежную плоть, делает минет.

– Тебя как зовут?

– Эльза, – с некоторым усилием сглотнув накопившиеся во рту липкие слюни.

Я чуть не упал на пол со смеху. Представив, как маленькие эльзочки будут вылезать у нее из задницы и, согласно закону «Первый мужчина», так похожие на меня...

* * *

Проснулся от чувства дикого голода. Секунд пять еще смотрел в потолок, пытаюсь понять: приснилось мне это или нет. Но какая-то озлобленная тварь с бешеной силой сжала в кулак мой желудок. Аж, потолок завертелся перед глазами. Не приснилось.

Еще эта эрекция. Член налился кровью так, что светится сквозь одеяло...

Пришлось встать. Охренеть! Два часа ночи! Организм, ты, что – с ума сошел!??

До загадочной утренней эрекции еще далеко!

Скорее по привычке, чем с какой-то другой целью, раскрыл холодильник. Да, конечно, на его обглоданных ребрах только окаменевшая половина лимона.

Проснулся совсем, вспомнил: три дня бешеного напряжения в переполненном душном вонючем вагоне, сидя – НЕ СПАТЬ! – на нижней полке, держа между ног рюкзак с тремя килограммами намытого в киргизском золотоносном месторождении Тоголок золотого песка. С вокзала на полуавтомате домой, минуя ванну, кухню, в кровать – СПАТЬ!

Придется топтать в круглосуточный.

Дурацкий стояк не проходит. Как голодуха связана с рефлексом эрекции? Говорят, у висельников наблюдается death erection (эрекция смерти). А голод можно сравнить с началом смерти?

Кое-как пристроив в трусах напряженный детородный орган, оделся.

Ух! Морозец!

Середина марта.

Вспомнилось:

*Рыхлый снег темнеет в марте,
Тают льдинки на окне.
Зайчик бежит по парте
И по карте
На стене.*

Посмертная «эрекция» наблюдается и при замерзании, эпилептиках, электротравмах. Существует еще «гнилостная» эрекция, когда в сосудах полового члена накапливаются газы гниения.

С.Я. Маршак, «Круглый год», Март.

Весна, сначала дорвавшись до природы, по-скотски разорвала в необузданной страсти всю ее снежную одежду. Но, увидев ее неприглядную анорексичную обнаженность, потеряла к ней интерес. И зима, из последних сил пытаясь снизить эффект резкого оголодавшего рывка оголтелой разнузданной весны, заботливо прикрыла льдинчатым шифоном голые обвисшие груди стыдливой природы.

Пахнет снегом и легким неуловимым ароматом пробуждающихся к жизни робко набухающих почек деревьев. Под тяжелыми ботинками хрустят в морозной тишине заостренные лужи.

Вот же напасть! Эрекция так и не отпускает. И жрать хочется все сильнее.

Дорога идет через двор дома. Темно. Какой-то уродец поразбивал все лампочки на фонарях, а коммунальным службам откровенно пофиг на это дело: ходи народ, ломай коленки.

У самой стены дома елозятся два тела. На боку. Мужик трахает тетку.

Подожел ближе.

Бомжи.

Нестерпимо и омерзительно воняет грязью, застоявшейся сивухой, мочой, экскрементами.

Она мычит в такт его толчкам. Он же, тесно ее обхватив, едва приспустив штаны, так что его белая срака кажется несурзкой в этой помойке, тычет в нее как маятник: тынс-тынс-тынс-тынс...

Я подошел почти вплотную. И со всего размаха, так чтобы резонировать с этим «тынс», вдарил тяжелым военным ботинком на толстой резиновой подошве в это светлое пятно с черной расщелиной. Удар получился такой сильный, что бомжиха отлетела на полметра. Бичара попытался заорать, за что получил второй удар в седалищную кость. Заскулил. Запутался коленями в полуснятых штанах. На корячках уполз за угол дома.

Странное оцепенение нападает иногда на меня – начинаешь думать, а нормальный ли я? – прокрадется какая-нибудь полулегальная шальная мысль, порой извращенная, в обычных условиях вызывающая брезгливое отторжение и рвотное неприятие. Нападет, и не отвязывается. Каждым мгновением вкручиваясь плотным кольцом необъяснимого и непреодолимого желания. Наваждение, колдовство.

Так случилось и в этот раз. Хотя, может быть, это сказалось трехмесячное воздержание, пока я в поисках золота лазил по отрогам северного хребта Кокшаал-Тау.

Глядя на скрюченную представительницу прекрасного пола, подумалось: «вот для чего у меня этот ночной приапизм».

Пристроился сзади. Вонючка вдарила в нос, мозг. Тошнотворный смрад чуть не вывернул наизнанку пустой желудок. Но странное дело, болт в моих штанах не только не съезжился от отвращения, а, наоборот, огнедышащим «Тополем-М» вырвался из расстегнутой ширинки и врезался в зловонное влагище.

Обжигающие липкие внутренние спазмы бомжихи: она хочет, она возбуждена, я хочу, я возбужден. До предела. И начинаю ее жестоко на всю длину моего восемнадцатисантиметрового органа фигачить. От вонючки кружится голова, темнеет в глазах. На мгновение теряю над собой контроль. Ору, как идиот, во всю глотку. Упруго кончаю в нее... Желудок сотрясается в такт потокам спермы, проталкиваемой по каналу. И я, скорчившись, блюю горечно-кислотной пустотой...

... Мокрый конец блестит, вытереть нечем, засунул, как есть в трусы.

Схватил за плечи свою партнершу, отволоч к ближайшей скамье.

– Сиди здесь! Поняла!? Никуда не уходи! – Почти прокричал я. Съезжившись то ли от холода, то ли от испуга, словно ее собираются ударить, она закивала. Я укрыл ее своей курткой – все равно провоняла – и побежал в магазин.

Приап – древнегреческий бог плодородия, отличался от других богов постоянно эрегированным членом. Приапизм – непроизвольная эрекция, не связанная с сексуальным возбуждением.

«Тополь-М» – российский мобильный стратегический комплекс с межконтинентальной баллистической ракетой.

Почему мужики носятся только за красивыми телками? Бегают, добиваются, ухаживают, пристають, насилуют. Вот, в общественном транспорте на меня в давке облокоотится чучело какое-нибудь, так я рожу скривлю, отодвинусь. А зайдет пава, красоты неписаной, так постараюсь прижаться, ладошкой по попке ненароком провести.

Почему красивым женщинам столько внимания, времени, сил, почета, чувств, эмоций, денег?

А как же страшненькие, уродины, полные, толстые, анорексичные, дистрофичные и многие, многие другие, которые имеют какой-нибудь дефект во внешности? Что отличает одних от других? Красота. Красота, как один из факторов привлекательности, как показатель генетической полноценности, заставляет самцов «биться» в жестокой конкуренции за право оплодотворения. Для многих рыб, например, привлекательными самками считаются крупные особи. А самка мотылька семейства Saturniidae привлекает самцов выделяющихся из брюшка феромонами.

Что привлекает человеческих самцов в человеческих самках — загадка загадок.

Великий русский фантаст Иван Ефремов построил и обосновал свою теорию, в которой мерилom красоты и привлекательности является целесообразность. Не могу удержаться, чтобы привести слова этого мыслителя.

«...Чувство прекрасного, эстетическое удовольствие и хороший вкус — все это освоенный подсознанием опыт жизни миллиардов предыдущих поколений, направленный к выбору наиболее совершенно устроенного, универсального, выгодного для борьбы за существование и продолжение рода. В этом сущность красоты, прежде всего человеческой или животной, так как она для меня, биолога, легче расшифровывается, чем совершенство линий волны, пропорций здания или гармонии звуков».

«...Чувство красоты: это отражение очень реального и важного, если оно закрепилось в наследственной, подсознательной памяти поколений и стало одним из устоев нашего мироощущения... Вся эволюция животного мира — это миллионы лет накопления зернышко за зернышком целесообразности, то есть красоты».

«Человек из всего мира высших животных отличается наиболее развитым чувством формы, соразмерять и ощущать которую помогают указанные мышцы глаза. Это чувство использовано природой для выполнения важнейшей задачи — взаимного привлечения разных полов. У древнейших наземных позвоночных — пресмыкающихся — и родственных им птиц основным чувством было зрение, острота которого у них иногда поразительна: грифы с высоты видят лежащую на равнине пададь почти за сто километров. Очень зорки крокодилы и даже маленькие ящерицы... У птиц, с их более развитым, чем у пресмыкающихся, мозгом, красочный наряд самца зачаровывает самку и покоряет ее. Чем выше интеллект, тем более сильные средства надо применить, чтобы заставить особи разных полов, и главным образом самку, подчиниться требованиям природы. Определенная гамма цветов просто гипнотизирует чувствительное к этому животное».

«И вот, используя чувство формы для влечения полов, природа необходимо должна была обеспечить автоматическую правильность выбора, закодирав в форме, красках, звуках и запахах восприятие наиболее совершенного. Тогда предок человека, стоя еще на очень низкой, звериной ступени развития, стал правильно выбирать лучших жен или мужей. Половой отбор стал действовать не только интенсивнее, но и в верном направлении, — словом, все пошло как надо для быстрого восхождения по лестнице исторического развития, все большего совершенствования организма. Потом, когда мы стали мыслить, этот

инстинктивный выбор, закодированный так, что он радует нас, и стал чувством красоты, эстетическим наслаждением. А на самом деле это опыт, накопленный в миллионах поколений при определении того, что совершенно, что устроено анатомически правильно, наилучше отвечает своему рабочему, функциональному назначению... Механизм — да! Но в этом механизме длительное историческое развитие заложило программу неизбежного совершенствования, восхождения к лучшему. Вот почему прекрасное имеет столь важное для человека значение».

«Каковы общие отправные точки нашего заключения: человек этот красив? Блестящая, гладкая и плотная кожа, густые волосы, ясные, чистые глаза, яркие губы. Но ведь это прямые показатели общего здоровья, хорошего обмена веществ, отличной жизнедеятельности. Красива прямая осанка, распрямленные плечи, внимательный взгляд, высокая посадка головы — мы называем ее гордой. Это признаки активности, энергии, хорошо развитого и находящегося в постоянном действии или тренировке тела — алертности, как сказали бы физиологи».

«Идеально здоровый человек не испытывает потребностей сморкаться или плевать и обладает лишь слабым собственным запахом. Излишне пояснять, какое большое значение имела такая отличная химическая балансировка организма в дикой жизни, когда человека выслеживали хищники или он сам подкрадывался к добыче».

«...Большие глаза и притом широко расставленные, не слишком выпуклые и не чересчур впалые. Чем больше глаза, тем больше поверхность сетчатки, тем лучше зрение. Чем шире расставлены глаза, тем больше стереоскопичность зрения, глубина планов».

«Красивы ровные, плотно посаженные зубы, изогнутые правильной дугой, — такая зубная дуга отличается наибольшей механической прочностью при разгрызании твердой растительной пищи или сырого мяса. Красивы длинные ресницы — они лучше защищают глаз. Нам кажутся они изящнее, если изогнуты кверху, — ощущение верно, потому что отогнутые вверх кончики не дают ресницам слипаться или смерзаться».

«... Нормально сложенная здоровая женщина всегда имеет более развитый жировой слой, чем мужчина. Это хорошо известно, но так ли уж всем понятно, что это не более как резервный месячный запас пищи на случай внезапного голода, когда женщина вынашивает или кормит ребенка? Попутно заметьте, где на теле женщины располагаются эти подкожные пищевые запасы? В нижней части живота и области вокруг таза — следовательно, эта резервная пища одновременно служит тепловой и противоударной изоляцией для носимого в чреве ребенка. И в то же время этот подкожный слой создает мягкие линии женского тела — самого прекрасного создания природы».

Иван Ефремов, «Лезвие бритвы».

Некоторые современные ученые трактуют красоту, как генетическую полноценность. Однако и здесь не все так просто. Разум человека, сознание — вносят в инстинктивное восприятие этой полноценности свои, более чем, ощутимые коллизии. Культура, традиции, образ жизни, географическое местожительства, воспитание, образование, духовность и т.д. и т.п. — все это влияет на выявление, выделение, восприятие красоты. Вспомнить хотя бы эталоны красоты женских фигур — в разное время, различное восприятие: от пухленьких «доярок» до селедок с 90-60-90, от Венеры Милосской до Жизель Бюндхен, которая при росте в 180 сантиметров имеет вес всего 60 кг.

Хотя, конечно, генетическая полноценность как раз и составляет целесообразность. То, что максимально направлено на развитие вида, его совершенствование, стойкость к выживанию и экспансии среды обитания, то и является целесообразным, а значит и красивым и генетически привлекательным.

Поэтому резкие инстинктивные реакции отторжения вызывают либо серьезные дефекты внешности, либо явные проявления болезни, либо реальные уродства, либо абсолютная красота (от кровесмешения —

зацикленной системы обмена мертвого генофонда).

При всем при этом, небольшие «нарушения» во внешности могут оказаться дополнительными факторами привлекательности, сигнализируя о «чужой» крови и незнакомом генофонде, что может представлять собой еще одну эволюционную возможность для популяции.

Конечно... возникает вопрос: да нахрена все это?! Столько сложностей!

Ради чего? Ради чего все это – привлекательность, красота...

Половой отбор.

Все из-за него и ради него.

Естественный отбор, чтобы ускорить эволюцию вида, «придумал» половое размножение: разделил вид на два различных пола, которые выполняют практически противоположные эволюционные задачи. Самки репродуцируют вид и гарантируют его стабильность. Поэтому они меньше всего подвержены изменениям. Самки не могут заменить друг друга, то есть одна самка родить чужого ребенка не может.

Самцы же, реализуя взаимозаменяемость вида, становятся «расходным материалом». На них эволюция экспериментирует с наборами качеств и характеристик вида в целом и человеческой особи отдельно. Самцы не только более изменчивы, но и способны заменить друг друга. То есть одну и ту же самку могут оплодотворить разные самцы. А, значит, неудачный самец может быть заменен более удачливым самцом.

Это дает самкам возможность проводить селекцию изменчивых самцов.

Вот тут и возникает половой отбор. Процесс, в основе которого лежит конкуренция за полового партнера между особями одного пола, что влечет за собой выборочное спаривание и производство потомства. Самцы бьются за право оплодотворить самку. Побеждает максимально конкурентно способный. Этот механизм является одной из основных причин эволюции (усилению) тех качеств и свойств, которые позволяют виду и роду выжить в агрессивном окружающем мире.

В пределах вида один из полов, как правило, женский – играет роль ограниченного ресурса для другого – мужского. Поэтому и приходится биться самцам.

*Пришли девчонки,
Стоят в сторонке,
Платочки в руках теребят.
Потому что на десять девчонок
По статистике девять ребят.*

«Стоят девчонки», Текст - Рыжов К.,
музыка - Колкер А.

Революционная смута, послереволюционные чистки, страшная война – унесли десятки миллионов мужских жизней. Что еще раз доказывает: гибнут активные, сильные, выдающиеся мужские экземпляры человеческого племени. Поэтому «ребят» меньше – не успели еще народиться и сбалансировать соотношение.

Есть и другой смысл в этих строчках. Как бы ни был спрос на «ребят» девчонки «стоят в сторонке», скромно теребя платочки. Как и подобает любой самке по законам Природы по закону полового отбора.

Сравните с современной трактовкой.

*Макияж наводишь – все, что только в моде,
Лето в гардеробе при любой погоде.
Декольте поглубже, юбку покороче,
Сегодня ночью буду танцы – это точно.
Обзвонила всех подруг,
Сумку под руку и такси в клуб.
Столько парней вокруг,*

*И один уже заметил блеск твоих губ.
С ним уже уходишь, а подруги одиноки,
Хоть одеты, будто на парад.
Но статистика такая, не поспоришь,
Ведь на десять девчонок всегда девять ребят.*

«Хей, леди!», Sivesta Family.

Девушки? Нет! Хищницы, вышедшие на тропу охоты и войны. Самки, возомнившие, что могут занять место на острие атаки эволюции Человечества, заменить самцов.

Половой отбор контролирует поведение самцов и самок. Для того чтобы самцы могли конкурировать друг с другом, у них развиваются разнообразные свойства и качества. Они составляют основу видового развития. В результате этого самцы приобретают привлекающие внимание качества: яркую окраску, громкое пение и так далее и тому подобное. Самки же просто выбирают самцов по наиболее привлекательным для них свойствам.

И вот, согласно этому половому отбору, самки должны быть незаметными. Так как они вынашивают, кормят и воспитывают потомство, и должны быть незаметны для агрессивной среды.

А наши, человеческие самочки, видимо решили проверить эффект «мужской беременности». Согласно теории, если основное бремя заботы о потомстве берет самец, то соответствующим образом меняется направленность полового отбора. И в итоге у самок развиваются «мужские» адаптации. Например, яркий брачный наряд, пониженная избирательность при выборе партнера, самцы при этом становятся более неприметными и более разборчивыми.

Получается, что согласно половому отбору, самки выбирают самцов и поэтому им незачем быть красивыми!

С другой стороны, человеческие самки тоже стремятся доминировать. Но Природа не наделила их – и, слава богу, иначе бы самцам и самкам пришлось бы биться за доминантность между собой, что привело бы к вымиранию вида, – мужскими качествами, такими как сила, реакция и т.п. Поэтому самки нашли самый оптимальный путь к доминированию: находиться рядом с сильным самцом. В идеальном случае – с вожаком, который приближает самку к себе, автоматически повышая ее статус до доминантного уровня. Для того, чтобы самец заметил самку, ей необходимо привлечь его внимание. Именно этот рефлекс привлечения принуждает самку к активным действиям за овладение вниманием самца.

И посмотрите на нынешних самок!

Яркие резкие активные стервы, суки и динамщицы!

Они, под эйфорией эмансипации, феминизма, равенства, равноправия довели рефлекс привлечения до гиперболических, извращенных масштабов

Равноправие предлагает женщинам право на равный с мужчиной труд и соответствующую оплату, право избирать и быть избранной в государственные органы власти, право на образование, право... равную... равные... равное...

Секс под влиянием эмансипации женщин стал другим. Раньше мужчины совокуплялись с женщинами ради продолжения рода и получения удовольствия от факта эякуляции. Ну, так задумано, что у мужчин эякуляция, семяизвержение, связано с максимальным удовольствием. Это такой же рефлекс, как выделение слюны при виде еды. Потом, в связи с более глубоким познанием женского организма и психологии, секс стал более женоориентирован. Мужчины занимались сексом не только ради себя любимого. Но и для удовлетворения своей партнерши. Сейчас...

Сейчас все не так просто. В большинстве случаев секс превратился в разменную монету. Повод для торговли, обмена, обмана, шантажа. Мужчин часто допускают лишь до моментальной эякуляции: «получил, что хотел,

теперь отвали». Иногда позволяют потешить себя, превращая мужчин в стильный, гламурный, управляемый вибратор.

Вспомните, любимые мои самочки, вспомните милые мои женщины! Когда у вас был последний раз стопроцентно полноценный секс? Когда вы последний раз провалились в абсанс глубокого сияющего удовольствия и удовлетворения? Не от того, что мужчина был технически идеален – сейчас многие, начитавшись всякой хрени, вполне компетентны в точках «джи», «фи», «си». А от того слияния желаний, чувств, эмоций, когда в резонансе совместная энергетика колошматит по нервам, по внутренним органам, искрит по коже...

Отношения между мужчинами и женщинами стали другими. Встав на один уровень с мужчинами, женщины изменили равновесие, которое Природа регулировало половым отбором: самки являются гарантией репродукции вида, когда в процессе размножения никаким образом одна самка не может заменить другую. Хотя и здесь человечество посягнуло на святое и сокровенное: «рожаем» в пробирках, рожаем от неизвестно кого, используя донорскую сперму.

И, глядя на сегодняшнюю ситуацию, так и хочется вспомнить «Kirche, Küche, Kinder». И пусть заткнуться яростные феминистки!! Я не против равного права выбора, не против высоких зарплат для женщин, культурного и нравственного развития, самооценки своего эго. Заниматься сексом, общаться, иметь отношения с самодостаточными, умными, культурными женщинами намного интереснее и привлекательнее.

Но... «Рожденный ползать – летать не может!»

Разность полов – это не выдумка. Разность полов существует реально – опустите свой взгляд в пах, коснитесь груди. Человечество стало забывать, что нельзя требовать от женщины того, что для нее противоестественно и может быть губительным. Причем, губительно не только для отдельной особи – для всей Цивилизации.

Представьте неваляшку. Массивная тяжелая инертная нижняя часть уверено удерживает всю фигуру вертикально. Это женщины – средоточие опыта, мудрости, качественного отобранного многими поколениями генетического фонда. Это очаг, дом, дети, спокойствие. Легкая подвижная верхняя часть, голова, раскачивается от ударов внешней среды из стороны в сторону. Это мужчины. Они исследуют окружающий мир, покоряют его, устраивают для жизнеобитания, охотятся, воюют, бьются друг с другом и гибнут сотнями, тысячами, миллионами...

Стабильная система, которая всегда стремится к вертикальному состоянию.

Представьте теперь, что массивная тяжелая инертная нижняя часть оказалась наверху. Система сломается от легкого прикосновения.

Рожденная рожать – не может трахать!

Женщина – это Мать и Любовь, Хранительница очага, Церковь....

Мда...

*

Пока я отвлекся, подруга моя шла смиренно позади меня, стараясь не отставать. Лишь в подъезде притормозила. Открыл дверь в квартиру.

– Заходи, – кивнул головой вглубь дверного проема.

В прихожей включил свет, открыл ванную комнату, включил свет, поставил пакет со всякой санитарно парфюмерной бабской фигней, купленной в круглосуточном магазине.

– Полотенце на батарее висит, все остальное в пакете. Давай, не стесняйся.

Ушел на кухню.

Вильгельм II Гогенцоллерн, прусский король, определил круг единственно достойных занятий для немецкой женщины: Kinder, Küche, Kirche, Kleider (дети, кухня, церковь, наряды).

В кольцо свернувшись, он прыгнул в воздух и узкой лентой блеснул на солнце.

Рожденный ползать – летать не может!.. Забыв об этом, он пал на камни, но не убился, а рассмеялся...

- Так вот в чем прелесть полетов в небо! Она – в паденье!.. Смешные птицы!

«Песня и Соколе», М. Горький.

Джин... С горла... Зубы стучат от холода об стекло. После десятого глубокого глотка тепло, плюхнувшись в пустоту, начало подниматься из желудка и растекаться по телу.

В ванной комнате стояла такая тишина, что подумал: умерла. И в этот момент струя ударила в металлическую поверхность ванны.

Она прожила у меня 3 дня.

Потом я отвез ее в Центр социальной адаптации.

* * *

Когда подошла очередь, толкнув дверь уролога, я чуть не задохнулся. Сногшибательная блондинка, лицу которой место на обложке какого-нибудь космополитана или плейбоя на фоне крутых перцев, а не среди ополовиненных пластиковых мочеполовых систем, висевших на стенах кабинета, сидела там, где обычно сидят медсестры у принимающих врачей.

И если бы не неприступно-надменное выражение – неподвижный взгляд, слегка поджатые чувственные губы – лица, я бы влюбился с первого взгляда. А так, на нее среагировал только мой младший братишка в штанах.

В процессе ответов на наводящие вопросы уролога – эм-м-м, в несколько припомытом белом халате – эта сучечка делала такой пренебрежительный вид пятнадцатилетней малолетки, которая увидела на стене женского туалета нарисованный неумелой торопящейся рукой озабоченного и пугливого пятиклассника чернофломастеровый контур фаллоса, что братишка еще больше распалился. От этого приходилось елозить на стуле, что воспринималось как смущение благородной девицы, присущее всем интеллигентным людям, говорящих, на их взгляд, о чем-то не пристойном, и еще больше вызывало презрительное, как бы еле сдерживаемое, кривляние блондинки.

– Чтобы сделать более глубокий анализ, нам нужен простатический сок. – Доктор при этом посмотрел вызывающе мне в глаза, непозволительно задержавшись там на несколько секунд, пытаюсь донести до меня всю неотвратимость данной процедуры. В боковом зрении медсестра так пошловатенько хмыкнула и бросила недвусмысленный и многозначительный взгляд на доктора, что ее невероятно красивое лицо – как мало нужно, чтобы красота стала грязью – вдруг стало патологически гадливым.

Ну что ж. Сок, так сок.

Зашли с доктором в препараторскую.

– Снимай штаны, становись здесь, наклоняйся, – говоря это, он надевал смотровые перчатки.

Не успел я опомниться, как его палец ворвался в анус и начал энергично дотягиваться до простаты. Омерзительное состояние, надо сказать. Однако, жгучие толчки в простату становились прият... НЕТ, я НЕ педераст!!! ...ными...

Вместе с треском снимаемой перчатки, как из табакерки, в дверях появляется медсестра. И я в раскорячку со снятыми штанами. Та еще картинка!

– Ложитесь на кушетку. – Врач вышел.

Реально неудобно ложиться на высокую медицинскую кушетку, когда между ног висят штаны с трусами. Медсестра подошла с какой-то палкой, похожей на длинный «бенгальский огонь». Второй раз они застали меня врасплох. Ловким движением плотно обхватила ладонью мой член и сунула эту палку в меатус. Я, аж, чуть не заорал от боли. А она ее просовывала все глубже и глубже в уретру. Боль пронзала насквозь.

Я не телепат, но она так громко думала: «все вы мужики, твари!!»

Черт! От злости и боли, от ощущения ее ладони на члене я начал возбуждаться.

– Одевайся, – отошла к стене, где стоял лабораторный стол.

Меатус – наружное отверстие уретры (мочеиспускательный канал).

«Одевайся». Это было последней каплей, что переполнило мою мочеполовую систему и заклинило мозг. «Одевайся» – словно римская императрица приказала своему рабу. Вот, падла! «Одевайся». Не одевайся, а «оденьтесь, пожалуйста»!

Наблюдая за ее спиной, я доковылял по пингвинячьи – так как при спущенных штанах по-львиному это сделать не реально – до нее. От такого специфического колыхания эрекция просто взорвала головку моего члена. Ее светлые длинные распущенные волосы намотались на мою ладонь. Дернул на себя! Поворачиваясь, от неожиданности, она почти упала на колени. И это решило ее ближайшую судьбу. Так как член сразу оказался у ее искривленного полураскрытого возмущенного ротика, готового произнести какую-то гадость.

Очень удачно и своевременно она его открыла!

Крик, страх, ненависть, презрение, показушная царственность вмиг захлебнулись от члена, заполнившего все пространство ее рта. Невероятно, как моментально сменилось выражение ее лица. Видимо автоматически, она, профессионально обхватив губами член, мастерски сделала несколько движений головой, еще больше возбудив меня.

От злости и боли...

Остервенело стал всаживать в горло в огромном желании порвать ей все нафиг. И уже через двадцать секунд кончил от спазмов ее рвотного рефлекса. Со смачным чмоканием я протяжно-лениво вышел из нее...

– Что тут происходит!?!?

Опаньки! Дохтур! Я неторопливо развернулся и так же медленно со всей грациозностью, насколько это позволили запутанные в штанах ноги, сделал парочку шагов в его сторону. Он, как замороженный, смотрел на меня. И, когда его взгляд спустился к моему довольному половому органу, двинул кулаком ему в челюсть, от чего, как в мультике, голова его смешно крутанулась и он тяжело плюхнулся на кушетку животом. Помятый халат его задрался, внося в еще не остывший мой мозг шальную мысль. Стажил с него – всегда умилялся, глядя, как доктора-мужчины расхаживают по поликлиникам в пижамного вида штанах – медицинские штаны.

– Прелестная панорама!

Доктор попытался дернуться, но своевременно зажатая в моем кулаке его мошонка быстро остудила геройский пыл.

Толи член был еще влажный, толи его анус был готов к этому, вход произошел быстро и легко. Его жаркая внутренность благоприятно подействовала на эрекцию. И чем чаще и глубже происходили фрикции, тем быстрее растворялась моя злость. И когда почувствовал, что ему это тоже нравится, и он стал даже подстраиваться под мои движения, я совершенно потерял к нему интерес...

Нежно вытер о его белый халат своего сытого раскрасневшегося парнишку. Оделся.

Все это время медсестра молчаливо наблюдала, странным – мне было не до нее, чтобы анализировать еще и ее состояние – для меня взглядом.

– За анализами я приду завтра. – Вышел в кабинет. И уже у выхода услышал «Послезавтра. Завтра не моя смена». Теперь совсем не царственная и не с неприступно-надменным выражением лица, хотя все такая же сногшибательная блондинка стояла в проеме двери в препараторскую.

*

А на улице было высокое ослепительно густое синее небо и жаркое желтого цвета солнце. Терпко одурманивал аромат цветущих вишневых деревьев, окружающих поликлинику. Дорожки были усыпаны лепестками, словно снегом. Тяжелые беременные нектаром пчелы низко и медленно возвращались в улей. Тепло, тишина, безветрие наполняли душу легкостью и пустотой, не смотря на болезненное свербление в уретре.

Пустота в душе – опасный симптом, сигнализирующий приближение депрессивных переживаний о своем одиночестве, никомуниужности. Если вовремя не спохватиться, сметет волна страха и боли. Платки, салфетки, успокоительные уже не помогут.

Философия одиночества заключается в простых словах «я никому не нужен», «я никому не нужна»... Каждому живому разумному существу хочется, чтобы оно было кому-то нужно. Эта востребованность одного человека в другом есть неискоренимое желание избежать одиночества. Даже Бога человек придумал только потому, что безумно боялся быть никому не нужным, парализующим страхом ощущая свое одиночество. Апофеозом стал распятый Иисус. Когда воззвал к Своему Отцу: «Боже Мой, Боже Мой, для чего Ты Меня оставил?!» Страх, боль, скорбь, страдание в этом безысходном возгласе обессиленного истерзанного человека, распятого на кресте. Митрополит Илларион Алфеев говорит: «Ему нужно было претерпеть самое страшное страдание, которое может выпасть на долю человека — это ощущение, чувство богооставленности, это то чувство, которое испытывает человек, когда ему кажется, что Бога нет, или что Бог не слышит его молитвы, или что Бог оставил его». Богооставленность – высший уровень одиночества.

45, 46, Новый Завет,
«Евангелие от Матфея»

Мы и в космосе ищем подобных себе, отправляем зонды на ближайшие планеты для взятия проб, запускаем телескопы в безвоздушное пространство, чтобы атмосфера не мешала изучению Вселенной, посылаем сигналы, в ожидании услышенности. Слушаем и вслушиваемся сами. Чтобы знать «Мы не одиноки!!»

С того самого момента, как искорка разума сверкнула под лобной костью древнего человека, проблема одиночества пронизывает всю нашу жизнь насквозь с рождения и до смерти, существование всего нашего общества, всю историю развития Человека.

Не спасает нас от одиночества и приобретенный спутник по жизни. Муж, жена, дети, соратники, партнеры, друзья, подруги, любовники, любовницы. Ведь, когда мы начинаем вести совместный быт, общение, жизнь, мы принимаем на себя дополнительные обязательства. Я – по отношению к тебе, ты – по отношению ко мне, мы – по отношению к друг другу и по отношению к тем другим во внешнем мире. Мы теряем часть себя, заменяя пустоту частью того другого. Мы теряем часть личной свободы и лишаем независимости того другого.

И чем больше людей находится в нашем кругу, тем интенсивней мы теряем свою индивидуальную самостоятельность, тем сильнее растворяемся в этом групповом сосуществовании. И тем ярче и ощутимее становится чувство одиночества. Так знакомое жителям мегаполисов.

Очень и очень сильно подозреваю, Природа специально вживила в нас этот страх, чтобы мы больше занимались сексом, больше размножались: чем больше людей, тем меньше ощущение одиночества.

Замечали Вы когда-нибудь, что во время секса – глубоко ли проникая языком в рот партнерши, упираясь ли в перигелии фрикций головкой члена в матку, впитывая ли всей полостью рта сладость сосков, слизывая ли тягучий аромат клитора, собирая ли ладонями электрические заряды с кожи, отражаясь ли в бездонных зрачках – жизнь наполняется до предела каким-то космическим смыслом? Глубинным, доисторическим, недостижимым разуму, непостижимым смыслом. Каждая клеточка пульсирует нужностью и важностью. Каждое мгновение взрывается необходимостью и неизбежностью. Каждый вздох наполнен плотным ароматом жизни.

Слияние плотей и душ, слияние энергий и полей...

Слияние эмоций и смыслов жизни...

И все это в одной точке пространства...

Да, да. Природа-Мать не зря придумала этот фокус с полнотой жизни

и ее смыслом. Это единственная в нашем мире возможность забыть о своей ущербоности, некомфортности, не востребуемости, никому ненужности...

Одиночестве...

Хотя бы на несколько минут.

Но...

Эта возможность по-разному реализуется для мужчин и женщин.

Процесс коитуса, совокупления, соития, секса, траха, полового акта – архиважно для мужчины. В эти мгновения отступает одиночество. Жизнь клокочет, смысл этой жизни бурлит. Каждый нормальный мужчина стремится продлить этот процесс. И во времени и в пространстве. Страх перед одиночеством, обернутый инстинктом самосохранения, в потоке естественного и полового отбора толкает самца оплодотворить как можно больше самок. Количество наполненных смыслом минут при этом увеличивается, и увеличивается количество своего потомства. Одиночество как бы уменьшается.

Мужчина добытчик, мужчина охотник, мужчина воин, мужчина защитник, мужчина мародер, мужчина насильник, мужчина убийца... И только в сексе мужчина, сливаясь с женщиной, – каким бы ни был: грубым, нежным, суровым, ласковым, неуклюжим, осторожным, дерзким, заботливым – он воссоединяется со своей ипостасью, сутью, эссенцией.

Мальчиков привлекает волнующая таинственность, сокрытая запретами и незнанием. Юношей привлекает оргазмическая сладость процесса, смешанная с необъяснимым спортивным азартом. Инфантильных, еще только вкушивших плод познания, мужчин привлекает женщина, как объект вожделений, страсти, похоти, порой, как объект воспроизводства потомства. Мужчин, приблизившихся к мудрости, привлекает процесс дарения себя, клонирования своего эго, делением себя и, в конце концов, любование собой в отражениях разбросанных осколках самого себя.

А вот умудренных опытом мужей привлекает именно этот момент прикосновения к грани познания таинства Божьего замысла, который в очередной раз ловко ускользнув, теряется, растворяется, исчезает, забывается, оставляя лишь ощущение недавней переполненности, вовлечения во что-то невообразимо бесконечное и емкое, оставляя чувство сначала легкой пустоты, а потом все более жесткого и холодного вакуума...

Черт! Мозги сломались... Как-то сложно получилось. Мозг, сбежавший в член, возвращается, блин.

Весна на излете. Припекающее солнце скидывает с девушек последние туники стыда и внешней невинности. Даже девственницы считают необходимым оголить свое тело до критически открытых уровней. И, несмотря на ощутимую боль в уретре – все-таки что-то мне там испортили – возбуждение с легкой эрекцией охватывало каждый раз, когда навстречу шла почти обнаженная красоточка. Мешая сконцентрироваться на мыслях, мешая вернуться мозгу.

В общем, если совсем просто, то так: путь от мальчика до умудренного мужчины – это путь познания Божьего замысла: для чего мы занимаемся сексом. Путь от сладострастного удовлетворения своим состоянием до упоения самим процессом слияния с женщиной.

Секс ради удовольствия

Секс ради секса

Секс ради самовыражения

Секс ради потомства

Секс ради полноты жизни.

Жизнь коротка. Мужчине Природа подарила слишком мало мгновений быть самим собой. Поэтому мужчины в сексуальном пароксизме сначала хотят всех трахнуть. Всех всех всех! Чтобы этих мгновений было больше. Как много больше! А затем на бреющем полете зрелости

Инфантильность – задержка развития организма, незрелость, отставание в развитии.

Пароксизм – внезапное обострение болезни, приступ сильного душевного возбуждения и т.д.

самоотверженно пытаются продлить... продлить продлить продлить эти мгновения с одной женщиной.

Не отрицаю и, наоборот, поддерживаю природную функцию мужчины-самца «раскидать» свое семя как можно дальше, как можно шире. В этом залог выживания его генетического кода и всей его генеалогической ветви. И как тут можно не поддерживать Природу, если именно ради этого она и разделила все живое на самцов и самок.

Развитие Homo sapiens вдруг пошло с таким бешеным ускорением, что офигевшая Природа просто не успела подсутиться вовремя и теперь не успевает подстроиться.

В мире, где «побеждены» болезни, где техногенные революции творят чудеса, где уже нет необходимости забивать камнями мамонта, достаточно открыть холодильник, а чтобы победить целую многомиллионную страну, достаточно одному человеку одним пальцем нажать одну кнопку... в этом мире для мужчины, не мальчика и юноши, но для мужчины, моногамия, постоянство, стабильность, верность настолько же важны, как и для женщины. И даже, скорее всего, больше.

В современном мире, который стал результатом многовекового выхолащивания самцов. В котором ни обществу, ни государству, ни церкви не нужен такой вид самцов, как альфа, – неуправляемые, агрессивные, импульсивные, сильные, способные расколоть общество, сломать государство, разрушить церковь. И их просто постепенно вырезали... Обществу нужны пассивные, послушные и управляемые бета самцы... В таком современном мире для самца рациональнее и эффективнее потратить время, силы, энергию, средства на выращивание, воспитание, двух-трех детенышей от одной самки, чем собирать камни по всему свету.

Сейчас я произнесу фразу, которая большинству покажется глупостью, ересью. Инстинкт заботы о своем потомстве у мужчин развит сильнее, чем у женщин. Проявляются эти инстинкты по-разному. Женщина заботится о ребенке сейчас, каждый день, постоянно, сиюминутно. Кормит, согревает, обеспечивает местную защиту и безопасность, воспитывает. Это тактический инстинкт. У мужчины родительский инстинкт стратегический. Так как все из-за той же задумки Природы о естественном и половом отборе, женщина вынашивает ребенка мужчины, его гены. Мужчина, как бы инвестирует себя (время, средства, силы, энергию...) в свое потомство. Мужчина воюет, несет службу, ходит на охоту, пашет поле, рубит лес, делает бизнес, работает и т.д. больше для своих детей, чем для себя. Женщина, как условие благосостояния и здоровья его детей, тоже вовлекается в этот круг стратегической заботы и опеки.

Другое дело, что не везде и не всегда мужчине удастся проявить этот инстинкт в полной мере. Например, в Италии мужчина при разводе теряет все, так как все достается женщине. В России законодательство настолько унизило и выхолостило мужчин, что проявить себя может не каждый герой.

Аргументы, что мужик измельчал, нет рыцарей и принцев, все бухают и не хотят нормально работать и зарабатывать, мне знакомы и известны. Да, да... Не отрицаю. Но после того, как общество и государство повырезало цвет нации, активных, умных, сильных, прогрессивных, оставив и расплодив нищих, агрессивных, тупых ублюдков, можно обвинять любого в неспособности, наркотической зависимости, ущербности...

Так получилось. Социализация привела к тому, что общество, государство стало альфа самцом. Со всеми вытекающими последствиями. И одно из таких последствий: ни один доминант не терпит соседства другого доминанта. Поэтому мы имеем то, что имеем. Среднюю серую массу в лучшем случае бета самцов. Которые, так или иначе, подчиняются альфа самцу – Обществу.

Причем, общество это все обустроило таким образом, что осуждается даже проявление стремления к постоянному сексу. Мужик – маньяк, юноша – сексуально озабоченный. А ведь это нормальная функция организма. Мужского организма. Надо бить тревогу, если мужчина не стремится к постоянному сексу!

И мужикам приходится искать альтернативу. Заполнять свою жизнь каким-то левым, а не тем, что подарила Природа, смыслом. В ход идут самые разнообразные средства: бизнес, спорт, увлечения, игры, тяжелый физический труд, искусство, алкоголь, наркота...

Все это паллиатив. Скажите, как бизнес может заменить женское тело? Какой спорт может сравниться с женским теплом? Что может быть увлекательнее исследования женского влагалища? Что может быть интереснее оральной игры с клитором? Женские губы – вот самый сильный наркотик! Разве тупая усталость от тяжелейшего физического труда может заменить яркость и полноту ощущения себя и мира в продолжительном соитии с любимой женщиной?? Ни один леонардо, ни один микеланджело, ни один роден не сможет создать умопомрачительную притягательную волшебную красоту изгибов обнаженного женского тела, сонно прижимающегося спиной к твоей груди.

Для женщин процесс коитуса, совокупления, соития, секса, траха, полового акта – тоже важен. Но важность эта определяется линией поведения.

В современном обществе у женщины наблюдается три характерные линии поведения. Первая – это торговка. Поставленная мужским сословием в необходимость продажи своего тела, женщина расширила границы проституирования. Продажа себя за деньги, вещи, предметы, положение в обществе, работу... Шантаж, удовлетворение себя ради здоровья за терпение нелюбимого рядом....

Вторая линия – это охотница. Женщине, как и мужчине, нужен секс. И ради физиологии, и ради удовольствия, и ради психологического благополучия. В силу своей пассивности в половом отборе, женщине трудно удовлетворить эти потребности. Однако, современное общество, техногенность, высокая технологичность, ряд сексуальных революций, скотская политика разврата вседозволенности и распутства, позволили все-таки женщинам выходить на тропу охоты. Тогда они наряжаются, «напяливают» на себя боевую раскраску и выходят на улицы в поисках одноразового приключения с коитусальным исходом.

И первая и вторая линии – это результат осовременивания общества.

Третья линия – это поиск мужа, отца детей. Тут без комментариев.

Частенько случается так, что сам процесс не важен абсолютно. В банальном старом анекдоте во время сношения кота с кошкой за пробегающей мимо мышью побежала кошка. Хотя, мужики порой тоже отвлекаются от секса, чтобы, например, убрать с сексодрома мобильный телефон, ноутбук, планшет...

Секс для женщины важен, если он не используется в качестве весомого аргумента купли-продажи, для поддержания здоровья, для укрепления собственного достоинства, для сближения и сроднения с мужчиной, для зарождения потомства.

Для борьбы с одиночеством женщине Мать Природа сделала очень хороший подарок: деторождение. Наполняя смыслом не только каких-то 10-15 минут – более продолжительный секс не рассматриваем, как редкое явление, – проводимого коитуса, но и 9 месяцев беременности и 2-3 последующих года, когда все существо ее, так или иначе, связано с новой нарождающейся жизнью.

Однако, Природа обделила женщин, наделив пассивной ролью в половом отборе. Создав для нее к тому же неразрешимое противоречие.

Паллиатив

1) в медицине, средство или хирургическая операция, приносящая временное облегчение, но не излечивающая болезнь.

2) В переносном смысле - мера, не обеспечивающая полного, коренного решения поставленной задачи; полумера.

Человек – существо разумное. Поэтому, кроме своего биологического, имеет еще два предназначения: индивидуное, когда должен осознать себя, сделаться полноценным, самодостаточным, счастливым, и социальное, когда должен реализоваться в обществе и выполнить свою социальную функцию.

Разум отграничивает человека от животного мира, проводит черту между ним и другими зверями, ставит в противоположность к неживой и неразумной природе. Поэтому и мужчины и женщины, как разумные существа, имеют равные права для самоосознания и социальной реализации. Равные права, но не равные возможности. Различие этих возможностей ограничивается биологией, физиологией, ролями, которые мужчины и женщины играют в естественном и половом отборе.

Например.

По сравнению со среднестатистическим мужчиной, среднестатистическая женщина на 8-10 сантиметров ниже, у нее на 70 процентов больше подкожного жира и на 40 процентов меньше мускулов. Мужчины достигают пубертатного периода на два года позже. Мужчины умирают в среднем на пять лет раньше. Женщины в два раза чаще страдают от тревожности и депрессии, хотя при этом в три раза реже стремятся к суициду. У них обоняние лучше и они легче возбуждаются сразу после оргазма, что нельзя сказать о мужчинах. Мужчина на воспроизводство потомства тратит в среднем 7 минут, от эрекции до эякуляции. У женщины уходит на это 9 месяцев. Мужчина должен быть более активным, женщина – более пассивной. Мужчина готов к оплодотворению практически всегда, женщиной руководит овуляторный цикл.

Сексуально активный мужик – герой...

Шалава, шлюха, проститутка – если женщина более активна в сексе, чем среднестатистическая женщина общества. Сучка, стерва, тварь – если общественное мнение, культурные традиции и нравственные устои общества указывают на несоответствующую, неприемлемую гиперактивность женщины.

Этими осуждающими моралистическими сентенциями Природа закрепила в общественном мозгу пассивную – но не менее важную в естественном и половом отборе – роль женщины: быть гарантом стабильности вида. А для того, чтобы быть гарантом стабильности рода, самки, женщины должны быть незаметными, невзрачными, серыми, пассивными.

Развитие разума шло своей дорогой. Отделив человека от всего другого животного мира, от всего мира вообще, разум сделал человека сразу одиноким. Камни, деревья, жуки, рыбы, звери не ощущают своей никомуненужности.

Случаются, конечно, исключения.

«То была первая ночь, когда Бим не пришел домой, в свою квартиру. Он это почувствовал, когда очнулся от дремоты, и не сразу сообразил, где находится. А сообразивши, затосковал. Он же снова видел во сне Ивана Ивановича каждый раз, как только засыпал, видел его, а проснувшись, ощущал еще теплоту его рук, знакомых с малого щенячьего возраста. Где он, мой хороший и добрый друг? Где? Тоска невыносимая. Одиночество тяжелое, и никуда от него не денешься... Тоска. И Бим заскулил. Потом чуть взлаял дважды, тоже с легким подвывом, как гончая, когда она добывает след зайца по вчерашней жировке. И наконец не выдержал – взвыл протяжно.

... пал между рельсами, вытянув все четыре лапы, задыхаясь и тихонько скуля. Надежды не оставалось никакой. Не хотелось никуда идти, да он и не смог бы, ничего не хотелось, даже жить не хотелось.

Когда собаки теряют надежду, они умирают естественно - тихо, без ропота, в страданиях, не известных миру. Не дело Бима и не в его

способностях понять, что если бы не было надежды совсем, ни одной капли на земле, то все люди тоже умерли бы от отчаяния. Для Бима все было проще: очень больно внутри, а друга нет, и все тут. Как лебедь умирает после потери любимой, взмывая вверх и бросаясь оттуда камнем, как журавль, потеряв родную и единственную журавлиху, вытягивается плашмя, распластав крылья, и кричит, кричит, прося у луны смерти, так тогда и Бим: лежал, видел в бреду единственного и незаменимого друга и готов был ко всему, даже не сознавая этой готовности. Но он теперь молчал. Нет на земле ни единого человека, который слышал бы, как умирает собака. Собаки умирают молча».

Гавриил Троепольский, «Белый Бим Черное ухо».

Да разум, случается, посещает высших животных...

Развитие разума шло своей дорогой. Человек изучал мир, расширял границы Вселенной, раскрашивал красками серую скучную окружающую реальность, пытался наполнить смыслом и содержанием все, даже Пустоту. Человек научился ощущать, чувствовать, переживать, познал Науку, прикоснулся к Искусству. В стремлении заполнить Космос самим собой, возвел свое Я до невообразимых высот, осознавая при этом себя мелкой песчинкой, молекулой, одинокой, бесполезно суетящейся среди таких же бестолковых молекул.

Матушка Природа заботливо указала разуму, чего она хочет от него. Но он, бунтарный, гордо подняв голову, сказав пренебрежительно «фи», стал ломиться в бетонную стену...

Разумность – или, скорее, неразумность – человека заставляет идти против многомиллионного пласта рефлексов и инстинктов. Тяга к хорошему, к искусству, к красоте, к прекрасному – красивые женщины наиболее привлекательны для мужчин, женщины осознавая это, в стремлении завладеть вниманием мужчин, стремятся стать более красивыми – заставляет часто делать выбор в ущерб фертильным качествам.

Женщина остается один на один с этим противоречием, неразрешимым противоречием, парадоксом Природы: она должна быть серой и незаметной, но хочет и чувствует потребность быть красивой и привлекательной. Все женские проблемы происходят от этого. Как бы мы ни крутились в самокопании и самоанализе. Какие бы мы ни строили логические замки на гипотезах и теориях, так же, как верно то, что все мужчины «думают» членом, так же и женщины современного мира не властны вырваться из этого Парадокса.

История Человека Разумного микроскопична по сравнению с Историей Сущего. И идти против Нее – это самоубийство. Куда приведет Человечество этот навстречу бешено несущемуся локомотиву бег, я не знаю. Но первые шаги – феминизм, эмансипация, как бунт против женского одиночества, – привели к печальному результату: женщина обречена сильнее и острее испытывать одиночество, чем мужчина. И чем дальше они уходят от своей природной сущности, тем сильнее будут страдать.

Следуя логике, становится понятным, чтобы женщина была счастливой и не одинокой, она должна быть перманентно беременной. Любые другие пути только усугубляют проблему. Однако, сие невозможно...

* * *

Это был поезд из среднеазиатской республики. Мало того, что сами по себе вагоны были старые раздолбанные и грязные. Так еще в каждом из них было народу в три-четыре раза больше нормы.

Ноги, руки, головы, тела.

Мешки, сетки, сумки, чемоданы.

Жара, духота.

Смешанная с сигаретным дымом из тамбура и смрадом незакрывающегося туалета вонь липких немых потных тел. Тонкий

аромат, потыренной по полкам, кураги, дынь, лепешек и прочей восточной экзотики лишь еще сильнее подчеркивал это зловоние.

Непрекращаемый гомон, нудёж, бубнение – даже ночью найдется парочка идиотов, пытающихся в подвыпившем состоянии что-то доказать друг другу, – двух сотен базарных глоток.

Если есть в мире ад, то он здесь: в раскаленном полуденным пустынным светилом, переполненном людьми и забитом доверху быстропортящимися продуктами, свежими и сушеными фруктами, мануфактурой и наркотой, неторопливо катящемся по выжженным пескам, вагоне.

У меня была вторая полка, лежал, стараясь максимально не привлекать к себе внимания.

Во-первых, во внутренностях своего ноутбука я вез ханку, чтобы хоть как-то окупить свое причудливое турне. Она, зараза, через десятистый плотный целлофан очень чувствительно воняла, хотя, возможно, это был и психологический эффект, а, может быть, это воняло с соседней полки.

Во-вторых, потому что европеец, что сразу крайне нежелательно выделяло меня – почему-то это вызывало у окружающих азиатов нездоровый интерес и агрессивную реакцию: задеть, прицепиться, пристать, напакостить, поугрожать.

Чем незаметнее присутствие, тем безопаснее путешествие.

Для того, чтобы меньше светиться и рисоваться в дороге, пришлось воздержаться от еды и питья: меньше ешь и пьешь, меньше справляешь нужду, меньше сидишь или ходишь. Задачу воздержания облегчала антисанитарная и не аппетитная окружающая обстановка – желание даже просто приблизиться к вагонному сортиру отбило напрочь. Поэтому яростных позывов в туалет не было.

Но...

Окислительно-восстановительные процессы не остановишь, и природа берет свое.

Вторые сутки в пути.

Глубокая ночь.

Проснулся от двух причин.

От того, что на лицо что-то упало... Рука с третьей полки. Черт!

И от переполненного мочевого пузыря с естественной эрекцией, в качестве запирающего клапана.

Скрючившись, выглянул в проход: темнота, причудливые контуры руконогомешкоголов... Очереди в туалет нет – днем там постоянно толпятся пять-семь нетерпеливых мужиков с кричащими детьми, вечером – тетки все с теми же неугомонными детьми – сейчас же притуалетный тамбур был пуст.

Ну да... Пуст.

Туалет, надо сказать, был засран по самое «не могу». Грязь, сомнительная жидкость, экскременты.

Склонившись над унитазом, задом – натянутая форменной юбкой, что, аж, сочная молния готова была взорваться, жопка упругим шариком соблазнительно завлекала – в проем двери, стояла проводница. Странно, что проводница, а не проводник. Как помню, билеты проверял мужик.

Условный рефлекс, разбудил не только меня, но и поднял мой член, который от вынужденного двухнедельного воздержания только и ждал случая показаться во всей красе. А тут еще такое аппетитное яблочко. Удержаться не было сил.

И я сделал шаг вперед.

Молния, брызнув в стороны юбочной материей, смачно треснула. От привычных пальцев юбка тут же слетела вниз.

Мистическое неправдоподобное сияние белоснежных стрингов бешено контрастировало с окружающей пакостью. И это лишь ускорило полет трусиков вслед за юбкой.

Пупырышки упругой смуглой кожи ее налитых соком ягодич и бедер

Ханка - засохший сок опийного мака. Обладает резким специфическим запахом. Выглядит как темно-коричневая липкая масса.

приятно зашекотали ладони.

Внешняя отстраненность проводницы – она, словно не замечая происходящего, наяривала ершиком заговнянный унитаз, а пальцы мои уже обильно оросились терпкой смазкой влагалища – еще больше распалила меня. А экстремальность – вот-вот кто-то проснется и пошлепает испражняться – в разы обостряла ощущения.

Член, потеряв голову от возбуждения, запутался в резинке от трусов. А когда, наконец, выскочил, то с такой озверелостью воткнулся в проводницу, что она, уронив ершик в унитаз – и он моментально исчез в дырке и абсолютно офигевший, наверное, от такого оборота событий, запрыгал по шпалам – уперлась руками в дужку ватерклозета.

Ммммммммммммммммм.....

Ее горячая липкая плотная внутренность заставила меня сразу кончить два раза подряд.

И я это собирался сделать в третий раз...

Потом в четвертый... пятый...

Вот оно вынужденное воздержание!

Ее булочки, словно вырезанные по лекалу, так органично вписались в мой пах, а мой изголодавшийся зверенок так плотно заполнил ее услужливо податливое влагалище, что мы совокуплялись, совокуплялись и совокуплялись. С животной тупостью и отрешенностью, полностью отдаваясь процессу втыкивания и подмахивания. Радостно и слащаво ухмыляющийся поезд, резонансно подмахивал нам обоим.

В узком, тесном, тускло освещенном, загаженном, зловонном сральнике наши голые тела были живым воплощением сюрреализма, что нам позавидовал бы сам Сальвадор Фелипович.

Сальвадор Доменек Фелип Жасинт Дали и Доменек, маркиз де Пуболь - один из самых известных сюрреалистов, испанский живописец, график, скульптор, режиссёр, писатель.

Вагон дернулся на стрелках.

Член выскользнул из влагалища и как-то недоуменно дернулся.

Проводница неуклюже плюхнулась на унитаз. Платок слетел с головы, открывая взору прекрасные длинные черные волосы. Она, останавливая наши с поездом попытки сунуть ей в рот, прижала торчащий мокрый член к щеке с обескураживающей нежностью и заботой, словно приложила ладошку младенца. Ее красивые, слегка раскосые глаза, смотрели снизу вверх с такой выразительностью, что я понял ее просьбу «Все, хватит». От такой душевной теплоты я кончил, головка члена дернулась и слабенько выплеснула остатки спермы ей на щеку, ухо, волосы...

– Подожди там, я приду. – Она махнула в сторону курящего тамбура.

Темный тамбур.

Пульсирующий свежий воздух.

Выпученными звездами ночь вылупилась в раскрытое окно.

Ночная пустыня бездонна, черна и одинока. Отсутствие границ и точек, где может задержаться взгляд, делали пустыню Космосом. Взгляд, не находя опоры, терялся, суетился, вызывая головокружение и легкую тошноту, метался в поисках зацепки.

И...

Находил звезды... Которые горели так низко, что оказывались под ногами.

Я смотрел на эти огромные звезды снизу вверх и сверху вниз. На нереально близкий распростертый на пол неба Млечный путь, гигантский сияющий ковш Большой Медведицы, и перевернутую сапфировую букву «М» Кассиопеи. Теплый, но из-за скорости поезда прохладный, ветер дул в лицо, принося незнакомые ароматы из глубины ночной пустыни. От потоков воздуха приходилось щуриться. Желтое пятно от моего окна бежало по земле вслед за нами, повторяя поверхность рельефа.

Пришла. Ведро воды и два полотенца.

– Здесь оставишь, потом заберу... Сама.
Застегнутая на все пуговицы. Черный с белым узором платок,
надвинутый до бровей, скрывал волосы. Даже не подняла взгляд.

Вот и последняя ночь.
Проснулся от легкого прикосновения к руке.
Проводница.
Машет ладонью, подзывая. Скрылась в проходе.
В тамбуре она сильно схватила меня за руку.
– Через десять минут остановка. Сходи. Утром у тебя хотят все
отобрать. Потом выкинуть с поезда. Я слышала. Утром.

Четыре уменьшающихся огонька удаляющегося последнего вагона.
Я стоял на незнакомой станции.
Пустой перрон.
Темные окна вокзальных помещений.
Красные глаза светофоров.
Где-то лаяли собаки.
Посвистывал маневровый тепловоз.
Пахло поджигаемым углем, креозотом и какими-то цветами.
Между ног у меня была сумка с вещами, через плечо ноутбук с
ханкой.
А в левой руке бумажный, прошитый белыми нитками, пакет. Две
лепешки и пара горстей кураги.
И это все, что осталось у меня от женщины, даже имени не знаю, с
которой был бешенный секс в обосранном туалете, и которая возможно
спасла мне жизнь...
... жизнь...
Именно потому, что у нас с ней был бешенный секс в обосранном
туалете поезда, идущего из одной среднеазиатской республики.

*

Странный народ – женщины.
Столько сил прикладывают, чтобы отказать мужчине в его
домогательствах... А потом, неожиданно согласившись на секс, отдают себя
мужчине полностью. Отдают без остатка, геройски. Поражая воображение и
сминая все возможные представления о порядочности, преданности,
самоотверженности, самопожертвования.
К сожалению, очень редко они остаются навсегда. Иногда надолго,
порой пока не надоест, часто, пока не найдется другой мужик. Однако, не
менее часто, исчезают сразу после первого раза. Существует и другая
статистика: надолго с «хорошими мальчиками» женщины остаются реже,
чем с «плохими».
В чем причина такой самоотверженности?
В чем причина такого самопожертвования?

Почему женщина «держится» за алкаша, ежедневно вытаскивая его
из-под заборов и помоек, живет с никчемным неудачником, постоянно
выслушивая сопливое самобичевание, терпит и мирится с больным
игроманией, борется с губительной зависимостью наркомана, мучается с
тупым мужланом, безропотно выносит издевательства гаденыша? Почему
ради мужчин она бросает карьеру, посвящает себя, целиком и полностью,
домашнему очагу? Почему терпит унижения, побои? Откуда такой
мазохизм? Почему женщина с таким нездоровым садизмом унижает себя,
жертвует своей единственной жизнью?

Если миром правит естественный и половой отбор, этого не должно
происходить. В природе самке не нужен самец, который не может защитить

и обеспечить ее и потомство. В этом случае генетическая ветвь гибнет. А весь род и вид тогда обречен на исчезновение. Природа не настолько глупа, чтобы идти вопреки своим замыслам.

Или что-то сломалось в механизме Природы. И поэтому все пошло наперекосяк?

В прошлом году затащил насильно девушку, воспользовавшись ее «минутной» слабостью, в постель. Последняя пустая, кроме нас вдвоем никого больше не было, маршрутка неслась без остановок по ночному городу, она сидела и почти навзрыд ревела, когда я подсел к ней, насильно повернул лицо к себе и жестко взасос поцеловал и только усталый голос водителя «Эй! Эй! Конечная!» остановил мою руку, которая резко пробралась под юбку и почти залезла в трусики. Нежность появилась позже. После стремительного грубого траха в прихожей, на полу, в одежде – я целовывал ее слезы с лица, в бешеном ритме всандаливая ей на всю глубину члена, а она плакала, пыталась раздеть себя и меня, и ногтями, толи от злости и обиды, толи от удовольствия, впивалась в плечи и спину – мы почти до утра просто целовались, обнимались и разговаривали: необходимость выговориться можно унять только разговором.

– Ты считаешь, что если один из супругов не выполняет клятвы, другой должен бросить его?

– Хм. А что значит «не выполняет клятвы»? Если я не принес зарплату домой, проиграв ее в карты. Это невыполнение клятвы?

– Ну, я не так выразилась. Если он пьет и спивается. Настолько спивается, что обратной дороги у него нет. Он спился и совсем не хотел лечиться. Что я только не делала, больницы, знахарки, психотерапевты. Я потратила столько денег, времени и сил. Почему, если он не хочет и ничего не делает для сохранения семьи, я должна мучиться с ним всю жизнь?!

– Но ведь ты давала клятву Бо...

– Но он тоже давал! Я сделала все, что могла, но считаю, что если один не делает, то почему должен делать другой? Если я что-то делаю, что-то сделать должны и мне, все должно быть адекватно. Я вся извелась, пытаюсь его вытащить из запоя. А он как был алкоголиком, так и не захотел лечиться. Я больше не могу...

И она в очередной раз истерично разревелась у меня на груди.

И это был не единственный случай отчаяния, смешанного с беззаветностью и жертвенностью, с которым я столкнулся.

В чем же причина такой самоотверженности?

Может быть, это материнский инстинкт или – инстинкт доминантной самки, или это страх потерять самца? В когда-то проводимых исследованиях получили результат: женщины во время обид чаще мужчин делают первый шаг к примирению. Ведь самке нужен самец, который будет обеспечивать ее и заботиться о потомстве.

Самец в жизни самки занимает огромное место. В первую очередь, как «производитель» потомства с наилучшими генетическими характеристиками и как гарант безопасности жизни и развития потомства.

Женщины, в соответствии с половым отбором, делают выбор наиболее конкурентно выигрышного самца. Процесс этот занимает немало времени, требует существенного количества энергии и результат поэтому ценен сам по себе, так же как ценна та вещь, которую мы долго и тщательно выбираем, бродя по просторам многочисленных супермаркетов, магазинов и бутиков. То есть ценность – это наш выбор. Мы лелеем выбранную вещь, любимся, наслаждаемся, включаем в свой мир и ставим на то место, где она сразу органично вписывается, словно находилась там всю нашу жизнь.

Дорогим становится то, что далось с трудом. То, на что потрачено много сил, чувств и времени. То, что неожиданным мистическим, чудесным образом вдруг решает проблему, которая сама по себе давно тяготит, довлеет, угнетает, отнимает кучу энергии и эмоций. То, что приносит

чувство удовлетворения, ощущение защищенности, спокойствие, комфорт, тепло, нежность.

И этот наш выбор становится частью нас самих. «Прорастают» внутри нас еще две руки и ноги, еще одно сердце, два глаза и уха... Отказаться от этого уже не просто жалко, а трудно и больно. И на этой грани боли возникает самоотверженность и самопожертвование – мы готовы на все ради второго нашего Я.

Когда мы моем руки, мы же не моем одну, мы моем две. Или, как в позабытом уже анекдоте, когда интеллигентный мужчина пришел в баню и просит дать ему билет на одно лицо. На что кассирша спрашивает: «А что, жопу мыть не будешь?» Другой человек растворяется в нас и мы в нем. Другое «Я» становится не просто частью нас. Становится тем, без чего мы уже будем не мы. Вторая рука, вторая нога, второе ухо, жопа или лицо...

Самоотверженность становится настолько сильной, что женщины цепляются за отбросы... За тех, которых нельзя назвать ни самцами, ни мужчинами... Почему инстинкт самосохранения, инстинкт сохранения потомства не толкает их бросить этих опустившихся уродов?

Мы можем морщить лицо и кривить пренебрежительно губы от этого рабского опускания себя, либо восторгаться ее героизмом с задумчивым выражением лица. Но рано или поздно появится мысль: «Зачем все это тебе? Зачем ты мучаешь себя? Оставь его!»

Станный народ женщины.

Однажды в кафе с официанткой...

Девушка с хорошо развитыми бедрами, обтянутыми кокетливой форменной темно-розовой юбкой-до-колен, высокой грудью под светло-розовой полупрозрачной блузкой не могла оставить без внимания меня. Впрочем, на нее оглядывались все посетители мужского пола.

Ее, словно в химической завивке, волосы раз десять посмели ей помешать принять мой заказ. Кокетливо улыбаясь, она убирала прядь за красивое ушко, без сережки и не исковерканное прокалыванием.

Такой знакомый тревожно веселый, обернутый трагическим вопрошанием помощи, взгляд зеленых глаз никак не вязался с окружающей обстановкой.

... мы разговорились.

Она пятый раз возвращается к мужу. Уходит и возвращается. Уходит и возвращается.

– Я не люблю его, я его просто ненавижу!! Но я ничего не могу поделать. Родственники его и мои давят... Давят на то, что я плохая мать. Дочь. Жена. Он приезжает в дом моих родителей, куда я сбегаю от него, и начинает ныть, что у него разболелось сердце, что у него от нервов сыпь, что он не спит ночами, что сыну нужен отец... И я возвращаюсь... Я не могу его терпеть, меня выворачивает от одного его вида!! От запаха! От звука голоса. Я снова ухожу... Звонит его сестра, его мать «Ах, как он тебя любит!»... Из-за всего этого я не могу ни с кем завести серьезных отношений. Потому что, даже если я кого-то встречаю, через два-три месяца, через полгода, мне все равно приходится расставаться с ним. И от этого еще труднее, потому что я вижу: есть хорошие мужчины, умные, веселые, сильные... Но я не могу... Этот урод словно заколдовал меня.

Что сказать тебе, моя девочка??

Даже самые убедительные аргументы, здравые и сумасшедшие, бессильны. Даже доведенная до края отчаяния, в полушаге зависнув над бездной пустоты безволия и бессмысленности, ты так и будешь цепляться за навязанные принципы, надуманную ответственность, так и будешь уходить и возвращаться.

Два месяца после этого разговора я логически и не логически, на чувственном и эмоциональном уровне, уговорами и убеждениями пытался показать ей, что и как происходит. Используя самые разнообразные

известные мне средства: самый лучший секс, самую изысканную нежность, самую теплую заботу, самые душевные ласки, самого лучшего психотерапевта, гипноз, церковь... Она говорила жаркими ночами, что любит, что такого, как я, никогда не встречала и никогда никому не отдаст. Она взхлеб плакала по утрам «Не бросай меня»...

А через два месяца в воскресенье сказала:

– Я возвращаюсь к мужу, прости меня...

Материнский инстинкт – это, говорят, человеческие выдумки. На самом деле такого инстинкта нет в природе. А защита своего потомства – это всего лишь комплекс химико-физиологических реакций и результат бритвы Оккама, отсекающей излишества. Ведь неспособность только что родившегося ребенка поддерживать свою жизнь органично замещается способностью матери вскармливать ребенка грудью. Если бы ребенок появлялся на свет 100% готовым к жизни, самообеспечению, самозащите, то необходимости в материнском инстинкте просто не было. Очевидно, что материнский инстинкт есть выражение заботы о потомстве. И чем выше структура организма, тем беззащитнее появляющееся потомство, тем больше сил и времени нужно потратить на заботу. Например, у одноклеточных нет понятия материнского инстинкта, потому что мать гибнет сразу, как только клетка поделится на две дочерние клетки.

С другой стороны, материнский инстинкт – это результат социализации. Маленьких детенышей нужно не только кормить и беречь от окружающей среды, но и готовить к социуму. Передавать знания, развивать умения и навыки, прививать культуру, нравственность, формировать мировоззрение. Если в обществе сложилось отрицательное отношение к рождению ребенка, к детям, к материнству, к матери, то и материнский инстинкт изменится соответственно: он элиминируется, если дети никому не нужны, появление на свет ребенка предосудительно или даже преступно.

Забота о потомстве – это не что иное, как жертвование собой ради своих детей. Вот отсюда и прослеживается неправильная связь между самоотверженностью по отношению к ублюдкам, немощным, ущербным, жалким самцам, которые потеряли способность самостоятельно нормально существовать и материнским инстинктом, как потребностью заботиться о не приспособленном к самостоятельной жизни потомстве. Значит, корень самоотверженности и самопожертвования собой, своей жизнью ради недостойных мужчин в чем-то другом.

Самоотверженность и самопожертвование – это, конечно, благородно и даже романтично. Ты возвышаешься в своих глазах, становишься святой в глазах окружающих: «Ах! Она так мучается с ним». И на ум, как всегда, банально, приходят жены-декабристки.

Но возникает вопрос: кому эта хрень с жертвами и мучениями нужна? Мужу наркоману насрать на семью, его беспокоит только одна мысль «где взять дозу??», алкаш будет пить, пока не сдохнет или пока ему это не надоест. Быдло так и будет эксплуатировать жену, напрягать и трахать мозг, ставя свои интересы выше всего остального...

Частенько задумывался я над этим вопросом и такими ситуациями. Меня самого колбасит от того, что частенько отдаешь, выкладываешь всего себя, раскрываешь всю свою душу и сердце, пренебрегаешь своими желаниями и чувствами, жертвуешь своими принципами, временем, энергией, деньгами, ради девушки, женщины... а, в конце концов, оказывается, что ей глубоко дефекировать на все, что было тобой безвозмездно сделано и отдано... Как говорится «лучшие годы».

– Я тебя ненавижу!

– Отлично! Можешь идти, оставь меня одного!

– Ты не понял. Я тебя ненавижу, и поэтому буду жить с тобой и заберу у тебя лучшие годы твоей жизни.

Для себя я нашел ответ. Я такой, и по другому просто не могу: если испытываешь чувства к человеку, то и хрен со всем остальным.

Скорее всего, что и для женщин эта самоотверженность нужна исключительно для них самих.

Например, как раковина, щит, зонтик от сложностей в своей жизни, от страхов за ответственность своих поступков. От того, что не удалось самореализоваться. Тем самым перенося себя в область другого человека, мужа. Или даже в область семьи. Тогда все выглядит совсем иначе: «Из-за того, что я занималась мужем и семьей, я ничего не добилась». Эдакая фундаментальная ошибка атрибуции: виноваты все вокруг, но только не я.

Возможно, что такая самоотверженность – это не что иное, как слабость характера, неспособность принять самостоятельное решение, или обычная интеллектуально-нравственная ограниченность.

Но встречаются, конечно, женщины, самоотверженно ухаживающие за тяжелобольными мужьями, калеками, паралитиками. Выносить зловонную утку, кормить, вытирать безвольные слюни, просыпаться ночью каждый час – перевернуть на другой бок, чтобы не образовались пролежни... Что держит их? Что останавливает? Что заставляет жертвовать собой?

Неужели любовь?

Если это так, то природа самоотверженности становится абсолютно туманной и необъяснимой.

Размышлять на тему любви можно. Но за столько веков еще ни одному человеку не удалось ответить на вопрос: что такое любовь? И вряд ли удастся. А все, что было и будет когда-то сформулировано, будет лишь бесцветной и безвкусной подделкой. Так как каждый, каждый человек сам отвечает на этот вопрос: что такое любовь? Что такое любовь для него.

Ну, да ладно. Что мне еще делать ночью у маленького железнодорожного вокзала в ожидании рассвета, – есть лепешки с курагой, любоваться звездами и думать о любви.

Начать придется издалека.

С того самого момента, когда растворенные в воде химические соединения, под действием солнечной энергии, «слились» в биологическую клетку, жизнь на Земле вынуждена была приспосабливаться к окружающим условиям существования.

Агрессивная среда бульона, где Природой готовилась жизнь, состояла из самых разнообразных ингредиентов: осадков, ветра, смены температурных режимов, комет, астероидов, космического и активного солнечного излучения, вулканических извержений и землетрясений и других химико-физических воздействий, в том числе и увеличивающегося разнообразия живых организмов. Соответственно наращивалась экспансия жизни и усложнение структуры организмов. Естественно, что изменения внешних условий приводили к изменению живых организмов, а это автоматически вынуждало их искать новую среду обитания. Эти изменения происходили в сторону усложнения, потому что способность сохранения жизни в условиях постоянно изменяющейся среды обитания гарантируется тем организмам, которые имеют *большой* запас прочности и мало зависят от происходящих изменений во внешнем мире.

Так многомиллионные годы эволюции живых организмов, по некоторым исследованиям, начинаемые Природой заново несколько раз после катаклизмов, подвели, наконец-то, ситуацию к возможности появления разумной жизни. Ведь именно она, разумность, обладает максимальной гибкостью и самым эффективным способом самосохранения.

Я доверяю основателю марксизма, Фридриху Энгельсу, который высказал правильное предположение «Под влиянием в первую очередь,

надо думать, своего образа жизни, требующего, чтобы при лазании руки выполняли иные функции, чем ноги, эти обезьяны начали отвыкать от помощи рук при ходьбе по земле и стали усваивать все более и более прямую походку. Этим был сделан решающий шаг для перехода от обезьяны к человеку». Оно и очевидно, в общем-то: тяжелый груз на голове, или в голове, можно нести тогда, когда человек ходит стоя на двух ногах, на четырех лапах это невозможно. Данное предположение Энгельса было впоследствии палеонтологически доказано. «В ходе эволюции у гоминид сначала развилось прямохождение, и только много позже началось существенное увеличение объема мозга. У живших 4-2 миллиона лет назад австралопитеков объем мозга был около 400 кубических сантиметров, примерно как у шимпанзе. Человек умелый (*Homo habilis*) жил 2,4-1,4 миллионов лет назад, размер мозга: 500-640 кубических сантиметров. Человек прямоходящий (*Homo erectus*) жил 1,4-0,2 миллионов лет назад, размер мозга от 850 кубических сантиметров. Неандертальцы (*Homo neanderthalensis*) жили 350-30 тысяч лет назад, размер мозга: 1200-1900 кубических сантиметров. Человек разумный (*Homo sapiens*) появился 200 тысяч лет назад, размер мозга: 1000-1850 кубических сантиметров».

Фридрих Энгельс, «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека»

«Доказательства эволюции», под редакцией А.В.Маркова.
Авторы: Н.М.Борисов, Ф.Ю.Воробьев, А.М.Гиляров, К.Ю.Еськов, А.Ю.Журавлев, А.В.Марков, А.А.Оскольский, П.Н.Петров, А.Б.Шипунов

Вот тут-то проблема всего рода человеческого и возникла.

На протяжении эволюции гоминид существовало противоречие между прямохождением и увеличением объема головного мозга. Малый таз Человека разумного, приспособленного ходить на двух ногах, должен быть узким, тогда ноги располагаются на меньшем расстоянии друг от друга, и это приводит к облегчению передачи усилий от ног к позвоночнику, соответственно к более высокой скорости бега, увеличивая шансы выживания. Но узкий таз затрудняет самкам роды. Из-за этого детеныши должны были рождаться с маленькой головой и, следовательно, с маленьким объемом головного мозга, и, скорее всего, недоношенными. Природа в панике заметалась в этом парадоксе: без большой головы нет большого мозга, но для большого мозга нужно прямохождение, а для этого нужен узкий таз.

Природа подошла к решению парадокса комплексно.

Разум, сознание – это результат социального, общественного, развития человека. И, значит, формирование разума у детенышей нужно проводить в социальной среде, то есть внеутробно. Для того, чтобы роды проходили в определенной степени легко, необходимо, чтобы размер головки ребенка соответствовал выходному размеру малого таза матери. Этого можно достичь, укорачивая продолжительность беременности самки. То есть, грубо говоря, ребенок должен появляться на свет недоношенным. «Донашиваемость» же переносится Природой в социум в форме заботы, воспитания и обучения.

Красивое решение.

Если бы не одно «но».

Даже при укороченном внутриутробном donaшивании, срок беременности затягивается на 9 месяцев. Иногда до 7 месяцев. Внеутробная donaшиваемость длится до 17-20 лет, требуя от самки в первые месяцы и последующие годы, до 5 лет, максимальной отдачи, присутствия и участия. Самка в такой ситуации оказывается не только «выпавшей» из живого потока, что само по себе трагично и губительно, но и практически не способна в одиночку «поднимать» потомство столь долгое время.

Самке нужен самец.

Связь между самцом и самкой – это, всего на всего, инструмент для решения единственной исключительно важной задачи, заявленной Природой, – рождение и воспитание потомства. И как только в определенный период эта задача оказывается решенной, или по какой-то причине не может быть решенной, или может быть решенной, но при участии другого более подходящего для партнера, существующая до этого

момента пара автоматически распадается.

Чтобы удержать самца на такой огромный срок возле самки, Природе нужно было что-то снова придумать.

Как удержать самца возле самки?

Природе пришлось «разработать» новую концепцию секса: секс – это главное! Самки должны быть готовы к сексу не один-два раза в год, а постоянно. Отсюда и возникает постоянный гормональный цикл. Кроме того, уровень ощущения и осознания секса пришлось сместить в сторону социализации.

Но и этого не достаточно для удержания. Секс сексом. Но пока вокруг самца крутятся другие самки, с сексом у него проблем не будет. Поэтому необходим еще такой механизм, который бы включал самоотверженность и самопожертвование самца ради своего потомства и, косвенно, ради самки. Ради определенной самки. Одной и единственной. Неповторимой. И чем больше самец готов пожертвовать, тем сильнее и дольше он привязывается к потомству и самке.

Вот, собственно этот коктейль, нацеленный на удержание самца возле самки и потомства, и есть любовь, не испачканная Человечеством своими философско-нравственно-культурными извращениями.

Самопожертвование со вкусом секса.

Даже сейчас эта формула любви актуальна. Именно то, сколько себя родного человек жертвует ради другого человека, определяет глубину и силу любви.

Тут не могу не упомянуть Бога.

«Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную. Ибо не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез Него».

16, 17, Новый Завет,
«Евангелие от Иоанна»

Фигня.

Если любовь – это самопожертвование, жертвование собой ради другого, то Бог, жертвуя своим сыном, Иисусом, сделал западло не только сыну своему, отдав его на заклание, но и нам, совершив величайший обман всех времен.

Бог не любит нас.

Жертвование кем-то другим, но не собой, это подлость, трусость и предательство.

* * *

Мы долго общались виртуально. Хотя сам по себе термин виртуальности – умозрительное представление о действительности – очень относителен, так как совсем не понятно, что такое действительность и чем она отличается от виртуальности. «Я люблю тебя!» – читаешь с экрана, и сердце подпрыгивает к гландам. Где она виртуальность?

Познакомились поздно ночью.

«Привет!» – выскочило на экране компьютера.

«Привет, ты кто?» – ответил я.

Все одиночки мазохистски любят ночи.

Ночь сужает Вселенную до желтого круга ночной лампы. Иногда до мерцающего света монитора. Музыка из колонок еще плотнее делает эту завесу. Звуки отступают, тихие шорохи становятся неслышными, громкие, исковерканные ощущением присутствием-внутри-батискафа-на-бешенной-глубине – вызывают потусторонний трепет. Яркая маленькая уютная капсула, полностью заполненная моим Я, и невидимый темный, прохладный, чуждый, настороженный Космос – там. Эфемерная иллюзия самодостаточности и цельности. Укрепляемая отказом от всего, что может нанести ущерб этому микроскопическому комфорту.

Завязался растянутый во времени, прерываемый – еда, работа, другие

дела – на многие часы и дни, диалог. Обыкновенные приветы, кто ты, почему не спишь, что делаешь... В эти последующие дни приходилось ждать, когда она появится: три часа разницы временных поясов.

Сначала, конечно, было пофик.

Но, когда начали заканчиваться служебные – иногда шаловливые, а почему бы и нет, – темы разговоров о том, что ты читаешь, смотришь, что ешь и пьешь, какую музыку ты слушаешь, почему именно эту музыку, какой кофе любишь по утрам, а по вечерам, где проводишь время на выходных, что ты думаешь о Байроне, какого цвета у тебя трусики, тебе нравится Пикассо, любишь ли ты полнолуние...

... когда начали заканчиваться...

... появились первые нежные утренние готовые раствориться в легком движении воздуха лепестки романтики.

- Доброе утро, дорогой! Извини, убегаю, хорошего дня!
- Привет, девочка моя! У тебя уже обед, а я только проснулся.
- Я о тебе думала весь день...
- Сегодня все время разговаривал с тобой...
- Хотела тебе написать, но компьютер завис...
- Я написал тебе целых три письма...
- Ты мне снилась...
- Ты мне тоже.

К сожалению... Или к счастью...

Романтика не терпит неторопливости, она хочет, желает, жаждет, домогается, возделывает, алкает стремительности, ураганного развития событий, тайфуном сметая все вокруг...

*Приди ко мне... Ты где-то бродишь...
Среди лесов, полей и рек
Встречаешь с кем-то ты рассвет
И провожаешь где-то ночи.
Приди ко мне... Ты где-то бродишь.*

Стихи мои.

- Я соскучилась...
- Я тоже по тебе очень скучал сегодня. Проснулся ночью, в окно огромная луна смотрит, а у меня ощущение, что ты лежишь рядом...
- Целую тебя, зайка моя.
- Целую нежно уголки твоей улыбки.
- Спокойной ночи, дорогой.
- И тебе сладких снов, ненаглядная...

Общение становилось все откровеннее и интимнее.

- Целую каждую точку твоего тела.
- Обними меня, мне так не хватает твоих ладоней.
- Иди ко мне, малышка... обниму тебя...
- Лучше ты подойди... устала... сижу в кресле, и руки опускаются... без тебя так было холодно...
- Мои ладошки у тебя на плечах, стою сзади, наклонился, вдыхаю аромат твоих волос.. и согреваю их своим дыханием.. Ушки. Маленькие ушки без сережек. Нежно целую их...

Я закрываю глаза и начинаю представлять, как губами, словно быстро-быстро повторяя «ап-ап-ап-ап», целую хрящики ее ушка, мочку. С одной стороны, потом – с другой... Где грань реальности? Я начал возбуждаться. От того, что нажимаю на кнопки компьютера и представляю, как девушка за тысячи километров представляет, как я стою сзади, целую ее... Интересно, она «молчит»... где руки ее сейчас?! Вообще, где она? Может быть в туалете, какает... А я тут ее целую... Где грань виртуальности?

Так и было вначале... Виртуальные попытки близости сопровождалась всякими другими делами. Я набирал на клавиатуре «мои руки ласкают твою грудь», а потом шел чистить засор в раковине на кухне. Читал «я снимаю с тебя рубашку и всем телом прижимаюсь к тебе», улыбался и шел жарить картошку. Скорее всего, она тоже занималась такой же фигней.

Потом крышу начало срывать.

Возможно, что это начало происходить на фоне гормонально-адреналинового эмоционального взрыва, который обычно называют влюбленностью. Ведь в такие моменты чувства захватывают полностью, все желания, интерес, все направлено только на объект вожделений и ни на кого более. Поэтому и развивается нарастающее воздержание, «романтическая импотенция», так знакомая многим романтикам. От которой и сносит крышу.

– ... медленно расстегиваю твои брюки... Ого! Как там горячо и обжигающе! А что под трусиками?! Стягиваю их неторопливо...

... Какой он у тебя огромный и красивый... твердый, в руке не помещается...

Медленно приближаюсь... близко-близко, чтобы услышать, как бьется в его головке сердце... провожу осторожно язычком снизу вверх... еще и еще... ммммм... как сладкое мороженое... снова и снова... у тебя такая вкусная кожа...

Черт!!

Желание просто начинает раздирать.

Тут уже нет никаких мыслей об ужине, сне, работе, о чем-то еще, кроме улёта в тот процесс, который происходит в этом электронном заоблачном наслаждении...

Руки сами лезут между ног и начинают медленно мастурбировать, с каждой секундой увеличивая силу и темп...

– Когда я приду завтра с работы, ты должна голая встречать меня. И прям на пороге, пока я еще не разделся, встать на колени, расстегнуть мне брюки и взять в рот. У меня такой стояк, что я просто сойду с ума, пока не вставлю тебе... И ты будешь высасывать все, что скопилось во мне за этот день! Обхватываю твою голову и так сильно воткну тебе в рот, что достану до гланд. Голова идет кругом, когда я думаю о тебе, представляю, как поставлю в прихожей раком и оттрахаю тебя в за...

Член скрюченно и больно торчит в штанах... приходится снимать и штаны и трусы, и сидеть голышом с бессовестно дергающейся, в такт быстро набираемого текста, головкой члена... Напряжение настолько велико, что не выдержишь, бежишь в ванную и испуганно дрожишь

Дрожишь...

Дрожишь...

Дрожишь...

Ускоряясь, ускоряясь, ускоряясь....

Чтобы кончить...

... в миг, разбрызгивая упругий поток спермы.

Запахавшись – сердце бешено колотится в груди, пальцы еще ощущают тонкую подвижную кожу, – возвращаюсь ...

– Ты не представляешь, как сильно хочет моя попка тебя. Маленькая дырочка вся горит и пульсирует от одной мысли, как ты раздвинешь ее своим членом и всунешь в самую глубину... Я приготовлю ее для тебя. Перед твоим приходом, окуну в сливки банан и буду медленно... медленно-медленно... вталкивать его в себя... вталкивать и выталкивать. Чтобы твоя любимая дырочка с огромным наслаждением приняла тебя внутрь себя...

Только ты входи не сразу, а осторожно, чтобы я почувствовала каждый вдвигающийся в меня обжигающий и толстый миллиметр...

И опять убегаю снимать невыносимое – каменная юлда в безумстве своем уже протыкает насквозь атмосферу – напряжение...

Виртуальный секс... Это секс сам с собой. Автосекс. Моносекс. Это извращенная форма мастурбации, патологический способ доставления витаминного адреналино-гормонального комплекса веществ в мозг.

Ведь, когда мы читаем строки, слова, буквы, мы тут же включаемся в действие, рисуя картинку за картинкой – раскручивая предложенную сцену, а затем делаем шаг вперед, начинаем делать ответный ход – и уже сами воссоздаем свою сцену, ставим свой кадр. Вливаемся в процесс и стремительно несемся по волнам нарастающего возбуждения. И уже далеко пофиг, кто и что там нам пишет!

Или, когда дрожащими от вождения руками набираем текст, мы воплощаем свое извращенное желание, свои искореженные фантазии, свои преступные мечты – попробуйте-ка один в один такое совершить в реальности! – по отношению к контрагенту на другой стороне виртуальности. И, по большому счету, нам все равно, включится партнер в «игру» или предложит свою. Потому что это, как декорации, проплывающие мимо нас, когда мы на плоту своей страсти к самому себе – самой себе – несемся вниз по течению к Ниагарскому водопаду Эгооргазма.

Когда поток виртуального секса затягивает, перестаешь замечать границы, исчезает линия, отделяющая реальное от воображаемого. Мир расширяется, становится прозрачным, легким и гибким.

Вот, секретарша босса. Важная такая, красивая, холодная, неприступная, доступная только боссовской тыкалке. Хлоп! И она уже голая, расставив широко ноги, сидит на столе и мой ялдак жарит ее по полной программе. Она визжит и стонет от удовольствия, расцарапывая мне кожу спины и плеч ногтями в арт-френческом маникюре...

А вот симпатюличная, с наиприветливейшей, обтянутой джинсовой юбкой, попкой, девчушка стоит с пинчеобразным – ну, почему красавицы всегда выбирают инфантильных уродцев – парнем и покупает мороженое. Опаньки! И уже она со спущенными трусами и задранной юбкой опирается на тележку мороженщицы, а ее попку долбает мой ненасытный головач...

Мы занимались виртуальным сексом везде. Везде в обоих смыслах. В реальности – искали каждый удобный случай, чтобы выйти в Сеть: в интернет-кафе, на работе, дома, у друзей на вечеринке, в магазине по торговле компьютерами... В виртуальности – на крыше, в лифте, в купе поезда, в туалете несущегося над облаками лайнера, в парке на скамейке, на детской площадке, на работе у нее, на работе у меня. Во всех самых возможных и не возможных позах и позициях – Камасутра со своими шестидесятью четырьмя позами отдыхает.

Наркотик!

Обмен фотографиями подстегнул воображение!

Да, да...

Конечно. Сначала это были невинные фотографии: на работе, дома, на природе, портретные, сделанные в студии. С их помощью туманный образ, мерцающий мираж за той стороной монитора приобрел огромные, почти кукольные, ярко синие глаза, маленькие аккуратные ушки, небольшую родинку у нижней губы на левой щеке, кудрявые светлые волосы.

Теперь виртуальный секс стал более опредмечен, овеществлен, облечен в выпуклые формы. Когда я был в душе, именно эти губы делали мне минет. Именно эти пальцы направляли головку моего члена для интродукции. Именно между этими грудями елозил я в безуспешной попытке в очередной, сотый, тысячный, раз кончить. И именно в этот

пупочек извергалась сперма, которую я размазывал затем именно по этому животику.

А потом захотелось еще большей конкретики.

И началась «чернуха». Полуобнаженная и обнаженная грудь, раздвинутые колени, с трусиками и без трусиков. Клитор, половые губы – в самых разнообразных и неожиданных ракурсах.

– Люблю персики, особенно, когда ты их ешь из моих губ. – И нежная, истекающая медовым соком, слегка прохладная плоть очищенных от бархатной кожицы и нарезанных персиков, долька за долькой, наполняет ее обжигающее влагалище. Клитор и вся промежность словно сочатся, истекают ароматным нектаром. Жидкость струится по губам к анусу, не успевая достигнуть простыни, слизывается моим языком.

– Привет, любимый мой! Ты где?

– Завтракаю, родная моя.

– И что у нас на завтрак?

– Сосиски с картофельным пюре...

– О! Сосиски... ммммм... пюре...

Пюре сразу же было размазано по всему телу и тут же слизано...

Сосиски... теплые розовенькие, слегка загорелые, колбаски – это универсальное средство доставления удовольствия...

Вскоре я собрался в гости. Истощенный мастурбацией организм, изможденная рукоблудием психика достигли предела. Она не возражала, поощряла, ждала, дразнила...

Поезд пришел поздно вечером. Но она пообещала. Пообещала, если не встретить, то обязательно придти.

Я сидел на скамейке привокзального парка. И хотя было довольно-таки жарко – лето выдалось опалющим и даже ночи не спасали прохладой – меня колотило, руки были холодными и влажными, в горле першило. От волнения, от желания, от страсти, от бестолковых вопросов «придет ли?», «узнаю ли?»...

Лунной тенью появилась она передо мной.

Родное и чужое лицо одновременно.

Угловатые плечи, острые локти, ссадина на левом колене, инфантильная, почти рудиментарная, грудь. Подростковая, почти мальчишеская, фигура. Синие короткие носочки, сандалии.

Она и не она.

Шок и недоумение – куда подевались такие знакомые мне груди, бедра?!

– Что смотришь и молчишь? Не узнал. Я это.

Я ошарашено смотрел на нее.

Она медленно подошла, опустилась на колени.

– Фотки мамини, институтские. Правда, мы с ней очень похожи? Вот только с порнухой помучиться пришлось. – Она деловито расстегнула мне ширинку, вытащила из трусов обезумевший от происходившего и готовый взорваться член. – В интернете приходилось долго искать.

Приблизилась, плотно обхватила одной рукой мошонку. Другой – оголила головку члена. Сделала движение языком, словно пробовала на вкус эскимо. А потом насадила свой небольшой ротик на мою ошалевшую от счастья юлду.

В экстатическом пароксизме я вылетел из этой Вселенной...

Когда в глазах посветлело, она стояла на прежнем месте, как будто ничего не было.

– Я все выдумала. Начиталась книг. И мне захотелось поиграть в любовь. Из всех моих знакомых виртуальных мужчин – ты лучший.

– Прости, если сможешь...

Она ушла.

Больше мы с ней не переписывались.

Дело в том, что у меня почти одновременно начался виртуальный роман с пятью девушками. Постепенно три из них как-то сами собой «отвалились» – отсутствие огонька, все-таки, очень серьезный аргумент в отношениях мужчины и женщины, особенно в виртуальных, слишком вялые или слишком скоротечные отношения не держат, к ним теряется интерес, они быстро угасают – и осталось два романа, которые заставляли колошматиться сердце, не спать ночами от постоянной дробки, просыпаться от болезненного стояка и жить на грани безумия каждую минуту.

Когда, как это обычно бывает в виртуальных романах, пришло время встретиться в реальной жизни оказалось, что обе они из одного города. Замечательное совпадение позволило провести мне шикарную ночь, утро и изумительный день с одной женщиной – мы не вылазили из постели, пили вино, целовались взапой, иступленно совокуплялись – а вечером пойти на свидание со второй.

Лунной тенью появилась она передо мной.

Родное и чужое лицо одновременно.

Угловатые плечи, острые локти, ссадина на левом колене, инфантильная грудь. Подростковая, почти мальчишеская, фигура. Синие короткие носочки, сандалии.

Она и не она.

Шок и недоумение...

У них даже родинки были на одном и том же месте – слева у нижней губы...

Она так безумно похожа на свою мать...

*

Секс.

...

Именно он сделал из обезьяны человека.

Преклоняюсь перед великими гениями К. Маркса, Ф. Энгельса, Ч. Дарвина – «Сначала труд, а затем и вместе с ним членораздельная речь явились двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг» – но не труд был первопричиной человекообразования ... Что труд? Ведь, в конечном итоге, труд – это добыча пропитания. А этим занимается не только человек, но и все, что движется, дышит, живет.

Ну да, ну да. Вы сейчас будете говорить, что все живое занимается сексом, иначе бы оно не существовало. Но как-то не поворачивается язык назвать сексом партеногенез или бесполое размножение: почкование, деление клеток и другие его виды. Да и половое размножение сексуально не для всех, а представляет всего лишь репродуктивный процесс совокупления. Исследователи утверждают, что из всех животных, кроме человека, только дельфины и какие-то карликовые шимпанзе занимаются сексом не ради воспроизведения потомства, а ради осознанного получения удовольствия, хотя, и признают у животных наличие полового поведения, отличного от репродуктивного. Однако, большинство ученых, все-таки, склоняется к тому, что такое нерепродуктивное половое поведение есть всего-навсего природная необходимость – гомосексуальное поведение животных может быть продиктовано биологической необходимостью, например, при угрозе вымирания вида – толкающая животных на такие действия, которые человек социально интерпретирует, как мастурбацию,

Фридрих Энгельс, «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека»

гомосексуализм и прочее, прочее, прочее...

С того самого момента, как продравшись сквозь эволюцию миллионов лет, Природа пришла к осмыслению полового размножения и вместе с эволюцией человека Природа поставила секс во главу угла. Потому что без него невозможно продолжение рода человеческого. Это дихотомическое деление – половое размножение – это существование двух существ (самец и самка) одного вида, выполняющих противоположные задачи – пронизывает весь наш мир, всю нашу сущность, всю Вселенную. Мужчина и женщина, добро и зло, темное и светлое, плюс и минус, выпуклость и вогнутость и т.д. и т.п. Все это описывается философским законом единства и борьбы противоположностей.

Вспахивая эту необъятную пашню, половые отношения, человек в своем самоизучении поднимался по ступенькам познания мира, шаг за шагом окультуриваясь, одухотворяясь. Ступенька за ступенькой, наполняя простейшую функцию копуляции смыслом, эмоциями, чувствами, содержанием, формой, поднимался над серым однородным царством природы, выстраивая по кирпичику, по камешку свое царствие любви, искусства, науки.

Секс...

Оглянитесь! Секс везде! Везде и во всем!

Обычное, естественное совокупление человек поднял до необозримых космических высот. Траханье, влюбленность, секс, любовь, эротика, измена, кунилингус, ревность, порнуха, поэзия, педофилия, дао, привязанность, некрофилия, верность, зоофилия, война, проституция, преданность, изнасилование, поцелуи, эрогенные зоны, поэзия, камасутра, рабство, романсы, кино, музыка....

Поднял. А подняв, наполнил сексуальным содержанием и смыслом все то, что создал, все то, что окружает, все то, что не понимает и не знает.

Откройте любой журнал, каждый заголовок, каждая картинка, даже самая невинная, наполнена сексом. В любой книжке, о чем бы она ни была, даже учебник математики, под написанными словами сокрыт секс. Все фильмы, все театральные постановки – о сексе. Живопись, музыка – сплошной секс. В жарком летнем метро в час пик вагоны просто выгибаются наружу от энергии секса. О чем думает каждый? О сексе. О сексе! О сексе, потому, как любая вещь, любое явление, любая ситуация содержит в себе единство противоположностей – мужское и женское. Думаете ли Вы о том, как накормить ребенка или как сделать ремонт, как выгулять собаку или посадить дерево, как лучше выполнить свою работу или какой фильм посмотреть, как одеться завтра утром или «опять испортилась погода»... Вы, так или иначе, думаете о сексе. Более того, каждый раз Ваши мысли прерываются воспоминаниями прошлой ночи, будущей встречи, нескромным желанием, а не залетела ли я, что-то у меня встал не по детски...

Сексуальную волну нужно просто понять, почувствовать, поймать... Тогда весь мир раскрасится совсем другими красками, тогда затаённый смысл всех вещей и явлений станет Вам доступный.

Секс...

Повсюду секс.

Все живое наполнено сексом. Основная задача любого живого – заполнить собой максимально возможное пространство. А это возможно только размножаясь. А размножение – это секс. Поэтому все живое наполнено, заполнено сексом.

А человек, в силу своей разумности, заполнил сексом все неживое. От бушменов до Древних греков, от Шивы до Афродиты и Диониса, от фаллоса до Ярилы.

*Тишина! Благоговенье!
Пройди чуть-чуть вперед, корзиноносица,
Фалл приподнять прошу повыше Ксанфия.
Поставь корзину, дочь, приступим к таинству.*

Аристофан, «Ахарняне».

Или

*Эй вы камни-
Седые старцы-
Ото сна очнитесь*

*Эй вы сестры
Эй вы братия
В танец соберитесь*

*Жарь Ярило
Жарь Ярило
Жарь Ярило-отче*

«Ярило», текст - Посадский М., музыка
- Ершов В.

В любом палкообразном образовании: сталагмит ли это, причудливой ли формы камень, засохший корень, бесстыдное облако... во всем видится фаллос, член... Любое возвратно-поступательное движение моментально связывается с сексуальным ритмом, фрикциями... Даже самое невинное поедание банана вызывает ностальгические спазмы под пупком... Любое, даже абсолютно целомудренное слово наполняется сексом до отказа: «войти», «помидоры», «жарить», «лизать», «выпуклость», «щель», «пол»...

Секс...

Сам Бог велел людям заниматься сексом: «И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю...» Животные совокупляются в любом месте, где им это захотелось, древние люди трахались везде, где им это захотелось... Что случилось с нами?

28, Ветхий Завет, «Бытие»

Моралисты!! Ау!

Бросьте в меня камень!!

Странная многовековая борьба человека с Божьим Промыслом. Мораль, нравственность и прочая гадость против мыслей о сексе, против распушенности, против свободы. Подавление главного, основного, фундаментального инстинкта!! Что это, как не преступление против жизни, против живого, против Природы, против Бога??

Религиозный нонсенс – монашество, отшельничество. Богоизбранными, богоприближенными считаются те, кто сам себя поставил в рамки абсолютного запрета к сексу. Попраание одного из заветов божьих считается богожеланным. Чуть несусветная!

Христианство вообще отличается особыми мазохистскими извращениями.

Кроме известных заповедей существует куча гласных и негласных запретов, скручивающих руки, накидывающих оковы на ноги, капюшон на голову, пояс верности на гениталии, намордник на рот...

Все направлено на подавление, угнетение естественных желаний и стремлений к естественным потребностям. Не жри много, мало пей, меньше трахайся, паши и молись, сука! Пока не сдохнешь и не попадешь в рай!

«Имеются и такие, которые вредят жизни набожных чародействами и совращают сердца женщин ко греховным утехам. Такие преступники бросаются на растерзание диким зверям».

Яков Шпренгер, Генрих Крамер,
«Молот ведьм».

«... фарисеи привели к Нему женщину, взятую в прелюбодеянии, и, поставив ее посреди, сказали Ему: Учитель! эта женщина взята в прелюбодеянии; а Моисей в законе заповедал нам **побивать таких**

камнями».

3, 4, 5, Новый Завет, «Евангелие от Иоанна».

Гиперболизированные моральные принципы, направленные на удушение Эго. Гипертрофированные нравственные границы, направленные на беспрекословное подчинение большинству. Все это привело к тому, что люди боятся, стесняются, считают неприличным, извращенным показать и показывать свои сексуальные желания, сексуальную силу, харизму, энергетику.

«Ах, не целуй меня, люди смотрят»

«Я хочу ее, но боюсь подойти»

«Ты, что делаешь!? Это не прилично!»

«Какая попка!!!» и засовываем руку поглубже в карман, чтобы она ненароком не коснулась этой аппетитной попки...

Да, нет-нет... Я против той наглой извращенной распущенности, которая взрастилась на мысли вседозволенности, и которую себе позволяют дегенеративные варвары, холопы и плебеи.

Но высокоинтеллектуальное стремление к сексу, свобода мыслей, желаний, ощущений, окрашенных сексом, именно это дает толчок, именно это наполняет жизнью, яркостью, энергией. Мораль, нравственность, культура, традиции, этика, эстетика, если они направлены сознанием каждого человека не на подавление секса внутри нас, а на его развитие, поддержание, совершенствование, – то это прекрасно! Это так и должно быть! Почему все, ВСЕ пытаются заляпать секс грязью, закидать камнями, забить досками, втоптать в чернозем??

Секс – раздвигает границы мира, границы сознания, самоощущения. Секс сближает даже самых страшных и непримиримых врагов!

Когда заходит разговор в кругу знакомых об отношении к сексу, практически все называют меня озабоченным, сексуальным маньяком, больным хроническим спермотоксикозом, ненормальным.

Тупят взгляд, убирают глаза, избегая смотреть прямо. Замолкают, начинают крутить пальцами всякую мелочь под руками. словно я пукнул громко и даже не сделал вида, что это не я. И не извинился.

Да, конечно, трудно сломать границы, понять недоступное, прочувствовать объем, широту и глубину, если тебя всю жизнь держали в маленькой клетке – в два шага по периметру и полтора метра в высоту. Знаете, как тренируют блох, чтобы они не прыгали? Их помещают в тонкие стеклянные трубки или спичечные коробки, где они не могут прыгать, а только бегать. Причем, способность прыгать к ним больше никогда не возвращается. А ведь блохи прыгают в длину и высоту 100 раз превышающие свои размеры. Если бы так прыгал человек, он поднимался на 150-170 метров над землей.

Давайте рассмотрим среднестатистический секс среднестатистического мужчины. Снял трусы себе, снял трусы женщине, минуту на мацанье, чтобы достичь эрекции, интродукция, 5-7 минут фрикций, минуту конвульсивных движений во время эякуляции. Все.

Для более продвинутых мужчин, конечно, секс уже становится шире. Это более долгие предварительные ласки, это более продолжительные, от 30 минут до одного часа фрикции с так называемым прерванным половым актом: с перерывом на сигаретку и успокоение. И все равно потом минуту конвульсивных движений во время эякуляции.

Мы можем таким образом раздвигать временные рамки секса...

Но...

От этого суть не меняется.

Например, для меня секс начинается с мысли о сексе... Хотя о нем думаю всегда. Даже не думаю, а плыву в его волнах постоянно. То есть со звонка девушке, или ее звонке мне. Назначение встречи, обсуждение некоторых подробностей о том, когда, где, встречать ли, что на ужин, напитки. Все... как только этот разговор произошел, секс уже начался. Где,

как, что купить, если надо. Цветы, другие атрибуты, которые нравятся и любит девушка. Шоколад ли, молочный или горький. Фрукты, дюшес или темный виноград. Шампанское или мартини, водка или коньяк. Кофе, сливки или молоко. Брутальная картошка с солеными огурцами или банальные тарталетки с красной икрой. Обязательная инспекция квартиры на чистоту, даже если генеральная уборка была вчера. И постоянно возжеленное ожидание. Все время. Весь процесс подготовки. Все действия, все мысли, все поступки – все это уже наполнено сексуальным ароматом и красками, звуками и ощущениями. Душ, чистое постельное белье, еще раз окинуть взглядом квартиру, время до встречи считается уже с каждым ударом сердца. Встреча, обнимание, поцелуи, беседа, ужин, другие развлечения: фильм, музыка, танцы, чтение, разглядывание фотографий – романтическая прелюдия предстоящего Таинства. И уже сам непосредственный секс... с перерывами на нежность и ласки, душевные беседы и поцелуи, короткие провалы в сон и эротическое пробуждение... и уже под утро глубокий сон... завтрак, обед, иногда снова ужин, провожание... Воспоминания... Даже после обмена «Я дома», «Спасибо, ты самая лучшая» секс все еще продолжается. Потому как постель еще пахнет ее духами, исцарапанное тело тоскует по ее ногтям, в расческе осталось несколько ее волос, а член до сих пор ощущает вибрацию ее влагалища... Так и проходит 24 часа постоянного секса.

А потом мысли плавно перетекают в предвкушении второго секса с этой же девушкой.

И секс, чуть-чуть притормозив, снова набирает обороты, мощность, яркость, звучность, выпуклость, вкусность...

Мысли о втором сексе для мужчины не менее важны, чем мысли о первом сексе. Ведь первый – мог быть случайным, по стечению обстоятельств, по объективным причинам и по куче еще других причин. Как правило, мало зависящих в этот раз от мужчины. Можно просто напороться на резкую для мужчины, но обычную для женщины, фразу «Это ничего не значит». Поэтому второй секс не менее важен. Скорее даже более важен, чем первый. Это значит, что каким-то образом женщина заинтересована в продолжении интимных отношений. Значит, ты ей интересен, чем-то увлек. Как закрепление пройденного материала, как второй шаг в сближении, как второй шанс...

И пусть даже не будет третьего секса, но второй.

Кстати и в бизнесе клиентом обычно считают того, кто пришел за товаром или услугами второй раз.

Но никто не мешает нам еще больше раздвинуть границы секса. Не только временные, эмоциональные и технические, но и пространственные. Думаете ли Вы, как займетесь сексом на работе со своей соседкой по кабинету? Может быть в кабинете, а может быть, Вы строите планы по приглашению ее к себе домой? Сидя в машине на светофоре, пропуская по переходу привлекательных пешеходок?

В общественном транспорте.

Красивая яркая девушка.

Идеальные формы.

Сквозь полупрозрачную материю просвечивает незачехленная грудь. Темные зрачки сосков, ловя твой нескромный взгляд, иронично подсматривают и даже подмигивают.

Перевернутое сердечко туго обтянутой попки магически действует на ладони, из-за чего начинаешь напрягаться, чтобы удержать их на месте и, вдруг ощущаешь, что напряжение достигает паха...

Что ты думаешь в первую секунду?

«Я бы вдул».

Не стесняйся! Так думают почти все мужчины, ведь миром правит Секс!

Ты ласкаешь попку взглядом, проникая под ткань к теплой гладкой коже, опускаешься ниже по расщелинке...

Это потом мысли начинают крутиться и лететь дальше.

«У такой красивой девушки обязательно кто-то есть. Она не может быть одна. И выражение лица у нее неприступное – не смей даже думать обо мне – холодное и слегка пренебрежительное, и вид у нее дорогой шоколадной конфеты в богатой обертке за толстым стеклом витрины элитного магазина. А раз она такая, то и мужчина у нее ТАКОЙ».

Как в старом анекдоте.

«Воскресенье. У мужика сломался утюг, а завтра важная встреча и нужно выглядеть на сто процентов. А на прошлой неделе на девятый этаж въехала очаровательная соседка. Надо сходить, попросить на время утюг. Поднимается по ступеням и думает:

– Вот, приду к ней, она откроет, будет в коротеньком очаровательном халатике. Попрошу утюг, она согласится его дать. Может, предложит сама погладить, пригласит к себе. Чай, кофе, шуры-муры, коньячок. Вот и до интима дело дошло. Потом она забеременеет. А у нее окажется ухажер – чемпион города по боксу. Набьет мне морду.

Тут он замечает, что стоит и звонит в дверь соседки.

Она, в сексуальном халатике, открывает и улыбается.

Мужик в сердцах выпаливает: «Да пошла ты нафиг со своим утюгом!!»

Тут и начинается стремительное опасное волшебное балансирование на лезвии бритвы. Ты начинаешь прицениваться, взвешивать плюсы и минусы. Достоин – не достоин, смогу – не смогу, осилю – не осилю, нужно – не нужно... Огромное количество параметров, переменных величин, характеристик проносится вихрем сквозь призму самооценки, нравственности, морали. Ты в очередной раз взвешиваешь себя, как самца, личность, мужа, отца...

И если ты не успеваешь сделать выбор, или решаешь, что шансы твои меньше 51%, ты пасуешь... Автобус, метро, электричка, трамвай, самолет – движутся дальше, а ты в очередной раз остаешься один на один со своей недооценкой, никому не нужными нормами морали и нравственности.

Да, справедливости ради надо сказать, что если шансы зашкаливают за 100%, и девушку ты считаешь слишком доступной – или, что тоже самое: не достойной твоей себяоценки – ты перестаешь ею интересоваться, в лучшем случае, ты смачно ее разглядываешь, как объект одноразового траха.

Когда же мужчина видит, что нравится женщине, то алгоритм упрощается, и он сразу, без приглядки и притирки, начинает думать о себе, как самце, личности, муже, отце:

Что я могу дать?

Инженерное образование.

Пустые разговоры о строении Вселенной и смысле жизни

Кто я со своей скромной должностью?

Кроме съемной квартиры и пары чемоданов с одеждой у меня больше ничего нет.

Ни машины, ни дома, ни зарплаты.

Все, так или иначе, проваливается в материальную сферу.

В том, что все сводится к материальным благам, виноваты – кто же еще? – женщины, для них самой Природой назначена забота о потомстве, а для этого необходимо, прежде всего, материальное благополучие, защищенность от внешних агрессивных факторов. И это правильно, еще Карл Маркс говаривал «для жизни нужны, прежде всего, пища и питье, жилище, одежда...». Но обвинять в этой правильности женщину – то же самое, что обвинять ее в периодических овуляциях.

И если опять самооценка, с накрученными гирями морали, нравственности, оказывается очень низкой, ты тупо теряешься, тушуешься,

и исчезаешь из жизни женщины, которая обратила на тебя внимание...

... а потом... потом ты тупо мастурбируешь на нее... Проклинаю свою неуверенность.

Никто не мешает нам еще больше раздвинуть границы секса.

Вот только раздвигать и расширять границы твоего сексуального мира никто другой не будет. Кроме тебя. Нужно самому, самой, начать постепенно открывать глаза, раскрывать сексуальные поры своего организма, не только физического, но и ментального, духовного, культурного, морального, нравственного. Иначе запрет на секс в голове так и останется запретом.

И секс так и останется в клетке – по периметру в два шага и высотой полтора метра.

Мужчинам, конечно, легче это сделать. Их полигамность, заложенная Природой, может оказаться неплохим подспорьем для этого.

Мужчины могут заниматься сексом сразу с несколькими женщинами одновременно. С одной сегодня, с другой – завтра. Женщины заниматься сексом сразу с несколькими мужчинами не могут. Если только по необходимости. Вот только будет ли это секс с их стороны. Да и любить женщины, как правило, не могут сразу несколько мужчин. Для них вообще есть единственная, самая основная, самая главная любовь, навсегда, на всю жизнь, любовь только к одному мужчине. Этот мужчина – первый и единственный главный альфа самец – отец. Здесь не столько половая подоплека, сколько воплощение безопасности, заботы, благополучия – все то, что ждет самка от самца. Все то, что получает девочка от отца в семье. А если в детстве не получилось с отцом. То это тот единственный мужчина, который аккуратно и незаметно возвращал в детство, позволяя многое, почти все. Всегда был рядом, осторожно придерживая, чтобы не упала, не поскользнулась. Его ладонь всегда крепко держит твою ладонь, согревает, если она холодная, и прохладная, если она лежит на горячем лбу. Он всегда радуется тебе и твоим шалостям, даже если напускает на себя строгий вид, в глазах его все равно всегда искрится счастье видеть тебя счастливой, вспыхивает радость от того, что рядом. И эта любовь остается в сердце женщины, в ее душе, чувствах... навечно. Даже если у нее после него будет сотни и тысячи других мужчин, тот единственный будет манить и вызывать горькое чувство утраты и обреченности, одиночества и безысходности.

Счастливы те женщины, которым встречаются такие мужчины...

Еще более счастливы, которые умеют удержать и удержаться рядом...

Такая женщина у меня была...

Такая женщина бывает у многих мужчин. Просто они этого не замечают.

К сожалению, техногенность, меркантильность, подлость, двуличие, продажность цивилизации сводят такие особи мужского пола к минимуму.

Возвращаясь к границам секса.

У него не должно быть границ. Ограничивать себя в мыслях, чувствах, желаниях – это преступление против личности, против себя самой, против себя самого, против бога, против природы.

Секса в жизни мужчины и женщины должно быть так много, насколько это возможно... и еще чуть-чуть сверх того... Тогда не будет обид, недомолвок, лжи, предательства. На всю эту гадость просто не будет сил.

Ведь секс сближает, сливает воедино души и сердца, проникает внутрь, обхватывает, создает симбиоз, единый организм, в котором все гармонично...

И гори весь мир синим пламенем, когда мы с любимой целуемся в засос!

Полигамия - отношения между полами, при которых один самец за период размножения спаривается с несколькими самками.

Симбиоз - явление сожительства между двумя и более организмами без взаимного вреда.

Недавно мне пришлось две недели прожить с кошкой. Необычной сиамской кошкой. Абсолютно черной.

Хозяйка улетала в отпуск и кошку с кем-то надо было оставить. «У тебя не будет с ней проблем» – сказала она, передавая мне ключи.

Квартира встретила пустотой и тишиной. Три пустые комнаты. О том, что в доме есть живность, «говорили» лишь пустые площадки на полу на кухне и на столе инструкция, чем и как кормить эту живность.

Насыпав корму и налив воды в блюдца, отправился смотреть фильмы и пить пиво: пятница всегда располагала к расслаблению организма и мозга, а сапсенс, смешанный с пивом, – самое действенное средство для этого.

Где-то во втором часу ночи, когда коалесценция кадров очередного фильма и дремотных галлюцинаций достигла апогея, я отключился. Под утро, из раскрытого окна подуло свежестью. Что-то мягко, нежно, но тяжело накрыло мою грудь. Повернувшись набок и свернувшись калачиком, обхватил накрывшую теплоту и снова провалился в сон.

Коалесценция, здесь – слияние двух различных субстанций внутри подвижной среды.

Первое, что увидел, когда проснулся, – раскосые пронзительные синие глаза. Так симбиотично, проникновенно, сочувственно и чувственно не смотрел на меня никто и никогда.

Этот взгляд...

Моментально все тело напряглось и покрылось пупырышками. Секунд десять потребовалось, чтобы вынырнуть из глубин полупьяного коктейля сонной раскадровки и понять – это Милисента, причина моего появления в этой квартире, на этом диване.

– Черт! Не смотри на меня так! – отвернул морду, отвернулся сам, закрыл глаза и попытался уснуть снова. Фигов тачку! Сон улетучился.

Стоило лишь только обозначить движение на подъем, как кошка мигом выкарабкался из моих объятий и растворился в полумраке дверного проема.

На кухне ничего не изменилось. Количество кошачьей еды не уменьшилось, воды – тоже. Пока разогревался чайник, варились сосиски и яйца, следуя инструкции – еда должна быть каждый день свежей – выбросил все из кошачьих мисок, сполоснул и наполнил новыми порциями, приличия ради покискал. После завтрака – сосиски и яйца неплохо сочетались с недопитым вчерашним пивом и в конце черным без сахара кофе, ядреная, конечно, смесь – пошел досыпать.

Частенько я устраивал себе такие дни черной дыры, когда вываливался из реальности на сутки-двое. Ограниченное пространство замкнутой «три на три» Вселенной, экран, литров шесть пива – нередко до этого были еще и пару бокалов коньяка, пока сервируешь для себя стол, – и какая-нибудь вкусная вредная химическая гадость виде копченых крылышек, пиццы, сулугуни, просоленных фисташек, после которой к обильной постпивной деуринации прибавлялась и диарея.

Деуринация – опорожнение мочевого пузыря. Диарея – понос.

Выходные так и прошли: туалет – кухня – диван. Еда для Милисенты выбрасывалась, кормушки мылись, наполнялись новой порцией, которая так и оставалась не тронутой. Кошка, кроме своего первого выхода в свет, больше не появлялась. И мое одинокое «кис-кис» растворялось в ватной пустоте квартиры, даже не возвращаясь эхом.

Понедельник реально мозговыносной день. Встать надо раньше, так как первая пятиминутка ровно в 9:00, и потом еще два совещания, три комиссии, а после обеда весомый довесок в качестве получасового пустопорожного пережевывания извилин начальником отдела. Тут уже не надо притворяться – просто сидишь с тупым выражением лица и еле сдерживаешься от vomitus cerebrealis.

Vomitus cerebrealis – рвота мозговая.

Домой я зашел поздно, голодный, уставший, продрогший – на улице полдня шел мелкий дождь, а зонтик, как всегда, остался дома, – и от всего

этого злой.

Плюхнувшись на диван, с криком «... твою мать!» моментально вскочил. Диван был мокрый и вонял кошачьей мочой.

– Эй, тварь! Ты где!? – я обошел всю квартиру, заглядывая во все, которые мне казались укромными, уголки. Никого, естественно, не нашел. На кухне со злости запинул нетронутые тарелки с кошачьей едой, что все это разлетелось во все стороны. И теперь мокрый носок противно хлюпал от разлитой воды. Потом я полночи, найдя в ванной всякие моющие средства, чистил подушки дивана и пылесосом собирал кошачий корм на кухне...

Спать ушел в другую комнату.

Утром эта падла снова обоссала диван.

День был потерян, заниматься этим было некогда и я, матерясь, убежал на работу, оставив на кухне пустые кошкины тарелки – «Все равно не жрешь нифига!».

Так продолжалось до пятницы. Не знаю, чем она питалась, где находила воду – корм не давал, но диван был обоссан каждый день, даже после того, как я накрыл его полиэтиленовой пленкой, эта зараза умудрилась пробраться под пленку и сделать свое черное дело.

– Ну, все. Тебе капец. – Сказал громко, когда пораньше вернулся с работы. И начались систематические поиски Милисенты.

Проверялась каждая комната досконально, при закрытой двери, каждый уголок, каждое укромное местечко. Чтобы не терять время, заодно решил и прибраться квартиру, шуруя влажными тряпками и щетками пылесоса во все стороны.

Нашлась пропажа, как всегда по закону подлости, в последней комнате.

С победным ором и протестующим мявом кошка была найдена, поймана и затыкана мордой – «не ссы, сучка, туда, где я сплю» – в мокрый и вонючий диван. После экзекуции я закрыл ее на кухне, где на полу стоял уже обновленный кошачий ужин, и повез диванные подушки в химчистку, к хорошему знакомому, который долго смеялся над моим рассказом о писающей кошке и согласился помочь. Потом поход к кошачьему ветеринару и на рынок, где даже вечером можно найти наисвежайшее молоко и мясо.

Поздно вечером живописная картина заставила широко улыбнуться: кухня, на полу миски, тарелки, тарелки всевозможных форм и расцветок, в которых – что Бог послал – три сорта рыбы, куриное филе, мелко нарезанная баранина, говядина, свининка, три сорта кошачьего корма – спасибо ветеринару – вода, молоко, сливки, Милисента из угла пронизывает насквозь своими синими глазами, телек с каким-то ужасиком и я за скромным столом: тарелка с разогретыми в микроволновке чебуреками, чайник с черным чаем, полупустая сахарница с воткнутой мельхиоровой ложкой.

Поздно ночью, сидя в кресле перед журнальным столиком и безучастно глядя, как на поверхности, вытасченной из морозилки бутылки пива, появляются, сливаются, увеличиваются в размерах капли влаги и, увлекая своих соседок, соскальзывают вниз, я начал и сам соскальзывать в дрему, ощущая, как напряжение прошедшей недели начало отпускать.

Появилась она незаметно. Потерлась о ногу, сделала круг, снова потерлась, остановилась задом, приподняв хвост.

Снова круг...

Еще один...

Потом, тихо мяукнув, прыгнула на колени, и, свернувшись, расположилась в паху.

Под эту тяжелую теплую пушистую нежность я и заснул.

Все выходные и до следующей пятницы она кружилась вокруг меня.

Ничего не ела весь день – я уже отбросил все попытки ее накормить насильно, носиться по квартире, искать и тыкать мордой в еду – и просто каждое утро выставлял ей целое меню. А вечером приходила и кружилась. Кружилась и терлась. И когда я начинал ее гладить, подставляла зад, с каждым разом увеличивая напряжение моих крамольных мыслей.

Последняя пятница. В воскресенье приезжает хозяйка и кончатся мои мучения по вскармливанию долбанутой кошки. По этому поводу был куплен коньяк.

После горячего душа, накинув банный халат, сидел под торшером на диване и, не придерживаясь мировых традиций, наслаждался коньяком, когда появилась Милисента.

Прыгнула на колени. Улеглась. Замерла, словно затаилась.

Коньяк, маленькими порциями стекая в желудок, огромными кучевыми облаками поднимался в мозг. Нужно было идти жарить мясо – организм требовал животных белков и порции канцерогенов, алкоголь требовал адекватной закуски и продолжения праздника – но что-то мешало. Нарастающее расслабление вперемешку с возбуждением: кошка начала лизать пальцы, ладони. Сначала осторожно, потом все интенсивнее. И вдруг, приподнявшись, провела своим наждачным и горячим языком по соску – Боже! Киска! У меня больше месяца не было женщины! – взрывная эрекция раскидала полы халата и уперлась между лап Мили, рука непроизвольно коснулась ее. Соскочив на диван – как только не расцарапала меня – она недвусмысленно выставила зад.

И закрутилось: возбуждающая крамольность, разрывающая гормональность, накопившаяся злость, вдруг неожиданно нашедшая естественно-парадоксальный выход, пары коньяка, расслабление...

Встав на колени перед диваном, одной рукой крепко, но аккуратно, нежно и даже ласково, прижал Милисенту к поверхности. Начал гладить возле копчика, вокруг хвоста, задние лапы. Она молчаливо выгибалась и подставлялась, нагибая хвост. Я смотрел в нее и пытался сообразить, какое из двух отверстий – влагалище. Потом представил человеческую самочку в такой же позе и все встало на свои места. Смазанный слюной мизинец проник в нее легко и быстро. Обжигающая и горячая! Бросило в жар, в висках заколошматило, эрекция больно зашкалила. Облизанный большой палец вошел внутрь так же легко и глубоко. Ощукая ее тесные внутренности, я уже не мог удержаться. Обильно смазав слюной головку члена, еще крепче прижав, практически вдавив, голову Милисенты в диван, медленно, но с идиотской уверенностью движущегося танка протолкнул себя в ее влагалище. В одну секунду я почувствовал, как сжимается ее влагалище, как содрогается маленькое тельце, как она пытается высвободить задние лапы и голову, как яростными конвульсиями сжались мои яички, упруго выплескивая накопившуюся сперму, как что-то жаркое и влажное, словно кипятком, окатило член, как где-то в подсознании моего подсознания возник звук, смешивающийся с низким густым мявом: «маааааааааааа»... Еще несколько секунд я еле-еле удерживал ее двумя руками, пока вся сперма не вытекла в кошку...

Вынул... Отпустил...

Она резко прыгнула вперед и, громко мяукая, начала крутиться и вертеться по полу...

Через полминуты вскочила и унеслась из комнаты...

Наталья появилась поздним воскресным вечером.

– Я в душ, – сказала с порога, – десять часов пришлось ждать самолет в аэропорту.

Потом мы на кухне пили вино и чай.

— Ну, как вы тут?

Слова о том, что Милисента ничего не ела и вела себя очень гадостно, застряли у меня в горле. Кошка, несмотря на появление хозяйки, как всегда пряталась где-то. Как всегда ресторанное меню нетронутое ожидало ее у

двери в углу. И пока я формировал фразу в голове, чтобы ответить, она появилась и, как ни в чем ни бывало, словно это делала все две недели, спокойно пристроилась к куриному белому мясу – «а Васька слушает, да ест».

– Да, все хорошо, как видишь, – только и осталось сказать мне, кивнув в сторону кошки.

На этом все и закончилось. Если бы не два «но».

Первое.

Мы с Натальей знакомы давно и у нас сложились достаточно теплые дружеские чувства, среди которых не было места лозунгам, типа «нет секса между друзьями!» Нам было хорошо, удобно и приятно встречаться иногда.

Утром, когда она, собираясь на работу, ушла в душ, и я еще ощущал приятную тяжесть ее головы на моем плече, появилась Мили, неожиданно прыгнув на грудь, и, как в первый день, устремила в меня свой пронзительный синий взгляд. Не успел я сказать «не смотри на меня так», лишь – дернуть головой, чтобы избежать ее лапы.

Избежать... Но только для лица.

Ее когти глубоко полосонули по груди.

Четыре шрама на груди остались на всю жизнь.

Второе «но».

Где-то месяца через два позвонила Наталья.

– Не хочешь котенка? Девочка моя родила...

В шоковом состоянии я не смог выдавить из себя ни слова... Котенок с моим лицом??

Потом, через несколько месяцев, я узнал, что Милисента сбежала в тот день из дома и нашли ее лишь через два дня под лестницей в окружении котов.

*

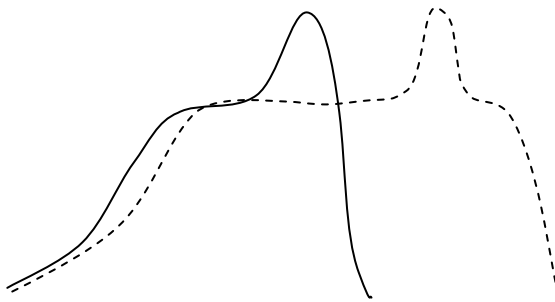
Меня постоянно мучил вопрос: почему женщинам нужно всегда больше времени, чем мужчинам. Причем, во всем. Больше времени, чтобы одеться, больше времени, чтобы помыться в ванне, я исключаю мужчин-сибаритов, которые валяются в ванне больше любой самой грязной женщины.

Странно, конечно, но ответа на этот очень для меня интересный и важный вопрос я не находил долго. Просто принял, как факт: «женщинам всегда и во всем нужно больше времени».

Началось все очень давно, в ту юношескую эпоху, когда уже на излете необъяснимости тяги к девочкам, ты вкусил запретного плода, почувствовал вкус, и ищешь, как бы его усилить...

Роясь во всевозможных книжках, брошюрах, распечатках самиздата, натолкнулся на эту фразу про время.

Там тоже не было объяснения «почему», но там была другая очень ценная информация. Процесс секса, от подготовки, интродукции, фрикций и до оргазма у мужчин и женщин различается. Различается принципиально.

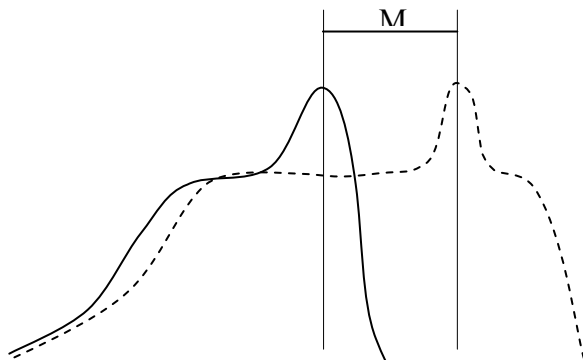
Если мужская линия (сплошная) быстро набирает высоту, а затем с огромной скоростью несется к вершине, оргазму, эякуляции, после чего сразу резко сваливается в пике, и уходит в глубокую асексуальность.

То женская линия (пунктирная) очень медленно «раскачивается», долго находится в стадии «плато» (горизонтальная линия), когда возбуждение не меняется и может в любой момент скатиться вниз; некоторые женщины на этом промежутке могут испытывать микрооргазмы. Затем наступает усиление возбуждения и оргазм. Из которого женщина, в отличие от мужчины, выходит медленнее.

Два момента, которые, в общем-то, и делают мужчину мужчиной.

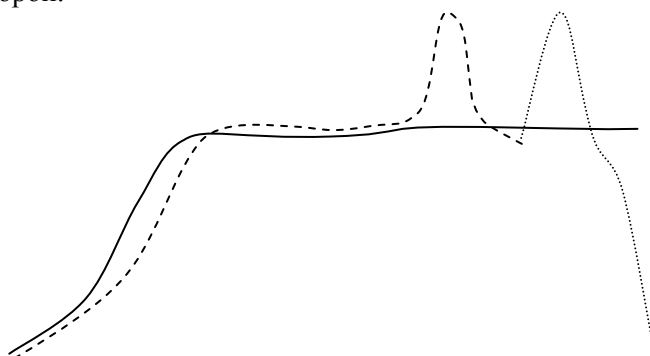
Первый.

Между пиками оргазмов имеется промежуток, расстояние (на рисунке обозначено «М»). Именно преодоление этого отрезка превращает самца в мужчину. Если мужчина отвлечется от собственных ощущений, поставит ощущения женщины выше своих — как-то я уже была тема самопожертвования — ощущений, то оргазмы женщины и мужчины совпадут.

В этот совместный выплеск энергий, эмоций, чувств — две особи превращаются в одну, их тела, мысли, чувства, биополя в эти секунды пульсируют в одном темпе, в одном ритме. Это наивысшая точка слияния, максимальное отсутствие одиночества в двух душах.

Второй.

Если мужчина найдет в себе силы, желание, волю не поддаваться искушению и не эякулировать до или вместе с женщиной, то он может довести женщину до второго оргазма (точечная линия). Так как женщина еще возбуждена и вполне может повторить взлет. Состояние оргазма у нее никак не связано с такими процессами, как эякуляция у мужчин, поэтому физиологически возможен и второй оргазм, и третий, и четвертый, и..... Пока не устанет мужчина.

Восхитительный процесс удлинения секса, возбуждения, желания, страсти, наполненности жизни, продления состояния единства, единения, слияния с любимой женщиной.

Золотой ключик к женскому сердцу, женской душе, женскому телу.

И тут сразу возникает очень волнующий всех мужчин вопрос: как продлить секс??! Ответ, на самом деле прост: не доводить дело до эякуляции. Необходимо отделить оргазм от эякуляции. Процесс этот двойной. С одной стороны, должна быть подготовлена психологическая, психическая, философская основа. С другой стороны, тренировки и эксперименты с физиологией.

И это я считаю третьим и важнейшим моментом для мужчины. Когда у мужчины оторваны друг от друга явления эякуляции и оргазма, то мужчина может испытать оргазм без «кончания». Суть такого оргазма заключается в том, что мужчина испытывает наивысшее наслаждение от всего процесса, от близости женщины, от близости с ней, от той затраченной своей физической, эмоциональной, чувственной энергии, от тех эмоций и чувств любимой женщины, которые она испытывает с ним, благодаря ему. Суть оргазма в бесконечном ощущении единения, ментального слияния, проникновения друг в друга всеми энергиями и полями, которые пробуждаются только в такие активные моменты отношений мужчины и женщины. Оставляя за собой со временем тающий шлейф благодарности, счастья, усталости, сладкий аромат родственности душ, аккордного пульса двух сердец.

Кстати, женщины очень сильно помешаны на том, чтобы мужчина «кончал». Если во время секса не было эякуляции, они считают, мужчина был недостаточно возбужден, и обвиняют в этом себя. Хотя, их вины тут нет. Секс же Природой определен для продолжения рода. Поэтому любой коитус для женщины, как бы, должен заканчиваться эякуляцией. И здесь нужно чутко и осторожно пытаться объяснить своей девушке, женщине, подруге, любовнице, партнерше, что оргазм и эякуляция – разные явления. Что именно желание продолжать секс без эякуляции и считается высшим оргазмом, высшим проявлением своих чувств к ней. Не многие понимают сразу...

И, все-таки, ответ на свой давнишний вопрос «Почему женщинам нужно всегда больше времени, чем мужчинам?» я нашел.

В процессе эволюции Природа придумала половое размножение. Она разделила вид на два «элемента», выполняющих различные функции. Считается, что половое размножение обеспечивает появление наследственно более разнообразного потомства.

Однако, все намного глубже и по-другому.

Природе нужно было создать такой механизм, такую систему, которая бы смогла не только эффективно противостоять постоянно изменяющейся агрессивной среде, но и приспособлять ее для себя. Для этого системе необходимо быть одновременно гибкой, быстрой, агрессивной, чтобы адекватно реагировать на происходящие изменения во внешней среде, и, с другой стороны, система должна быть пассивной, не податливой, инертной, чтобы сохранить все наилучшие свойства и качества системы.

Самое простое, а значит, и правильное решение – разделить вид на две части. Одна часть, мужчины, будет на острие эволюции, противостоять

внешним условиям и приспособлять среду. Другая часть, женщины, будет накапливать и хранить в генах весь положительный опыт.

Сам процесс выглядит примерно так. Мужчины в борьбе за существование, в битве за самок, в трудах по приспособлению среды обитания вырабатывают, проявляют, оттачивают свои самые лучшие свойства и качества. В генах это постепенно закрепляется. После того, как будет достигнут определенный уровень закреплённости, эти свойства начинают бетонироваться генетически в женщинах. Женщины, вобрав в себя самое лучшее, самые качественные гены, как бы, догоняют ушедших вперед мужчин. И когда они догонят, когда этот процесс завершится, человеческий вид будет готов к следующему витку эволюционного отбора свойств и качеств.

Для визуализации, представьте себе еще раз неваляшку. Сверху, в пустой голове – мужчины, снизу, у тяжелого основания – женщины. Изменившиеся условия окружающего мира резко толкнули неваляшку. Это может быть холод, выжженная саванна, потом, проигранная битва с другим племенем и т.д. И она, неваляшка, под ударами агрессивной среды бешено закачалась, кивая головой из стороны в сторону. При этом основание остается почти без движения. Когда же неваляшка успокоится, можно сказать, что очередной эволюционный виток завершился. Система адаптировалась к новым условиям, мужчины выработали «комплект» соответствующих генов, а женщины их в себе закрепили.

Так вот. Для того, чтобы начать бетонировать те или иные качества в генетическом материале необходимо время, чтобы убедиться в правильности выбора, в эффективности выбранных качеств.

Вот отсюда и растут корни того, что женщинам на все нужно больше времени, чем мужчинам.

Что ж, мужчина заинтересован в удлинении секса. Не только потому, чтобы возвыситься в собственных глазах. Не только, чтобы быть секс-машиной, и сводить от суперогразмов женщин с ума. Не только потому, что это его поднимает от уровня самца, до самца разумного, то есть мужчины (отрезок «М»). Кратковременный миг наполненности смыслом делает мужчину НЕ одиноким в этом мире. Именно поэтому мужчина заинтересован в удлинении секса. Пять минут, пятьдесят минут, пять часов, пятьдесят часов, пять дней... Как только мужчина разделяет в своей философии, мировоззрении, физиологии оргазм и эякуляцию, он становится хозяином своих чувств и мыслей во время секса. Он не думает о том, как его возвратно-поступательно взбешенный член елозит внутри влагалища. Он не думает о том «Как бы не кончить!». Не думает «А если не встанет?!» И не думает много других дурацких мыслей. Его чувства свободны. Он начинает чувствовать женщину. Ее слова, дыхание, запах, пульс, дрожь, желания, движения. Он даже сможет проникнуть в ее мысли.

Секс, как процесс интормиссии-фрикций-эякуляций, отодвигается на второй план. Это не значит, что секс теряет свое значение, важность, главную жизненную парадигму. Нет! Во время секса в человеке включаются механизмы, которым миллионы лет, запускаются огромные энергетические ресурсы, которые в обычном состоянии дремлют. Они помогают раскрыть душу и сердце любимой. Они ломают границы отчужденности, непонимания, недоверия. Помогают проникнуть в ее мир, стать ближе, роднее. Ощутить ее энергетическую пульсацию. Раствориться в ее Вселенной, зажигаясь миллионами звезд на ее небосводе.

Секс – это уже не цель, секс – это инструмент, средство, которое помогает соединить два Я в одно Мы.

Мужчина, думающий в сексе не о себе, занимается сексом с женщиной не для того, чтобы по-быстрому кончить и убежать. А использует секс, чтобы понять, ощутить женщину, дополнить ее собой, себя – ею.

Мужчина, думающий в сексе не о себе, находится в постоянном сексуальном напряжении. Это не значит, что он носится с эрегированным членом наперевес. Это означает, что его мир наполнен сексуальными красками, запахами, звуками, тактильными ощущениями. Это означает, что мужчина находится в постоянно-влюбленном состоянии.

Наполненная сексом жизнь, наполнена истинным смыслом и содержанием. А значит, такой мужчина меньше страдает от одиночества. И больше приносит счастья в этот мир.

Человек, раздвигающий границы секса, завладевает Вселенной. В расширяющийся круг секса включается больше вещей, предметов, понятий, мыслей, слов. Сначала это скромная прелюдия в качестве предварительных ласк. Потом секс уже охватывает и романтическую обстановку со своими ее атрибутами. Затем и процесс подготовки к свиданию становится наполненным сексуальным ритмом. Повседневное общение с любимой приобретает постоянный сексуальный аромат. Мимолетные диалоги с посторонними девушками раскрашиваются сексуальными красками. Пролетающие навстречу в потоке людей женщины облачаются в сексуальную ауру. Закрученная моралью и нравственностью спираль запретных фантазий и мыслей мгновенно разжимается. Сексом наполняется любая линия, повторяющая изгиб женской талии, любая плоскость, продолжившая спуск от впадины пупка до междупоя, любая форма, наполненная объемом женской груди. Воздух, атмосфера, пространство вибрируют флюидами, феромонами, позитронами желаний. Все предметы начинают «говорить» о сексе: книги, журналы, кино, реклама, автомобили, цветы, столбы, облака, небо, звезды... Весь мир наполняется сексуальным смыслом и содержанием. Вся Вселенная включается в твой сексуальный ритм.

Но...

Это все – уже было.

Было.

Существовало миллионы лет
до тебя.

Существовало и до этого твоего осознания факта, что весь мир – сплошной постоянный секс.

Просто раньше ты этого не замечал.

* * *

В тот день меня скрутило сильнее, чем обычно.

Скрутило здесь, перед унитазом.

Ноги подкосились, и я просто рухнул на холодный керамический пол
скрючившись...

вдавливая

кулаки в грудь...

со всей силы

втискивая костяшки пальцев между ребер, пытаюсь заглушить...

заглушить...

заглушить нестерпимую боль

неистовую

которая не прекращалась ни на секунду

сжатые зубы

сдавленный стон заполнил крохотное пространство туалета

отразился от стен и придавил

Нет! Наотмашь вдарил по затылку

неумолимо вжимая в холодный кафель грязного вонючего пола.

Переполненное праздничного мусора ведро. Ошметки оливье, мятые

пластмассовые стаканчики, кожура бананов и мандаринов, использованная туалетная бумага. Неуклюже скомканная окровавленная прокладка красовалась на вершине этой кучи. Еще лоснящийся сморщенный презерватив в изнеможении свешивался через край ведра. Праздничный аромат новогодних атрибутов смешивался с туалетной вонью мочевого камня.

Обостренное ощущение реальности.
Мир не вернуть назад.
Утраченного не вернуть назад
Потерянного не воротить
Мертвых не оживишь
Все они возвращаются только в мозг
В сон
В темноту моргнувших глаз
Улыбаются, говорят, целуют, прикладывают прохладную ладонь к воспаленному лбу
Кудряшки, пальчики, губы
Плечи голос улыбка
Все осталось только там, в центре моей больной изувеченной памяти.

Здесь на кончике ножа, стиснутый холодными стенами, я...
скрюченный на полу, не в силах даже вдохнуть,
и содрогающееся от беззвучного бесслезного рыдания тело.

Там, за стенами, Вселенная, которой насрать на меня, мою боль, потери, утрату, безысходность...
Там музыка, народ, истерично поглощающий продукты цивилизации.
Смех, радость, надежды, кокетство, секс, трах....

Уже потом, когда немного отпустило, я сидел в темном кабинете – лишь тусклый свет монитора пытался осветить операторскую – перед компьютером и тупо, по-бараньи, гонял курсор по рабочему столу – черный квадрат без единой иконки и скрытой панелью задач.

Сколько я уже так сидел, неизвестно – время потеряло смысл, зимой здесь темнеет быстро, в помещении за стенами кабинета было исключительно тихо: новогодний праздник в зале на первом этаже уже давно закончился. Вселенная съежилась до крохотной пульсирующей огненной точки где-то в пинеальной железе мозга.

Где-то внизу глухо бухает металлическая входная дверь.
Тяжелые бегущие шаги... по лестнице... по коридору...
Приближаются.

Дверь распахнулась. Свет из коридора ворвался и ослепил.

– Ты чего тут?! Один?! – Шавкатик полез в шкаф, схватил с вешалки пуховик – пластмассовая вешалка звонко шмякнулась на пол и тут же была сбита куда-то под стол его ботинками. – Одевайся! Нас девчонки пригласили в баню, продолжить Новый год! Давай-давай! Водка есть, пива полно!

Затормошил, поднял, натянул на меня пуховик, потянул к выходу – умел он проявить активность, навалиться разговором, который сначала не слушаешь, а потом понимаешь, что непроизвольно концентрируешься и пытаешься разобраться в логике его смысловых фигур – пока закрывал дверь в кабинет и пока мы шли к выходу, он все рассказывал, как после работы остался в отделе кадров с Иркочкой и Ольгой, а потом присоединилась еще начальница, Ирина Максимовна со своей подружкой, Ленкой-хохотушкой, бухгалтером.

Да, я понял, отмазаться не удастся.

Такси стояло у дороги, наполовину скрытое парообразными выхлопными газами – морозило, в носу сразу образовались льдинки, под

Пинеальная железа, шишковидное тело, эпифиз – выделяет мелатонин («гормон темноты», регулятор сна). Считают эту железу третьим глазом, «средоточием души».

сорок, наверное. Дверь передо мной услужливо открылась. Чьи-то горячие объятья, радостные возгласы, запах бензина, спирта и апельсинов. Кадровички, Ольга и Ира, весело, смешливо, вызываясь смотрели на меня и, пока я пытался закрыть дверь машины, всю смеялись и шутили. Трезвый пьяного не разумеет.

Шавкатик сел рядом с водителем.

Хлопнула дверь.

Поехали.

В бане было полно народу. Почти все – наши.

Удивило.

В большом предбаннике у стены стоял длинный угловой диван, вдоль него деревянный, самодельный стол – горой навалены всякие пирожки, фрукты, отдельно куры гриль, россыпью свежие бледно розовые помидоры, длинные ярко зеленые парниковые огурцы, соленья, копченая рыба, водка, пиво, бутылки шампанского – и такие же скамьи. Тут же в другом углу массажный стол, рядом журнальный столик с огромными мягкими креслами. Два входа – в банный отдел и в бассейн.

Музыка, неяркое освещение.

Своеобразный банный запах.

Громкие пьяные возгласы.

Веселье в разгаре.

Нас сразу раздели, налили по 100 грамм водки и, даже не дав закусить, потащили в сауну...

Места в сауне мне уже не хватило.

К удивлению, свободной оказалась парная. Жаркая, ароматная. Пустая.

Раскаленные камни чуть ли не светились в железной бочке.

Вылив в ведро бутылку пива, разбавил холодной водой.

Два ковша воды взорвались пряным хлебным обжигающим гейзером. Пар окутал все пространство молочной взвесью. Я залез на верхнюю полку и растворился в пространстве.

В какой-то момент заметил движение у двери – кто-то профессионально зашел в парную, воздух даже не колыхнулся. Фигура присела рядом. Девушка. Ее худенькое плечо коснулось меня. В купальнике. Бюстгальтер прикрывал – зачем ей был он нужен – рудиментарную, мальчишескую грудь. Через мгновение, она спустилась с полки, поддала пару. Ее ладошка тут же оказалась у меня в трусах. Ловкие пальцы мастерски взялись за дело. И... член неожиданно – у меня два с половиной года не то, что бы ладошки женской в трусах не было, мысли о сексе вообще забыли мою голову, а инстинкты были просто убиты алкоголем и наркотой – откликнулся.

Уже через три секунды вязкая сперма упругой струей – от резкой боли я аж вскрикнул – по длинной параболической траектории врезалась в раскаленные камни: сразу запахло сожженным белком. Девушка на этом не остановилась, и я кончил второй и третий раз. Четвертый раз она все из меня высосала... и так же профессионально, как и вошла в парную, исчезла...

Мираж?

Глюк?

Если бы не стояк и ощущение переполняющей пустоты в яичках...

Где-то в глубине мозгов захрустел песок между зубцами гигантских заросших мхом и покрытых ржавчиной шестеренок. Натужно заскрипели их оси. Гигантский мельничный жернов повернулся на пол миллиметра. В сознании, с легким «Па!», как ломаются хлебные палочки гриссини, что-то сломалось.

Гулко билось сердце в ребра, в ушах молотил молот о наковальню.

Жар обжигал легкие, раскаленный пар облеплял мокрой ватой.

Не хватало воздуха, не было сил сделать вдох.

Разбухшие колбаски пальцев, словно десять эрегированных членов, оргазмически пульсировали в раскаленном воздухе.

Напряженная пустота выдавливала из меня самого меня самого.

Сполз вниз и распластался на полу. Попрохладней.

С трудом, как нарождающийся младенец, протолкнул темечком дверь и вывалился в воду бассейна...

Холодная, интенсивно воняющая хлоркой, вода.

Окунулся с головой.

Один, второй, третий. Каждый раз все больше сбрасывая с себя струпья прошлого...

Да... Охладить организм – важное и необходимое мероприятие. За дверью были люди, гудели голоса, музыка и выходить «в свет» с неуправляемой эрекцией – не дело.

Завернутый в простыню, я сидел за столиком, пил водку, искал глазами – в парной мне не удалось ее рассмотреть, но хотел угадать – ту фею, которая так неожиданно изменила мое ощущение реальности. Дело в том, что последние два года я глушил себя алкоголем и наркотой. Один на один, сам с собой. Свой мир я насильно сузил до грязной вонючей бомжатской комнаты. Там я пытался выдавить из мозгов, сердца, души ту яростную боль утраты и безысходности. Реальности не существовало, действительность отсутствовала. Была только боль, спирт и наркота...

Смакование и осознание новых, забытых, ощущений прервала суэта у массажного стола. Начальница отдела кадров, Ирена Максимовна, пыталась с девочками сделать себе массаж.

В предбаннике народу значительно поубавилось. Остались самые стойкие и приближенные. Я тут вообще оказался случайно и явно не из когорты приближенных, поэтому и старался быть незаметным.

На фирме, где я сейчас работал, сформировалось три группировки.

Группа любителей пива: немногочисленные мужики, которые по пятницам собирались попить «жидкого хлеба». Часто потом подвыпившие мужики перемещались, с учетом настроения и контингента, в две другие группировки. В ресторан, бар, кабак, сауну, в гости домой...

Вторая группа – подружки директорской жены, она работала в планово-экономическом отделе, составляли высший цвет «общества». Для женщин «вход» сюда был только по приглашению.

Эскорт Ирены Максимовны, начальницы отдела кадров. Видная, яркая тетка. С амбициями. Средних лет, в теле, но не жирная, вполне даже аппетитная – частенько определенно откровенное декольте провоцировало опустить взгляд. Здесь тусовались те, кто не попал в подружки директорской жены.

Как-то изначально Ирена Максимовна «невзлюбила» меня, относя меня к нижайшему холопскому сословию. Иронично-отчужденная, пренебрежительно-холодная. Если нужно было что-то мне дать, никогда не делала это из рук в руки: «возьмите на столе», всегда нас отделяло три четыре шага или какой-нибудь предмет находился между нами. Сначала это бесило, потом сам себе сказал «да пошла ты», и каждый раз при встрече с ней представлял, как она делает мне минет.

И вот теперь, она обнаженная – лишь простынь, опущенная до талии, скрывала ее ядренные ягодички, бедра, ноги – лежала животом на массажном столе, лицом вниз. Стоящая рядом Оля, ее сотрудница, пыталась слабыми руками помассировать ее натянутую кожу. Три или четыре человека стояли рядом и, развлекаясь, давали советы: «молоток возьми», «без смазки не получится» «сними с нее простынь».

– Ольга! Ты чего там елозишь, давай пожестче, ничего не чувствую... Эх! Мужичка бы сейчас...

В этот момент какая-то сила подняла меня с кресла.

Я отодвинул Ольгу.

Залез на стол, сел чуть ниже ягодички Ирены Максимовны.

Окружающие ахнули, захихикали.

– О! Ольга, ну, наконец-то...

Жесткий, глубокий и одновременно нежный массаж с элементами эротических движений и интенсивными растираниями. Гладкая упругая здоровая кожа холеной женщины без единого намека на целлюлит благодарно откликнулась на прикасания.

Она стонала от удовольствия, нахваливая Ольгины ладони и пальцы. Смущенная Ольга стояла поодаль, где вконец развеселившийся народ делал недвусмысленные шутливые намеки в адрес неосведомленной в истинной ситуации Ирены Максимовны.

– Олечка! Ты чудо! У тебя волшебные пальцы! Я вся мокрая, где б теперь еще мужика найти.

Она начала вставать, поворачиваться, мне пришлось соскочить с ее бедер, усиленно скрывая в очередной раз за сегодняшний вечер воспрянувшее с новой огромной силой естество.

Села. Круглые плечи, большая, но красивая грудь, которую она безуспешно, или специально безуспешно, пыталась прикрыть простыней от нескромных взглядов. Ее глаза посмотрели на меня, на удаленную Ольгу, на хохочущих людей, и все поняла.

– Черт! А я думала это Ольга.

Потом мы все еще пили часа два, сидя с краю огромного стола. Осталось нас восемь человек. Сидящий справа Шавкатик, многозначительно тыкал меня постоянно в бедро. А Ирена Максимовна каждый раз оказывалась ко мне все ближе и ближе. И я позвоночником ощущал ее обостренное и жгучее внимание к своей персоне.

Из двух такси, которые приехали за нами, я «чудом» оказался прижатый к двери телом Ирены Максимовны. Ее рука тут же оказалась у меня на колене, соскальзывающая на кочках к паху, все сильнее и сильнее возбуждая меня.

К ее дому мы подъехали, когда всех развезли. И я еле сдерживался, чтобы тут же на заднем сиденье, не изнасиловать ее.

– Я не могу тебя пригласить, у меня дома муж. – Она попыталась выйти из машины. Я резко закрыл дверь, назвал водителю адрес офиса...

Она не протестовала.

На шубе, на полу, на столе, у стены, во всех позах, которые позволяли условия и ее комплекция, мы совокуплялись...

Остервенело и отрешенно.

Активная, словно, как и я, она два года не занималась сексом и мужика видела только во сне, она трахала меня, а я, поддавшись, трахал ее...

Дикий угарный ураганный животный секс. Без слов, эмоций, чувств. Вперед-назад, вперед-назад, вперед-назад, вперед-назад, вперед-назад.....

Ее зубы и когти впивались в кожу, оставляя на груди, спине, плечах, бедрах больные, кровавые следы разбуженной звериной страсти и инстинкта оплодотворения...

– Мне пора. – Были ее единственные слова за все это время.

Как это говорится в романах: «на следующий день». Так вот, ничего не изменилось на следующий день. Ирена Максимовна все также относилась ко мне, как к холопскому сословию. Всё такая же иронично-отчужденная, пренебрежительно-холодная. Если нужно было что-то мне передать, говорила «возьмите на столе», и всегда между нами было расстояние в два-три метра.

Вот только, при виде меня, ее карие глаза заполнялись темной невыразимой тоской. А я вспоминал, как она с голодной жадностью делала мне минет.

Я люблю женщин. Всегда. Даже, когда они по-сучьи бросают и делают ахренительно больно. Больно до такой степени, что от спазмов в сознании... не в мозгу, не во внутренних органах... а в сознании. Где-то там над тобой, но в то же время вокруг тебя, и внутри тебя в области сердца, и в центре черепа. И эта боль в пол секунды скручивает тебя в бублик и валит на пол.

Метаться и мучиться вопросом: «почему она ушла?» бессмысленно. Женщины уходят, потому что уходят – чаще они уходят, конечно, тогда, когда находят другого мужчину. А боль скручивает нас. Крючковые шипы вонзаются в сердце. Раскаленные тупые лезвия ножей полосуют тело. Красивые слова... но так и есть. Боль утраты захватывает нас с головы до ног. Необъяснимость и безысходность сковывают мысли, душу, чувства, ощущения. Мы вдруг оказываемся в автобусе маршрута «кольцевой». Бесконечные однообразные безответные вопросы, бесконечное монотонное долбление в стенку головой, бесконечная заноза в сердце.

Скрип снега или тротуарного песка, пение птиц или собачий перелай, детектив по телевизору или бестолково-радостный радио-ди-джей, полная, алычовая, луна или клубящиеся гроззовые точки, присутствие близких друзей или толпа незнакомых в супермаркете. Все это не с нами, мимо нас, вне нашего времени и пространства. В салоне нашего автобуса только боль.

И все равно я люблю женщин. Их можно подолгу трахать. Они всегда начинают верещать «отпусти меня, я больше не могу!» А потом кончают еще раза два-три. И еще... И еще... Они изможденные, изнасилованные, усталые благодарно засыпают на твоей груди. Под тяжестью головы сережка вонзается в кожу, впивается всеми своими углами и камешками до самого позвоночника. А ты лежишь, терпишь. Ладони нежно и осторожно гладят ее замученное и уснувшее тело, и лишь легкие мурашки под пальцами говорят, что она еще летает...

На женщин можно просто смотреть. Любоваться. Они такие красивые, всегда. Даже когда сидят на унитазах. Или когда, намешав вина, мохито, джин с тоником, снова вина, тяжело и, рухнув от бессилия на пол, болезненно блюют в три часа ночи, в прихожей, так и не дойдя до туалета.

С женщинами приятно поговорить. Они это любят. Особенно, когда ты им что-то рассказываешь, они вдруг умолкнут, надут губки... А ты пытаешься понять из-за чего это вдруг, и говоришь поэтому всякую хрень, а губки от этой хрени еще больше надуваются и молчание становится еще более тягостным. Очень мило... В мозг прокрадывается опасная мысль, как бы в эти губки впихнуть горячий член. Потом так увлекаешься этой мыслью, и не замечаешь, что ты его уже впихнул.

Люблю женщин. Они такие слабые, особенно, когда хотят казаться сильными. Когда говоришь им «Я ухожу от тебя... навсегда», они сидят с невозмутимым видом и неприступным лицом, в душе у них огненная буря, смешанная с ледяными слезами горя и отчаяния, и мысли, что их использовали и бросили. А мы начинаем беситься от этой невозмутимости... Или, когда говорят они. «Я тебя не люблю, прости»... Это «прости», как насмешка: «Я всадила тебе нож в грудь, прости».

Я люблю женщин. Они пишут такие удивительные слова.

«Какой страх сильнее? Страх быть отвергнутой и непонятой или же страх оставить все как есть, недосказанное, непонятое...

Страх тебя больше не увидеть...

Ответ мне ясен... Для меня все уже решено где-то внутри. Может быть, именно поэтому мне сейчас относительно спокойно. Не знаю, имею ли я право в очередной раз ворваться в твою жизнь без стука... Но чувствую, что без этого не обойдется... Потому что время не лечит... вообще никак!

И ничего не проходит! Все усугубляется с каждым вздохом!

Хочу теперь, чтобы было меньше слов... моих слов, глупых,

раздраженных и не соответствующих действительности!

Ушла? Гордая? Да я же первая без тебя и не могу... Не хотела навязываться?

Да плевать... Сейчас я бы имела хоть какое-то право на вопросы...

Я даже не знаю, где именно ты сейчас, сколько километров нас разделяет...

И не у кого спросить...

Каждую ночь, захлебываясь слезами, я прошу, чтобы у тебя все было хорошо! И пусть будет так!

Зачем я опять все это пишу? Я не знаю... Нужно выговориться, наверное... Утвердиться в своем решении опять ворваться в твою жизнь... Я пока не совсем уверена... Хотя уверенности сейчас во мне больше, чем нерешительности... К тому же это будет всего лишь сообщение, которое, неизвестно, дойдет ли.

Надеюсь, я решусь и не струшу как обычно.

Знаешь, мне безумно хочется делиться с тобой всем! Абсолютно! Мне хочется делиться с тобой каждой мелочью, каждой своей мыслью, каждым своим движением, действием – всей мной! Именно с тобой! И ни с кем более! Я чувствую в тебе родного человека, моего человека! Я люблю тебя...»

Я люблю женщин. Их невозможно не любить. Не потому что у них есть сиськи, писька и все остальные прелести. Все это вторично, на самом деле. Кто-то сказал однажды «Лицо и грудь женщины – это для дураков. Истина женщины видна со спины». И это так.

Главное в женщине ее преданность. Мужчина должен знать, быть уверенным, что тыл у него прикрыт. Нет. Не прикрыт, а наглухо закрыт, забит досками, завален камнями, зацементирован. Что у него всегда есть место, где он можетлизать раны, отдохнуть, набраться сил для следующей борьбы с агрессивным миром. Умиротворение, благодать, спокойствие, еда, нежность, шаловливые подрастающие детеныши, секс...

Секс...

Про секс я думаю всегда, постоянно. Мое осмысление и ощущение секса очень сильно отличается от общественного восприятия этого явления. Хотя, мой вариант мне кажется максимально соответствующим задумке Природы «самопожертвование со вкусом секса». Секс – это не только и не столько банальное совокупление, а все, что с ним связано. А связано с ним всё. Весь Мир вращается вокруг секса. Поэтому, о чем бы я ни думал или говорил, что бы я ни делал, постоянно присутствует фоновым смыслом, дополнительным значением секс.

Разговариваю с сотрудницей, она елозит мышкой от компьютера по столу, крутя пальчиком колесико. А мне видится, как ее пальчики балуются, обхватив мой член. Кассирша отсчитывает сдачу – словно расстегивает пуговицы в штанах. Измотанная девушка вырубилась в метро, спит, откинув голову назад, приоткрыв губы... Вы уже и сами догадались, что представлял я?

Это один из самых низких уровней осмысления и восприятия секса. Подавляющее большинство людей, говоря о сексе, опускаются именно до этого уровня, уровня «трах». Они возмущенно начинают лопотать что-то о маньячестве, озабоченности, неудовлетворенности, спермотоксикозе. Делают пренебрежительное лицо, словно секс – это протухшее говно. При этом, говоря о каких-то обыденных вещах и совершая повседневные банальные поступки, они, тем не менее, думают о сексе. Сто процентов взрослого населения, думая о еде, фильмах, детях, уборке квартиры, карьере, да о чем бы то ни было, однозначно думают именно о сексе. И 99% людей о сексе думают в стиле «трах»: сунуть, вставить, отдаться, проглотить и т.д. и т.п.

К сожалению, подавляющее большинство людей не знают, что такое настоящий, полноценный, пронизывающий, яркий, постоянный, вездесущий

секс. Секс, в котором банальное соитие второстепенно. Секс, который наполняет смыслом жизнь. В котором главное – это отношения мужчины и женщины, открытость сердец, единые эмоциональные порывы, близость и единение душ. В котором он и она, я и я становятся Мы. И основная цель этого Мы – крепкое, здоровое, умное, сильное, красивое потомство.

Любовь. Секс.

Как все изменилось за какие-то последние триста-пятьсот лет. Даже сто лет.

Ускоряющаяся техногенная гонка, улучшающиеся условия жизни, где нет грозных хищников и опасности не подстерегают за каждым кустом, под каждым деревом. Где страшнейшие болезни почти побеждены. Повседневные банальные желания каждого человека практически решаются без проблем и напрягов. Человеку почти не нужно думать о хлебе насущном. Чудесный мир, наполненный всеми благами цивилизации! Нет борьбы за жизнь, как таковой нет борьбы за среду обитания. Нет, нет. Конечно, есть страны, где люди голодают и умирают сотнями и тысячами от нищеты, голода, болезней, геноцида, где каждый день гремят выстрелы. Однако общий уровень человеческой цивилизации сейчас очень высок.

Опасная ситуация возникла в связи с этим высоким уровнем в области полового и естественного отбора.

Природа миллионы лет выстраивала инстинкты, рефлексy, химию, биохимию, физиологию ради одной цели – размножение живых организмов. Секс, как таковой, стоял не просто на первом месте. Он занимал внеконкурентную позицию среди других природных приоритетов и целей. Все для секса, секс везде и во всем!!

Еще раз уточню. Роль самца заключается в том, чтобы в жесткой конкуренции проявить свои наилучшие качества и свойства, по которым его выбирает самка. А при появлении потомства, обеспечить благополучие и защиту и потомства и самки. Роль самки: выбрать максимально конкурентоспособного самца, родить от него потомство, чтобы закрепить его качества и свойства генетически, и довести детенышей до состояния самодостаточности. Самцы на острие эволюции прогибали Мир под себя, подстраивались под внешнюю среду, завоевывали ареал обитания, добывали средства к существованию, оттачивали изменчивый генетический материал. Самки же за спинами самцов, чуть позади, укрепляли тыл, накапливали полезный опыт, генетически закрепляли максимально выигрышные видовые свойства.

Раньше самкам нужен был самец, потому, что одной ей не справиться с вынашиванием, рождением, воспитанием, защитой, кормлением детенышей. При этом самка была носителем, закрепленных в генах, зарекомендованных характеристик и свойств, которые эволюция отбирала с помощью самцов, а так же гарантом стабильности вида.

Из-за необходимости помочь самке «самопожертвование со вкусом секса» было поставлено во главу полового отбора.

Сейчас же, в связи с достаточной легкостью жизни самец, как добытчик, кормилец и защитник, самке уже не нужен. Элиминация необходимости самца в жизни самки снижает и значимость самца, как «поставщика» конкурентоспособного генетического материала – зачем нам конкурентоспособные гены, если открыл холодильник, и кушай на здоровье. И тогда теряется смысл хранить те гены, в которых эволюцией закреплены лучшие свойства и характеристики человеческого вида. Сдерживающий барьер самочного инстинкта доминирования и рефлекса привлечения к себе внимания самцов, рухнул. Тяготы существования, связанные с трудностью добычи пропитания, наличием опасных хищников, суровыми климатическими условиями, исчезли.

То есть настроенный, совершенный механизм Природы, который она строила и лелеяла, вдруг сломался.

Причем, сломался так, что ни природа, ни сам человек этого еще не

Элиминация (eliminare) - исключение, уничтожение, ограничение.

заметили.

Природа думает, что все прекрасно и продолжает толкать самцов в эгоэкспансию и конкурентные игрища. Самцы, повинувшись зову Природы, сломя голову, носятся между самками, пытаются совокупиться с большинством из них, и мочат друг друга в битве за знак качества своих генов. Самки отказались рожать детенышей по природе, самостоятельно решая, когда это будет нужно им, отстранились от самцов в обеспечении защиты и благополучия, сами вышли на охоту в боевой раскраске и рыдают по ночам в подушку «почему я такая дура?!»

Истинная цель секса «самопожертвование со вкусом секса» в человеческом обществе уже имеет все меньше и меньше значения и смысла. Усугубленная псевдо моралистами, псевдо нравственниками, псевдо сексуальными революционерами и прочей шушерой, ситуация практически уже поставила крест на этой истинной цели. Со всех сторон нам кричат о сексе, но не в истинном свете. Секс ради шантажа, секс ради купли-продажи, секс исключительно ради собственного удовольствия, секс ради гендерного угнетения, секс ради самоутверждения... Секс ради чего угодно, но только не для рождения потомства и, косвенно – ради защиты самки и детенышей...

Секс был мужским миллионы лет: самцы трахали самок, самцы обеспечивали и защищали самок и свое потомство. Второстепенная, по отношению к самцам, позиция самок не унижительна. Потому как эта зависимость ставит самку с детенышами в центр отношений. Теперь секс приобретает женское лицо. Женщины, столько эпох сидящие в темноте и взаперти, вдруг почувствовали свежий воздух, солнечные лучи ударились в каменный холодный пол и отскочили к низкому замшелому потолку.

Драматическая картинка получилась. Тогда так: женщины ведут себя так, как ведут себя дети, ощутившие свободу и безнаказанность.

Роль brutального альфа самца стала практически не актуальна: уже не нужно отвоевывать среды обитания, стало намного легче противодействовать различным внешним условиям, необходимые товары и продукты лежат на полках супермаркетов. Десятки, сотни лет общество добивалось «уничтожения» альфа самцов. Религия, государство, мораль, нравственность выкашивали, выхолащивали в человеческой цивилизации все то, что позволило человечеству стать Человечеством. Теперь место альфа самцов занимают продвинутые – умные, предприимчивые, хитрые, изворотливые и т.п. – бета и омега самцы. Те, кто максимально ассимилировался в запросах и требованиях современного общества.

К чему приведет такая смена парадигмы полового отбора, секса, любви?

Уже сейчас мужчины и женщины столкнулись с огромным количеством противоречий в своих отношениях. Например, активная самка в подсознании самца ассоциируется, как уже выполнившая свою основную природную задачу, родила детей и больше не способна к деторождению. Соответственно, она, активная, не интересна самцам. Или, активная самка, выходя на «охоту», начинает выполнять функции самца. Это тоже отторгает мужчин. Конкурировать могут только гомогенные, однородные объекты. Конкурировать не может лев с антилопой, продавец башмаков с продавцом сладкой ваты. Конкурировать самец и самка не могут – это приведет к гибели вида, сильные и быстрые самцы поубивают самок. Или, неактуальные в современном мире альфа самцы все также инстинктивно притягивают самок, они ищут их и ждут. Поэтому они дуры. Или, так как активность самок отторгается самцами, то такие женщины очень часто, в подавляющем большинстве, одиноки, сексуально не удовлетворены, поэтому они злые, заподлянницы, вредные, стервозные, ссученные...

Или обобщенный пример, показывающий, как сильно изменился секс – естественно, под сексом понимается не тупое совокупление. Если раньше

Гендер – это совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола. Первоначально понятие «гендер» использовалось для обозначения тех анатомо-физиологических особенностей людей, на основе которых человеческие существа определяются как мужчины или женщины.

сильная любовь мужчины к женщине была залогом крепких отношений, а, следовательно, залогом выживания самки, выживания детенышей, то теперь сильная любовь мужчины к женщине ее пугает. Такая любовь – это же противоестественно, мужикам же главное «сунуть-вынуть-и бежать». И потом, теперь это не важно. Выживание себя и детенышей женщина может устроить сейчас сама.

Природа миллионы лет экспериментировала, искала оптимальный и эффективный путь развития Жизни. Нашла. Соединение разума с половым делением, половым отбором, делает жизнь максимально гибкой, максимально способной противостоять агрессивной среде, максимально способной усваивать и осваивать окружающую среду, превращать ее в среду своего обитания.

Как оказалось, для выживания человеку разумному не достаточно только разума. Нужно стадо, племя, общество... Десять разумов в слабых хилых хрупких тельцах сильнее одного могучего мамонта. Сила и цель десяти самцов важнее силы и цели одного каждого самца по отдельности. Поэтому каждому отдельному самцу, ради общей силы и цели приходится отказаться от некоторой части, порой даже – всех, своих собственных целей. Последние три-два тысячелетия социализация понеслась семимильными прыжками. Развитие науки, культуры, искусства, медицины, мировоззрения. Обществу все меньше и меньше нужны были альфа самцы, и все больше и больше нужны были самцы, которые ставят общество выше себя, которые «подчиняются» обществу. Общество выдавливало в социальный вакуум ненужных ему альфа самцов, доминантов, вождей...

Среда обитания Человека распространялась уже почти на всю планету. Жизнь становилась безопаснее, легче, более прогнозируемой, более предсказуемой.

«Мир, в котором мы тогда жили, был просторен, и большая его часть была открыта для любого из нас. Его опутывали шоссе, железные дороги и океанские линии, которые перенесли нас за тысячи миль в целости и сохранности. Если нам хотелось путешествовать быстрее и мы могли себе это позволить, мы путешествовали на самолетах. В те дни ни у кого не было нужды таскать с собой оружие и вообще принимать какие-либо меры предосторожности. Вы могли просто встать и отправиться, куда вам угодно, и ничто не могло помешать вам, если не считать множества всяких анкет и правил».

Джон Уиндем, «День триффидов»

Счастливая Природа смеялась, по-ребячьи подпрыгивала и хлопала от радости в ладоши.

«Ну-ну», – сказал человек разумный, одной рукой подбрасывая незаметно под ее босые ноги изумрудно сверкающие бутылочные осколки, другой – доставая увесистую арматуру.

Активных самцов, которые подминали под себя мир, почти не осталось, жизнь стала легче и безопаснее, менее агрессивной и спокойной. Суть самцов – быть завоевателем Вселенной – постепенно элиминировалась. Самкам стало проще жить. Уравниловка повысила статус самок почти до уровня самцов. Они получили возможность не зависеть от самцов. Медицина позволила им рожать когда угодно и от кого угодно, даже без участия самцов. Медицина предоставила им инструмент избавляться от ненужного потомства, абсолютно игнорируя желание самцов. И теперь родить или не родить зависит от самки. От ее воли, желания. Похрен семя! Самка, почувствовав свою силу и независимость, решила стать завоевательницей Вселенной.

Общество оскотило самцовскую суть.

Совершило с десяток жестоких сексуальных революций.

Как супер-семя, взяло под защиту самок и позволило им делать все, что заблагорассудится.

Повысило уровень жизни.

Со всех сторон, из-за каждого угла, с каждой стены, листка бумаги, экрана – пичкает всех развратом и распутством, накачивает блудом и похотью, заражает потребительским отношением к сексу, возвеличивает вседозволенность. Но запретило каждому проявлять сексуальную свободу, волю, «распущенность». Наказывая самым жестоким образом за проявление своей сексуальности.

Общество, возвеличивая внешнюю сторону секса, опустила истинный его смысл и значение до уровня плинтуса. Секс не важен, важен «разговор» о сексе. Мы видим яркую вывеску «секс!», а под ней импотенция и фригидность. Транспарант «СЕКС», а за ним гомосексуальность, лесбиянство, инфантильность и яростный феминизм.

Затюканные, недееспособные к оплодотворению самок, самцы инфантильны, пассивны, гомосексуальны. Они боятся... нет, не боятся – ссат! активных, в боевой раскраске, самок. Избегают, трясутся, лебезят, заискивают, лицемерят. Ведут себя ублюдочно, по-скотски. Словно перед ними не самка, а доминантный самец.

Нет будущего в мире, где сбрендивший стол вдруг решил стать кастрюлей, обезумевшее зеркало воскликнуло «Хочу быть владычицей морскою». Нет будущего в обществе, где каждый делает не то, что назначено ему Природой.

Мужчины и женщины почти не совокупаются. Не занимаются сексом. Но, при этом, они накачены разгулом разврата, извращенности, пошлости, хамства, распутства. У них сносит от этого крышу, развиваются фобии к себе, противоположному полу, к ласке, к нежности, к откровенности, к свободе. Возникает идиосинкразия друг к другу, к своим «грязным» частям тела, к своим «грязным» мыслям, к самцовским рефлексам – у мужчин, к самочным инстинктам – у женщин. Самки трахают самцов только, когда нужно им, избавляются от потомства, когда оно им не нужно. Самцы избегают самок и проваливаются в бухалово или тыкают друг в друга. Если самцы и самки совокупаются, то меньше всего это секс. Защищенные презервативами и другой химической контрацепцией, самцы рудиментарно елозят членом во влагалище самок. А если не защищенные, то эгоистичные самки тут же бегут делать аборт.

Основная суть жизни – размножение, секс. Основная суть секса – соединить самку и самца для рождения и воспитания полноценного потомства. Секс превратили в фетиш. В игрушку. Секс сейчас – это все, что угодно, вместо того, что нужно: секс, чтобы купить-продать, секс, чтобы подчинить-унизить...

Людской род вымирает. Пассивный, ленивый, расхоложенный технологичностью, – он взглядом имбецила взирает на окружающий мир. Взведенный курок извращенного понимания секса, обрушенный на него обществом со всех сторон, не спускается, потому что он противоестественен, противоположен.

Отсутствие истинного секса делается опасным, смертельно опасным. Если каждый человек, каждый мужчина, каждая женщина, каждый самец, каждая самка не поймет, куда нас загоняет современное общество, мы долго не протянем. Вырождение не то чтобы неминуемо. Вырождение Человечества уже началось.

Природа, избитая, валяется в лужи крови с порезанными, искромсанными ногами и разбитой вдребезги головой. А человек рядом деловито теребит импотентный повисший член, потому как больше ни на что не способен.

* * *

Наверное, пришло время познакомиться поближе.

Заманчиво начать с первой брачной ночи.

Но...

Эту елеино-сладенькую историю расскажу чуть позже.

И начну издалека.

Наши родители были знакомы с институтских времен. Вместе сидели на лекциях, вместе готовились к семинарам и сессиям. Вместе отдыхали: ездили на море, ходили в походы. После института дружба не остыла. Одновременно сыграли свадьбы. С разницей в десять дней мы родились.

Ее родители трудились на заводе: отец – инженер, мама – бухгалтер.

Мой отец был учителем в школе, мама – начальник экономического управления в министерстве.

Родители наши были достаточно религиозны, чтобы регулярно, хотя и не часто, ходить в церковь и иметь в доме иконы. Ее крестили в пятом классе. Я же сделал этот шаг осознанно по возвращению из армии.

Высококультурные, высокоморальные, высокоидейные отношения, соблюдение заповедей – не прелюбодействуй, не кради, не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего... Свобода слова, свобода выбора, альтернативы и компромиссы, музыка, художественное искусство, литература, спорт, тепло, понимание, любовь – все было в нашем детстве и юношестве. Идеальные и правильные у нас были семьи.

«Так не бывает»

«Это фантастика».

Но это было. Маленький рай.

Сидели мы за одной партой. Вместе приходили в школу, вместе уходили. Вместе делали уроки, готовились к экзаменам. Не трудно догадаться, что и студенчество у нас было одно на двоих. Пока на втором курсе мне не пришлось уйти отдавать Родине священный долг.

Вблизи устья реки Шумилиха на южном берегу пролива Маточкин Шар в поселке Северный. Экстремально суровый климат, запредельные условия прохождения службы либо ломают и опускают, либо закаляют. Там, на краю земли – за день до Присяги прапорщик посадил нас, десять очумевших желторотиков, в вертолет, мы ошарашено крутили головами в иллюминаторах, пытаюсь понять, куда нас занесло вообще; внизу термоядерная смесь из снежных и ярких зеленых пятен, а когда мы услышали, что слева от нас в 1961 году взорвали «Царь-бомбу», мы подавленно затихли; вертолет зашел на посадку со стороны моря на гигантский бастион, возвышающийся четырехсотметровой крепостной стеной над поверхностью воды; плато Таран, мы стояли на краю, съжившись от ветра, перед нами простиралось бескрайнее Баренцево море, «гордитесь, бойцы, вы охраняете край земли русской» – все максималистично: нет весны и осени, нет серых тонов, нет дороги назад. Здесь только «есть» и «так точно», яркий взрыв короткого лета и долгая снежная темная ночь.

Страшные истории рассказывали солдаты друг другу. Шепотом, в темноте, после отбоя. Истории, достойные Сталкеров, словно из похмельного угарного небытия, потустороннего мира, каким-то образом проникшего в нашу действительность. Гигантские белые медведи, исковерканные радиацией мутанты и невидимые в темноте монстры, уносящие солдат с караульных постов, зашкаленные рентгенометры, светящийся воздух, живые камни, поющий лед. По ночам за окнами бродил кто-то чугунной поступью и словно лезвиями проводил по стеклам. Безмолвный тяжелый взгляд сквозь заиндеветшие окна приковывал к кроватям. А ведь это был третий этаж. Странные заснеженные фигуры, не оставляющие следов, бродили по плацу. И каждую осень хотя бы раз в две недели засыпалась хлоркой разбрызганная по территории части неизвестно откуда взявшаяся вонючая зеленая слизь.

Скептицизм и недоверчивые ухмылки нас, новичков, исчезли быстро.

Царь-бомба, испытанная 30 октября 1961 года на полигоне острова Новая Земля, – самая большая ядерная бомба в мире. Заряд ее составлял от 57 до 58,6 мегатонн тротилового эквивалента.

Когда в начале августа, при подземном ядерном испытании, произошла внештатная ситуация. Тогда над технологической площадкой полигона, которую обеспечивал наш взвод, зависло радиоактивное облако, как мы потом раз узнали, мощностью тысячекратно превышающую смертельную дозу человека.

То, что мы все видели, ощущали, чувствовали, находясь в так называемой зоне безопасности в сторожевой точке, – не описать словами. Барражирующая над расселиной опалесцирующая туча, огненный, вырывающийся из земли флюоресцентного голубого цвета газ, вспыхнувший черенковым пламенем в радиусе нескольких сот метров ледник. Блуждающие тени, странные, наводящие ужас, силуэты, словно вышедшие из Преисподни. Тысячи, сотни тысяч, миллионы кровожадных глаз, разрывая, выворачивая, пронзая насквозь холодом и оцепенением, усталились на нас. Липкие обжигающие прикосновения к коже, когти, вцепившиеся в желудок Боль, раздирающая мозг изнутри, валила с ног, заставляла биться в конвульсиях по земле. Кровь из ушей, рвота...

Что-то нам точно не договаривали про ядерные взрывы: кроме пяти основных поражающих факторов радиоактивной опасности однозначно существует что-то еще, шестое, седьмое, бесконечное... потустороннее и не подвластное разуму.

Два месяца в местном лазарете, полгода в госпитале на большой земле, где-то в Краснодарском крае. Ежедневные обследования, сдача анализов, беседы с миролюбивыми «дядьками в штатском» и строгие допросы с нахмуренными майорами и полковниками, красное вино, «генматоген», тишина, тревожно, снисходительно и участливо улыбающиеся медсестры, фрукты и овощи, наичистейший воздух. Если бы не последовательная смерть пятерых солдат, которых приписали к госпиталю вместе со мной, служба была бы почти раем... после ада...

После комиссации, сразу, как вернулся, ощущая острую потребность, отправился в церковь. Там, скрывая определенные подробности, рассказал батюшке Михаилу о своем сверхъестественном опыте. Воспринял он все с серьезным видом, хотя однажды почудилось, что в его глазах промелькнули такие знакомые мне искорки скептицизма «чур, меня!».

Через пару недель я принял крещение.

А через два месяца мы с Натальей расписались и обвенчались. До сих пор в памяти каждое мгновение тех дней.

По объективному стечению обстоятельств мы пять дней подряд постоянно были окружены людьми. Даже ночью спали в комнате, где спала чья-то троюродная сестра брата дедушкиной племянницы. Мучительные, истязющие, невыносимые дни. Потребность друг в друге была болезненной и острой.

Весь предстоящий до венчания день был еще более полон гостей и суеты. Нам вообще ни на секунду не удавалось остаться одним, чтобы зависнуть в поцелуе, и прошлые пять дней казались теперь раем. Странно, все знали, для чего собрались, но мы почему-то скрывали наше жгучее желание быть друг с другом. Ни обняться, ни прикинуть губами. Лишь мимолетные прикосновения. Исподтишка, чтобы никто не видел, касались друг друга пальцами, ладошками, телами, словно ненароком, словно случайно. Было смешно и мило. Хотя в душах наших вскипала жаркая страсть... Уже к вечеру напряжение в нас и между нами было настолько сильным, что мы светились в сумерках и между нашими телами проскакивали искры.

Весь этот сумасшедший и счастливый день я пытался представить эту последнюю холостую ночь, мечтал, фантазировал, заглядывал в будущее, далекое и близкое, строил планы. Мысли о сегодняшней близости сносили мозг, я замирал на пару секунд, а потом искал глазами любимую, встречался с ней взглядом – она тоже искала меня – и шел дальше делать какие-то дела. Бесконечный день не хотел заканчиваться.

Смертельная доза облучения для человека начинается примерно с величины 6 Зиверт.

Излучение Черенкова-Вавилова - излучение света электрически заряженной частицей, возникающее при её движении в среде со скоростью, превышающей фазовую скорость света в этой среде.

Дверь закрылась.

Наконец-то...

Наконец-то мы остались одни. Сегодня постель чьей-то троюродной сестры брата дедушкиной племянницы куда-то перенесли. Слава Богу!

Ночь...

Наверное, самая бесценная ночь в моей жизни, в судьбе моей любимой, в нашем будущем.

Дверь закрылась.

Заперев ее на ключ, я повернулся в темное пространство комнаты. Лампадка в углу, светодиоды проигрывателя, настроенного на какую-то волну – мы не любили спать в тишине. Шелест музыки, смешанной со звуком дождя из открытого окна.

Неделя была пасмурной и дождливой. Сегодня весь день собиралась гроза. Было душно, пасмурно, наэлектризовано. Иногда шел мелкий дождик. И только под вечер низкий грозовой свинец туч обложил город со всех сторон. Отдаленная канонада с каждым часом становилась громче, а сполохи молний – ярче.

Дверь закрылась.

На кровати в темноте угадывался ее силуэт. Она первая приняла душ и уже лежала, затаившись, накрытая простыней. Проникающие с улицы запахи озона, дождя и влажной листвы смешивались с ароматом ее шампуня и духов. В темноте физически ощущалось напряжение, ожидание, предвкушение, опасение. Обнаженный, я скользнул к ней, и, как всегда, от ее близости у меня сбилось дыхание... Она даже не шелохнулась, казалось, что спит – настолько бездвижно было тело. Я замер на несколько мгновений, прислушался: вкрадчивое дыхание волнующегося человека – не спит. Осторожно коснулся ее руки, плеча... Приподнял и отложил в сторону простынь. Вид обнаженной с идеальными формами фигуры у меня всегда вызывал состояние легкого оцепенения. Красота любимого тела на миг парализовала. Оно светилось, словно фосфорная фигурка. А может быть это от зарницы далеких молний или лампадок, или огоньков аппаратуры?

– Нам сегодня нельзя... – прошептала она.

Да, да. В ночь перед венчанием половая жизнь запрещена...

Я положил руку ей на живот. Она напряглась... Слегка отстранилась и поджала коленки...

– Ты мне доверяешь?

Она доверяла.

Почти не касаясь кожи, ощущая тепло и отдавая ей свою чувственность, мои ладони повторяли контуры ее тела. Мышцы ее напряглись, она прикусила губы. Теперь мои пальцы невесомо планировали над ней, осторожно, на миг, касаясь в самых неожиданных местах.

Сжатые кулачки впились в простыню...

Порыв ветра с улицы вдул в комнату тюль. Вспышка молнии осветила комнату. Контуры наших тел блеснули ртутью. Передвигаясь с пальчиков ног, к коленкам, и медленно-медленно поднимаясь выше и выше, я начал ее целовать, касаясь губами, скользя язычком, согревая дыханием... У нее начали подрагивать колени.

Не оставляя ни одной точки. Живот... грудь... Я целовал, целовал, целовал. Быстрыми прикосновениями и страстными глубокими поцелуями. Дразня язычком и всасываясь губами...

Ее пальчики вцепились в мои плечи.

Ярко блеснула молния. И тут же тугой натиск воздуха взметнул до потолка занавеску. Она зацепилась за раму, открывая простор потокам свежести, которые хлынули в комнату озоновыми волнами. Гроза стремительно приближалась. Вспыхивало чаще и ярче, гремело резче и громче.

Мои губы носились повсюду: ладошки, ноготочки, волосы, подвернувшиеся плечи, колени, пальчики на ножках, шея, живот. Настойчиво и упруго проникал губами и языком в самые запретные места, ломая запретные традиции. Сначала она неуверенно противилась, стеснительно ждала. Желание разгоралось и она уже требовала... Повинуясь понятным движениям ее тела, рук, губ, скользнул вниз. Прикоснуться к клитору было невозможно. Ноги моментально конвульсивно сжимали голову и плечи. От этого мои губы еще плотнее и жарче овладевали нежной плотью. Коленки разлетались, тело подавалось вперед и все снова повторялось.

Одновременная ослепительная вспышка и сотрясший здание взрывной удар грома заглушили едва сдерживаемый стон «не могу больше!!!»

Осторожно и мягко я отстранился, не давая испытать оргазма. Ее ноготки до крови врезались в плечи, притягивая к себе. Но нет... нельзя...

Разбушевавшаяся гроза хлестала в окно, которое пришлось закрыть...

Мы лежали, крепко обнявшись, и уплывали в сон...

Проснулся я от того, что все тело беспричинно покрылось мурашками, словно кто-то провел над кожей огромной наэлектризованной расческой. Пытаясь понять причину такого внезапного и странного пробуждения, лежал не шевелясь. Горячее тело любимой. Тишина за окном. Яркое солнечное утро. Так и не поняв, выскользнул из-под простыни. В ванной принял душ, оделся и на цыпочках, чтобы не разбудить приехавший собравшийся народ, выскочил на улицу.

С ума сойти!! Даже не верилось, что неделю были дожди, а всю ночь бушевала гроза! Солнце!! Яркое, жаркое... не смотря на раннее время. Неужели природа, воодушевившись нашим Праздником, решила преподнести подарок?!

В душе было легко и воздушно. Шаг ускорялся, ускорялся, ускорялся... Не выдержал, побежал – до ближайшего рынка метров пятьсот-шестьсот.

Влетел в ряды благоухающих цветочниц. Они только распаковывали свой праздничный товар.

Розы... Она обожала розы. Каждый раз разные. И ей всегда нравился мой выбор. Сегодня мой взгляд притянули желтая с красными краями «Конфетти» и кремовая «Сахара». Пятнадцатое число, пятнадцать шикарных роз.

Маленькая церквушка на окраине.

Щуплый священник. Живые, хитроватые, пронзительные глаза, словно раздевая, с макушки до туфель оглядели невесту. Заметив несколько недоуменное выражение моего лица, он долго, не отводя взгляда, смотрел мне прямо в глаза. Огромные неподвижные темные зрачки. Что хотел этот «попик»? Скрыть за нагловатостью свое неожиданно обнаруженное вожделение? Или что-то найти в глубине влюбленной души? Ревность? Зависть? Похоть? Нежность? Тягу к любимой?

Антипатия к нему испарилась, когда он начал службу. Сильный эмоциональный голос не просто читал молитвы, а словно рассказывал их, чем-то немного напоминая сказочника, немного – пятиклассника, пересказывающего с выражением недавно прочитанное.

– Мы приглашаем вас всех, родных и друзей, быть свидетелями заключения брачного союза

– Брак – это святой союз, установленный Богом, через который он изливает свою благодать и помазание мужу и жене, чтобы они могли исполнить Его особый призыв на их жизни. Сегодня мы собрались здесь, чтобы засвидетельствовать тайну соединения Богом двух людей в одну плоть.

«Действительно, таинство. Меня колошматило не по-детски. От ситуации, от обстановки, от атмосферы, от церковных атрибутов, от близости любимого человека, от прикосновений ее ладошки, подрагивающей от волнения. Я ощущал, как раскрываются в душе ворота, двери, окна, впуская в глубину что-то новое, светлое...».

– Двоим лучше, нежели одному; потому что у них есть доброе вознаграждение в труде их. Ибо, если упадёт один, то другой поднимет товарища своего. Но горе одному, когда упадёт, а другого нет, который поднял бы его. Также если лежат двое, то тепло им; а одному как согреться? И если станет преодолевать кто-либо одного, то двое устоят против него. И нитка, втрое скрученная, не скоро порвётся.

«Вот он, половой отбор, облеченный в религиозные словесные хитросплетения».

– ... Где двое или трое собраны во имя Моё, там Я посреди них.

«Где ты был, Боженька, через несколько лет, когда так был нужен нам, собранным во имя Твое?»

– ... Как глава дома, ты должен всегда хранить любовь к своей жене. Ты должен помнить, что это твоя ответственность любить её как самого себя и вести свою семью, как Христос любит и ведёт Свою Церковь. Иисус Христос всегда должен быть высшим примером любви друг ко другу.

«Вложи, Господи, разум в голову мою, силу в руки мои, терпение и свет в сердце мое».

– ... Как женщина этой семьи, я хочу, чтоб ты понимала высшее призвание Бога к тебе, как жене и матери. Служи своему мужу, подчинись его лидерству и не пытайся изменить его: перемены – это работа, которую может сделать только Святой Дух. Молись за своего мужа и следуй за ним, как Церковь призвана следовать Христу.

«Да, Господи, ты прав. Самое главное для мужчины – это иметь крепкий и надёжный тыл»

– Повинуйтесь друг другу в страхе Божьем.

Жёны повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви, и Он же Спаситель тела; но, как Церковь повинуется Христу, так и жёны своим мужьям во всём.

Мужья, любите своих жён, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за неё, чтобы освятить её, очистив банею водною, посредством слова; чтобы представить её Себе славною Церковью, не имеющую пятна или порока, или чего-либо подобного, но дабы она была свята и непорочна. Так должны мужья любить своих жён, как свои тела: любящий свою жену любит, самого себя. Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет её, как и господь Церковь; потому что мы члены тела Его, от плоти Его и от костей Его. Поэтому оставит человек отца своего и мать, и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть. Тайна эта велика; я говорю по отношению ко Христу и к Церкви. Так каждый из вас да любит свою жену, как самого себя; а жена да боится своего мужа.

«Аминь»

– Добровольно ли ты берёшь эту девушку в жёны, чтобы жить вместе с ней в святом завете брака перед Богом?

«Да»

– Добровольно ли ты берёшь этого человека в мужья, чтобы жить вместе с ним в святом завете брака перед Богом?

«Да»

– Я клянусь любить тебя вечной любовью Христа, полагать душу свою за тебя. Я клянусь заботиться о тебе, служить тебе, почитать тебя во

все дни жизни моей. Я клянусь первым говорить «прости». Я клянусь засыпать с именем твоим в моих молитвах. Это обещание я даю тебе, этот завет я заключаю с тобой до тех пор, пока смерть не разлучит нас, во имя Господа нашего Иисуса Христа.

«Я клянусь...»

– Я клянусь любить тебя вечной любовью Христа, полагать душу свою за тебя. Я клянусь заботиться о тебе, служить тебе, почитать тебя во все дни жизни моей. Я клянусь первой говорить «прости». Я клянусь засыпать с именем твоим в моих молитвах. Это обещание я даю тебе, этот завет я заключаю с тобой до тех пор, пока смерть не разлучит нас, во имя Господа нашего Иисуса Христа.

«... любить тебя вечной любовью»

– Теперь, властью, данной мне Господом Иисусом Христом, я объявляю вас законными мужем и женой.

«Мы еще не осознали полностью всего происходящего, но какая-то сила словно подтолкнула нас друг к другу»

Мы направились к выходу.

Мимолетная какая-то суета где-то там, на улице, возле дверей.

Наши сцепленные пальцы склеились между собой. Тела объединились. Общая кровь пульсировала по артериям, подгоняемая одним сердцем.

Шаг за порог.

Оглушительный звон колоколов

взорвал

затихшее на мгновение, как перед восходом солнца, пространство.

Взорвал

Заколошматил единым сердцем

Ослепил белым ярким светом наши судьбы

Сплавил в одну сущность

Я и Я

МЫ

Вот и все.

Ничего удивительного в том, что это произошло – история наших семей уже запрограммировала этот брак.

На втором году нашей семейной жизни родилась дочь, на четвертом – сын. Государственные экзамены, защита дипломов, работа.

Идиллия наших родителей перекинулась и на нас. Любовь, согласие, нежность, взаимопонимание. Дети росли в ласке и заботе. Детский сад, школа...

Все было замечательно.

Идиллия закончилась.

Неожиданно.

Резко.

Быстро.

В миг.

И безвозвратно.

Поздно ночью нас разбудил истеричный междугородний телефонный звонок. Уставший мужской голос сообщил: снежная лавина, сошедшая с горы Айкуайвенчорри, накрыла альпинистскую группу, в которой были наши родители. Спасатели ищут, но никого еще не нашли.

Эту трагедию мы не успели
ни пережить

ни осознать.

Через месяц, в полдень, уснувший водитель фуры, вылетев на встречную полосу, врезался в цементовоз, между ними оказался автобус: лучшие по итогам четверти ученики ехали на экскурсию. С переломом пяти ребер осталась жива только учительница.

Наши дети были лучшими по итогам четверти...

Время

Ощущение мира

Чувство реальности

Покинули нас с женой.

В пустой квартире, эхом отскакивая от стен, кругами носились мысли «зачем, за что, почему», лики святых с икон безмолвно взирали на энергетические вихри наших потерянных душ, изредка беспричинно вздрагивало пламя свеч.

Церковь либо угрюмо отмалчивалась, либо что-то невнятно мусолила про терпение и божью волю – свет, чистота и сияние не входили в наши сердца. Соболезнования знакомых и близких еще сильнее стягивали стальной обруч боли, горя, пустоты, обреченности.

Осознание того, что Бог, Его Сын, Святой Дух, да и вообще все Боги Вселенной не просто забыли нас, а вычеркнули из всех своих списков, полоснуло под сердце, когда возвращающуюся из церкви поздно вечером жену, в сумрачном подъезде пырнул отверткой какой-то гаденыш. Из-за сумки, в которой были лишь купленные свечи и фотографии детей и родителей...

Сколько прошло дней, недель, месяцев – я не знаю.

В тот день рано утром внутри меня что-то хрустнуло.

Я потушил свечи, снял с полки и сложил в целлофановый пакет иконы.

Кладбище

Семь могил рядом

Восьмая... яма – для себя...

Скользкий ветер ранней весны,
пытаясь выбить из глаз хоть каплю влаги,
хлестал по лицу.

Слез не было.

Я смотрел на трепещущее пламя...

Черной обуглиной покрывались иконы...

Слез не было.

Размельчив ботинками остывающие угли,
низко поклонившись каждой могиле,
высыпал черный порошок в свою яму.

Слез не было...

Проданные квартиры, мебель, вещи, дачи, автомобиль.

Купленная в зловонном, под снос, доме на втором этаже бомжатская однокомнатная малогабаритка. Отстраниться от мира, выжечь в мозгу спиртом боль ...

Год алкогольного помешательства ни к чему не привел. Убийственное количество выпитого алкоголя в моем мозгу ничего не изменило. Угнетенно стонали охреневшие почки, печень, желудок, поджелудочная. Но мозг

продолжал быть чистым и ясным, четко осознающим боль, безысходность, брошенность, одиночество.

Я взялся за наркотики.

Как и у большинства, все началось с травы.

У меня всегда было опасно-трепетное, даже благоговейное, отношение к этому. Поэтому я на полном серьезе, как будто в шикарном – насколько это возможно в засранной квартире – ресторане, обставил все. Закрыв двери, занавесил окна. Неумело скрутил пару косяков. Взорвал первый. Пыхнул. Реакции ноль.

Второй. Аналогично.

Конечно, меня предупреждали, что первый раз вообще ничего может не быть. Но это не устраивало в принципе. Поэтому я скрутил еще штук пять, положил перед собой на столе.

Пых... Пых...

Сiju, как дурак...

Смотрю на последнюю торпеду: «Если и после нее ничего не будет, нажрусь спиртяги». Потянулся...

Рука тянулась, тянуuuuuuuuuuuууууулась, а я все никак не мог даже дотронуться до косяка... километровая рука, километровые пальцы... вот он же косяк... близко...

Черт!

Встал, чтобы взять его... Время неожиданно остановилось. Мир схлопнулся, превратившись в черную дыру. Выпучив глаза, чтобы лучше видеть, я крутил туда-сюда головой, а темнота, как кисель, медленно тянулась и растягивалась, не успевая за мной, создавая черные волны страха. ОДИНОЧЕСТВО. Хлюпающим холодцом оно сожрало мои невидимые ноги и подбиралось к паху. Липкий холодный ужас. Пустота. ПУСТОТА сжала все мое тело пленкой. Грудной клетке во вдохе никуда не двинуться. Сжатые легкие, сдавленное сердце. Я заорал вытаращенными глазами. Снова и снова. Увеличивая громкость. Но лишь пузыри моего голоса, как изюм, замешанный в тягучем тесте, отрывались от меня и тут же снова облепляли мое тело черной холодной пустотой.

– Чего орешь?

Пленка лопнула мыльными пузырями, облепив какими-то соплями. Я сидел на своем продавленном грязном разорванном диване. Рядом сидел лысый мужик, завернутый в простыню. В руках у него оказался мой косяк. Он затаился, прикрыв глаза.

– Ты кто?

Пока он, зажмурившись, смаковал дым, который вдохнул, прошло долгое время.

– Ты чудака. Разве так не видно?

– Ты – Ленин!!!??

– Дурак, я твоя смерть.

– ...

– Не ссы... Пришел раскумариться. У Мирзохи всегда была классная травка. Сейчас курну и пойду по своим делам. К тебе позже приду...

Он снова глубоко затаился...

– Но не сейчас... Не сейчас.

Выдохнул. И, как джин, растворился в воздухе вместе с дымом.

Это был мой первый приход...

К бабаю Мирзохе – с ним я познакомился, когда бухал, он все время говорил: «зря пьешь, лучше кури» – я пришел снова только на третий день.

Он кинул на меня взгляд и единственное, что спросил: – Накрыло?

– Ага, не по-детски.

Он многозначительно и утвердительно кивнул, мол, свой товар знаю, говна не держим, сильно не бодяжим, кумар гарантируем.

– Подкати что-нибудь, Мирзо, что б сильно и надолго.

– Я к тебе приду через час, дорогой, принесу, покажу.

Гашиш помог понять, как устроен наш мир. Мир устроен так, как устроен. Сам по себе. Его никто не мог устроить, потому что если бы его кто-то устроил, то устроил бы не так. Значит, с богом тут лажа – его нет. Потому что если бы бог был, он бы обязательно все устроил не так, как устроено сейчас. И человек устроен так, как устроен, а не по подобию божьему. Так что тут бог второй раз обосрался. Человек создан по подобию конструктора Lego. Приглядишься. Разноцветные кирпичики. Детальки разных размеров и форм. Красные кирпичики Зависти, зеленые кирпичики Подлости. Просто огромный кусок говнища. Это Жадность. Интернет, машина, квартира, собака, небо... ммммм, небо – это голубенький такой кирпичик, который мечется по всему телу и виден лишь в особые моменты. Но самая огромная деталь, перед которой все остальные херня, это кирпич-ублюдок. Ублюдок это система, это как тесто в пудинге. Пууууууууууудинггг... Ржака... а еще «кекс». Ну, ты Кекс! Ты не кекс, ты ублюдок. Ублюдок это такая липкая субстанция – красивое слово: «станция супа» – в которую накидали всякой хрени и размешали. И тут бог обжекался еще раз. Взглянул он на землю и чуть не подавился манной небесной. Вязкая, липкая ублюдочность покрыла всю поверхность планеты.

И воскликнул бог: «убей ублюдка!» Начал вырезать людишек налево направо, пока не понял, что как-то херовенько у него получается. Сел, достал косяк, пыхнул. Задумался. Еще пыхнул. Понял, что не справится, потому что сам ублюдок. «Надо убить ублюдка в себе». И так увлекся этим убийством, что забыл про людей. А их стало еще больше на планете. Долго стоял бог, расставив ноги, глядя на землю между ними. «И ублюдка не убил, и процесс упустил». Родил сына, сказал «ты будешь главным ублюдком» и убил его. Но людям было похер и они воскресили главного ублюдка. В третий раз обосрался бог. Плюнул, «делайте, что хотите», и ушел обосранный...

Мда.... тетрагидроканнабинол сделал окружающий мир ярче, мозг яснее и функциональнее. И это, скорее, усугубило мою проблему, а не помогло. Я стремился вырубить мозг, отключить разум, убить эмоции. А как-то все пошло не так...

Придется попробовать что-то другое...

Фен, кокс, крокодил, герыч...

Курил, ел, нюхал, вмазывался...

Догонялся водкой, пивом, боярышником...

Делал все, чтобы убить в себе себя.

Убийственные дозы – уничтожить в себе человека, да и вообще выкинуть из этого мира... Чтобы кто-нибудь зашел в квартиру и задохнулся от вони моего забытого всеми протухшего разложившегося трупа.

Вроде бы дело сдвинулось с мертвой точки, боль стала отходить на второй план. Мозг... Воспаленный постоянно мозг требует очередную дозу. И пока доза есть, дни и ночи текут незаметно.

Так прошел еще год. И я понял: только Золотая Доза сможет мне помочь.

Двойная доза, в вену и в квадрицепс...

Я шел по Земле, из города в город, от мегаполисов к забытым деревням... Шел с огромными черными плотными полиэтиленовыми мешками. Собирая в них все говно, которое оказывалось в радиусе моего внимания. Утомительный – искать только человеческие экскременты, когда вокруг полно собачьих, – процесс. Утомительный и захватывающий: шастать всюду, выискивать, вынюхивать, высматривать фекалии, потом осторожно перекладывать их в мешок.

После долгих переходов мышцы приятно гудят. Тело хочет тянуться и

растягиваться, принять обжигающую ванну. Да. Сейчас и займемся этим... Но сначала...

Сначала целебная ванна. Тридцать восемь – оптимальная температура для растворения и разжижения говна. Содержимое моих мешков перемещается в ванну, наполненную водой. Я погружаю руки по локоть, по плечи, разминаю и размешиваю фекалии так, чтобы получилась однородная масса. Довожу температуру полученной субстанции до температуры тела и благоговейно, в немом восторге, закрыв глаза, медленно опускаю себя в ванну. Неторопливо онанирую в глубине, чувствую, как тело растворяется в этой благодатной жиже. Я и какашки, я в фекалиях, я – говно. Мы неотделимы друг от друга, говно – это я, я – это говно. Какашки выплескиваются из ванны и начинают захватывать мир, превращая в себя все, чего коснутся. Унитаз, стиральная машина, прихожая, квартира, дом, город, страна, вся планета, небо, солнце, вселенная.... Все из говна, все – ГОВНО...

И бог тоже. Отдавая этой вселенской каловой массе свое сверхъестественное естество, растворяется, становится лишь частью глобального фекального пространства, где даже пустота из фекалий...

Как, жадно раскрыв рот и в голос проглатывая недостающий воздух, выскакивает из-под воды утопающий, так и я, выскакивая, черт знает откуда, заорал во всю глотку, вдыхая протухший вокруг меня воздух...

Я вынырнул из темной фекальной пустоты... И оказался на полу в грязной вонючей комнате, покрытый уже засохшей блевотно-моче-каловой субстанцией. Невдалеке валялись шприцы.

Грязный, голодный... Едва переставляя ноги, поплелся в ванную.

Запыленный огрызок зеркала на стене. Ужас! Борода, усы, впалые щеки.

Провел ладонью, оттирая

Аааа.... ххххх.....

пыль...

что это...

Дых..ание заклинило....

Огромные бездонные смертельно черные зрачки из бездны зеркала.

Словно со дна колодца, из глубины глазниц в меня вцепился чужеродный потусторонний протыкающий череп отталкивающий взгляд.

«Кто ты?» «Зачем ты?» – Беззвучно хлестнуло мозг холодными когтями.

От неожиданности и страха замерло сердце, подогнулись колени, дернулось тело.

Ноги, приклеенные к полу.

Неподвижный взгляд выворачивал наизнанку.

Бежать! Бежать!

И не мог сдвинуться с места...

Скованные руки, ноги, глаза, мозг, легкие...

Вечность... вечность, вечность, вечность, вечность...

«Иди». Взгляд потух.

Тук-тук. Шевельнулось отпущенное сердце...

Выскочил из ванной и тут же на пороге свалился от слабости.

Что это было? Что за херня? Остатки глюков?

Напрягая последние силы, повернул голову и покосился на зеркало. Запыленная серая поверхность. Лишь два штриха, стертые пальцами. Почти минуту вглядывался, пытаюсь что-то разглядеть. И лишь, когда отвел глаза, кто-то шевельнулся там... внутри... Кто?

Кое-как добрался до продавленного дивана. Пытаясь сориентироваться в ситуации, задремал.

Сколько времени пробыл я в состоянии коллапса, комы, анабиоза?

Настенные электронные часы – единственная нормальная вещь в этой квартире – говорили, что почти месяц. Ненаучно, необъяснимо, мистично. Но двойная героиновая доза не убила меня. Более того, провалявшись столько времени без сознания, я не почувствовал ломки, если она вообще была. Несмотря на отвратное брезгливое отношение к самому себе, все-таки, внутреннее состояние мое ощущалось каким-то обновленным.

Гибель родных и близких, боль утраты все еще крепко сидели во мне. Я чувствовал, как незаметная заноза в сердце вдруг раскалялась добела, выжигая волю и силы. Но уже стало немного легче. Что-то внутри меня произошло. Сломалось? Надломилось? Перекрасилось? Не знаю... Но появилось, еще не окрепшее, желание начать идти дальше.

Надо было приводить себя в порядок. За два года алкогольно-наркотического самоубийства, да за месяц моего отсутствия в реальном мире в квартире исчезло все: и еда, и гигиенические средства, и нормальная одежда, и прочие другие необходимые вещи. Если идти дальше, то не нужно откладывать...

Проснулся под вечер. Самое время идти к Мирзохе, если он меня еще ждет – договорились, что через месяц он позвонит в милицию и сообщит о моем трупе. Он мне должен помочь достать нормальную одежду, необходимые средства и вещи.

Мирзоха свалился со скамейки, когда увидел меня.

– Шайтан!! Я думал Аллах давно забрал тебя к себе!! – Он поднялся, отряхивал зад, и с очень большим недоверием смотрел на мою улыбку. – Ты передумал что ли? А где тогда был все это вре..

– Мирзо. Послушай. Я не передумал. Я выжил...

– Бляяяяяяяяяяяяяя... Братишка... Ну, ты даешь..... – Он опустился снова на скамью. Недоумение и недоверие, неоформившаяся радость и страх. Дрожащими руками достал бутылёк с насваем.

Он никогда не ругался матом, считал это великим грехом перед Аллахом. И тот факт, что не сдержался, говорит о том, как сильно поразило мое появление перед ним. Ведь, он уже, наверное, подбирал слова, как звонить в милицию обо мне.

– Мирзо. Мне нужна одежда, вещи, еда, всякая херня мелкая, денег немного. Я тебе потом все верну, ты же знаешь. Вот только приду в себя.

– Травки?

– Нет. Я завязал...

В общем. Мне Мирзо помог. С одним условием, что я метнусь парутройку раз потом за товаром для него. Меня это устраивало. Его – тоже.

Я вычистился сам, вычистил квартиру, отдал ему ключи. И уехал. В далекий приполярный небольшой нефтяной городок.

Года через два я почувствовал, что начал излечиваться. Заноза в сердце постепенно рассасывается... или, наоборот, проникает все глубже, обволакиваясь кровяными тельцами.

Наладились новые отношения, вернулись прежние связи, знакомства, друзья. Остановленный трагедией маховик жизни, скрипя, охая и едва слышно возмущаясь, начал набирать обороты.

Дела.

Обязанности.

Работа.

Спортзал.

Людей в моем кругу становилось больше.

Девушки.

Вернее, девушка.

По-идиотски мы с ней, правда, познакомились.

Маленький провинциальный городок. Здесь размещен центральный

офис одной из нефтяных компаний. В городе, который по социальному положению и экономическому статусу претендовал на звание местной столицы, маленькие праздники становились исключительными событиями. Поэтому любой заурядный отчетный концерт музыкальной школы, творческого коллектива или Дома культуры, в котором принимали участие десятки клубов, домов творчества и культуры, около сотни солистов и мелких, средних и крупных коллективов, поднимался в ранг городского и даже районного масштаба. На него собирались не только преподаватели и родители выступающих детей, но съезжались руководители предприятий и фирм, чиновники администраций, простые жители. В концертный зал частенько было просто не попасть.

На одном из таких концертов, услышал, как поет одна девчушка. Потом я узнал, что ее зовут Настя и у нее удивительной красоты мама. Песня была не ахти. Но голосочек! Блеск глаз, тембр и темперамент исполнения меня поразили до глубины души. Пытаясь узнать об исполнительнице больше, отправился искать маму девочки. По наводке преподавателей, болеющих за своих подопечных, поднялся на второй этаж Дворца культуры, в студию звукозаписи.

Картинка была еще та: обнаженная по пояс девушка. Застигнутый врасплох парень, ладонь – глубоко в ее расстегнутых джинсах – резко дернулась, зацепившись за молнию. Парень был руководителем известной в области группы «Северное сияние». Девушка – мама Насти. Удивительно красивая, невысокая, миниатюрная, кожа цвета топленого молока, волосы иссиня-черные, пронзительно синие глаза.

Потом...

Потом, потом, потом... Она мне рассказала.

«Насте было... ммм... ну да... всего 7 лет. Ты не представляешь, она начала петь в четыре с половиной года и пела так, что взрослые заслушивались и заглядывались на нее на улице. Нельзя пропадать такому таланту. Я решила записать Настюшку в музыкальную школу. Какое же было мое разочарование, когда узнала, что школа просто напросто переполнена. Это было время творческого бума родителей, поймавших струю необходимости всесторонне развивать своих гениальных деток. Откуда они все набрались, ума не приложу. Но меня уже понесло, у меня такое случается. Я взяла денег, хороший коньяк и пошла к директору.

....

.... В общем, я не сразу и поняла, что и как произошло.

Прости, что рассказываю тебе, но мне больше не кому...

То ли это импозантная внешность директора музыкальной школы. А может быть из-за того, что у меня давно не было мужчины...

Я проснулась утром в его квартире. Он еще спал. Я сбежала ...

Настю приняли в музыкальную школу.

Я часто потом пользовалась этим, чтобы подтолкнуть события, «ради Настеньки».

Второй раз мы встретились случайно в краеведческом музее на этнографической экспозиции, где были представлены предметы традиционно-бытовой культуры местного коренного народа.

Разговорились.

Поразило ее глубокое, просто энциклопедическое, познание обычаев, нравов, фольклора, обрядовых действий, религиозных верований хантов. Мы медленно передвигались от экспоната к экспонату, и Татьяна микроскопически подробно объясняла и рассказывала десятки фактов, случаев, историй, связанных с той или иной деталью, узором, предметом...

– А вот игрушки девочек, куклы. У них нет лиц. Если нарисовать лицо, злой дух вселится в такую куклу. И можно принести несчастье ребенку. Кстати, подозреваю, что Лилиана Мера свою доминиканскую куклу без лица «украла» у хантов.

Куклы Лиме названы по первым буквам имени создательницы Лилианы Мера..

- Одежду из оленьих шкур надевают на голое тело ворсом внутрь. Волос постоянно массирует кожу и не дает мерзнуть.

«Она не носит белье!»

– А это ... – Голос ее изменился. Стал тихим, глубоким, сокровенным, малиновым. – Это тумран.

– Это один из самых древнейших инструментов в мире. Он есть почти в каждом народе и у него сотни имен. Ханты говорят: с помощью турмана с нами разговаривает Вселенная, злые духи боятся его, как огня.

Звуковые колебания еще были в неслышимой зоне, а уже едва ощутимая вибрация охватила мое тело. Цепкими коготками, процарапывая кожу во всех точках одновременно. Звук вошел внутрь, выскочил наружу и, отразившись от близких стен, сконцентрировался где-то в центре меня. Сковало руки, выступили на глазах слезы. Будоража и срывая пласты современной культуры, оставляя обнаженную генетическую мощь доисторических предков, этот маленький инструмент выворачивал душу наизнанку...

– Я-то думаю, кто тут шалит с экспонатами, – выскочила из кабинета директриса музея, а это Вы, Татьяна Серафимовна.

– Ты специально подводила меня к ...

Мы неслись на бешеной скорости по выложенной плитами трассе. Бетонка на стыках в сердечном ритме гудела под колесами.

Татьяна долго молчала, сконцентрировавшись на дороге – трудный ок.

– Я хозяйка и попечительница этого и еще двух музеев в области, а также нескольких культурно-исторических экспедиций. Мой папа хант и в свое время, подсуетившись, правильно распорядился родовыми землями. – Она резко свернула на просеку. Пульс дороги сменился шуршанием камешков, выскакивающих из-под колес. Обступившие кедры, набежавшие облака на солнце, изумрудный полумрак – мы словно попали в другой мир.

Разгоряченный джип выскочил из тени кедров и сосен и, фырча от удовольствия резко, остановился.

Слева блюдце озера, заросшее по берегу можжевельником, справа – оголенные до белого песка подступы к нефтяным насосам-качалкам, их тут называли «слоны».

Головокружительный аромат нагретого кустарника, раскаленного песка, воды, мазута.

79

танцуя, по песку, направилась к насосам.

Красота и необъяснимая особая привлекательность этого места, скрытого и удаленного от глаз и присутствия человека, завораживала, расслабляла. Ивняк вперемешку с кустами можжевельника на насыпах песка, словно на дюнах. Неподалеку, за песком, редкие чахлые березки с беспорядочными тонкими осинками. Ртутная поверхность неподвижной воды. И в ней огромные мачтовые сосны. Окружающие контрасты зеленого и желтого всех оттенков: от бурого до белого, от спящего изумрудного до черного.

Как-то не вязалось сразу несколько вещей: север и обжигающее яркое жаркое солнце; дикость, заброшенность, доисторичность природы и муаровые силуэты нефтяных насосов; обнаженная девушка, положившая голову мне на плечо, и ее отчужденность.

На расстеленное покрывало Татьяна легла первая, скинув с поразительной легкостью шорты, под которыми не было трусиков. Раскинув широко руки, улыбаясь, вызываясь, приглашающее, смотрела на меня. Торчащие в высокое небо соски. Идеальная, выточенная божественной рукой Мастера белого мрамора фигура. Побритый лобок. Меня моментально переклинило. Сердце заколошматило. Член бессовестно оттопырил джинсы. Она приподнялась, расстегнула джинсы, стащила их вместе с трусами с меня, и, обхватив осторожно член, потянула к себе.

Положила рядом.

Начинающую мою сексуальную активность остановила: «давай просто положим».

Какой же я тогда в плане отношений с женщинами был, в сущности, мальчик. Их и было то... Всего ничего. Я вообще рассчитывал, что будет одна единственная. Если бы не падла бог...

Эта Женщина ставила меня в тупик. За каких-то пару часов, проведенных с Татьяной, несколько раз ловил себя на мысли, что не могу ни объяснить ее слов и поступков, ни предугадать реакцию на события. То она оказывалась недалекой пустышкой, то, вдруг, неожиданно блистала академическими познаниями, то в атараксии замирала, разглядывая огромный, до пояса, одуванчик, то начинала суетиться по мелочам. Вот и сейчас ее необъяснимая нагота и странное игнорирование моего, более чем красноречивого, присутствия никак не вязалось с поцелуем в музей и недвусмысленными намеками на близость.

Атараксия - душевное спокойствие, безмятежность.

«Идиотское состояние. Обворожительная обнаженная женщина. Прижалась. Тесно. Для чего? Если дальше не подпускаешь. Заигрываешь? Непонятно».

«Как же хорошоооо! Блаженство! Солнце, тишина, лето, небо... Обожаю это место! Обалденный мужчина рядом. Стреноженный. Выдержит? Нет? Отдамся... вечером... завтра? Или сегодня? Уж, очень хочется сегодня. Отгадает загадку, тогда завтра».

«А как бьется твое сердечко... Все-таки ты хочешь? Играешь со мной? Конечно, ты можешь себе это позволить. У тебя полно ухажеров. У такой девушки должно быть их много. А кто я? Просто появился неожиданно... Теперь вот мы обнаженные лежим среди высоких сосен ...»

- Стоит между соснами раздолбленный дятлами пенек.
- Что?
- Это загадка...

Загадку я не отгадал.

Возвращаться мы решили к Татьяне. Вернее, это она почти настояла на этом. Ехали молча, два три предложения не в счет. Стиснув зубы, вся в напряжении, она целенаправленно управляла автомобилем. Тело ее гудело в предвкушении романтического вечера, мысли истерично метались: хотя при определенных условиях она с легкостью шла на секс, завоевать и

«затащить» в постель ее было очень не простым делом. Стремительный неконтролируемый почему-то поток событий и развитие их отношений тревожило. «Притягивает, сильно. Необъяснимо. Это, как раз таки и настораживает. Куда делось мое обычное равнодушие? Откуда эта неуправляемая, истерическая тяга к нему?» Она на миг слегка скосила глаза вправо. «Задремал... Странная ничегоособенность и одновременная обворожительность во всем. В словах, движениях... Глаза вообще сумасшедшие, такой глубины и черноты зрачков я еще никогда не встречала... Идеальное тело... Что-то припоминаю, читала про генетическое соответствие, может – это оно?»

Я понял, первую скрипку в этом оркестре мне сегодня не сыграть, пришлось занять позицию пассивного ожидания: пусть все плывет по течению. Следил за однообразной дорогой, изредка поглядывал на девушку. Обнаженные ноги притягивали взгляд, старался не смотреть, отворачиваясь в боковое окно.

«Необъяснимая, непонятная манера. Равнодушие к своей наготы, равнодушие к тому, что об этом подумают окружающие. Вызов? Менталитет? Воспитание? Бесстыдство? Эксгибиционизм? С одной стороны, такое отношение можно расценить, как неуважение к людям. Но не похоже, слишком естественно она оголяется и прекрасно чувствует себя в обнаженном виде. С другой стороны – естественная инстинктивная любовь к красоте обнаженного тела. Что может быть красивее здорового тела? Только другое здоровое тело».

Под мерный стук бетонных стыков под колесами я задремал.

Очнулся от прикосновения к щеке.

– Приехали, соня! – улыбаясь, сказала Татьяна. Она была одета – даже ветровка была накинута на плечи – видимо перед городом останавливалась, приводила себя в порядок. Открыв с моей стороны дверь, стояла, позвякивая связкой ключей, сияющая и веселая.

«Ничего себе контраст: всю дорогу мрачная, как снежная туча, сейчас – веселая».

Мы поднялись на четвертый этаж. Квартира поразила воображение. Мало того, что она объединяла две квартиры на одной площадке, так она оказалась еще и двух уровневой. Шесть комнат четвертого этажа, соединенные винтовой лестницей с шестью комнатами пятого этажа – дворец внутри типового пятиэтажного дома.

– Это мой чум. Чувствуй себя, как дома. – Татьяна, оставив меня одного, ушла в душ.

Я побродил по комнатам нижнего уровня. Многопластовая культура хантов органично и гармонично вплеталась в современный стиль устройства дома. Было очень интересно наблюдать, как различный бытовой инвентарь, поделки, украшения – вдруг находились в неожиданных местах современной квартиры.

– Пойдем, покажу тебе дом, – хозяйка неслышно подошла со спины, проникнув еще влажной ладошкой под майку к паху. Она знала, что делать, и умела это делать: тело мое – оно и так уже было на взводе несколько часов – напряглось от неожиданности и желания. Я повернулся к ней, обнял за талию, замер, разглядывая сверху. Невысокая хрупкая синеокая красавица, славянские формы лица, подчеркнутые угорскими особенностями. Лишь на пару мгновений позволила себя обнять. Выскользнула.

– Хочу рассказать тебе одну легенду. Мне еще дедушка ее рассказывал. Садись. – Подошла. Обняла так, что лицо мое оказалось между ее грудей. И тихим горловым шепотом медленно, в такт сердца, запела:

*Давно-давно, когда мой прадедушка самостоятельно
вылез первый раз из хат-левин онтьт, его прадедушка
рассказывал ему.*

*Жила в Среднем мире Ур-эква, дочь Калтась-анки.
Понравился ей Ыл-лунг. Захотела уйти к нему жить.
Сказала тогда Калтась-анки:
– Иди к Ент-Торуму, отцу своему, разрешения проси.
Поднялась Ур-эква в Небесный мир, входит в дом к Нум-Торуму. Сидит Нум-Торум перед дыркой, наблюдает за нижним миром. Щекой в золотой посох опирается.
– Ур-эква, с чем пришла, какую весть принесла?
Рассказала все. Задумался Нум-Торум, голову опустил.
Пока так сидел, два раза заходил в дом Хотал-эква.
Потом поднял голову и сказал:
– Сделай, как сказала. Помни только. Брат мой Кынь-лунк обратно никого не пускает. Останешься навсегда, пока дождь там не пойдет.
Спустилась Ур-эква обратно. Одеда сах и ушла в Нижний мир к Ыл-лунгу.
Думала сможет вернуться. Но дождь под землей никогда не бывает.*

Хантыйский миф.

Ент-Торум, Нум-Торум – Небесный бог.
Калтась-анки – богиня земли.
Хотал-эква – Солнце, бог солнца.
Кынь-лунк – злой дух, властитель Нижнего мира.
Ыл-лунг – Дух Низовского мира.
Хат-левин онтьт – дневная колыбель.
Сах – меховая шуба.

Секунд десять в тишине я ощущал биение ее сердца внутри себя, словно это мое сердце только что нараспев распахнуло душу.

Отстранилась, поднялась. Потянув за руку, потащила на второй этаж квартиры.

Она, словно Хозяйка Медной горы, водила меня по комнатам, которые порой напоминали музейные инсталляции. Рассказывала истории, легенды, ритуалы. Загадочные, незнакомые имена богов Нум-Торум, Калтась-анки, Мых-ими. Бубны с колотушками, медвежий череп, медвежья шкура, наркас-юх...

– Ханты думают, что глаза человека во время сна уходят от него и бродят по тем местам, которые он видит во сне. Ты часто видишь сны?

– Первых людей хантов, менков, Нум-Торум сделал из лиственницы. Они испугались его и убежали в лес. Там и живут. У них семь голов, железное тело, длинные ногти...

– У мужчин внутри пять душ: душа-тень, уходящая душа, сонная душа, бродящая во время сна в образе улум ис, возвращающаяся душа, душа-сила. У женщины нет души-силы. Все что происходит с человеком: рождение, здоровье, болезнь, сон, смерть – связано с состоянием этих душ...

Она останавливалась и умолкала на полуслове в самых неожиданных местах, закидывала руки мне на шею, тесно прижималась и целовала, упоенно, в засос. А потом так же неожиданно отстранялась, шла дальше, продолжала говорить с недоговоренного полуслова. Она ни разу не допустила большей интимности, чем поцелуи. Все попытки овладеть чем-то более откровенным мягко, нежно, но настойчиво пресекались. Эта маленькая хантыйская богиня сводила меня с ума. Желание овладеть ею вырывалось наружу огненными потоками. Передвигать ноги было уже больно – кровь, прилившая к члену, разрывала его на части...

– Вот послушай.

Она включила запись. Усадила меня на пол, на колени встала позади меня.

Сначала ничего не происходило, потом объемная проникающая со всех сторон низкая вибрация заставила шевелиться волосы на голове, волоски на коже. Звук родился где-то в глубине позвоночника. Низкие мощные колебания раскачивали его, передаваясь мышцам, ребрам, шее. Заполняли окружающее пространство. Отразившись от стен, они ворвались под черепную коробку, в мозг. Магический низкий звук горлового пения замедлял пульс сердца, останавливал дыхание, уносил сознание глубоко под землю, в черную, холодную отчужденность абиссали. Нарастающая громкость протяжных, глухих ударов бубна в ритме сердечного пульса закружилась вокруг меня, словно сотни шаманов устроили танцы с

Улум ис – «птица сна», глухарка.

древними родовыми духами. Удары бубнов ускорялись «тамм таттм таттм таттм таттм таттм таттм там там таттм таттм таттм таттм». Сливались в один непрерывающийся рокот, сливались в один аккорд с низким вибрирующим голосом. И я увидел его. Всполох. Белесый след воздуха, полупрозрачный туманный силуэт, оставляя за собой мерцающую дымку, двигался вокруг меня, ударая в невидимый поднятый вверх бубен. Тело мое было напряжено и расслаблено, мысли растворялись в сумраке и скручивались в тугой жгут, вожеление вскипало абсолютно ровной поверхностью воды. Я чувствовал себя обреченно одиноким, готовые сорваться слезы, высыхали на веках от ощущения своего многообразия в отражении бесчисленных звезд Вселенной. Раздирающая на части энергия оживших древних предков сжимала меня в одну точку в центре живота...

Я очнулся не от того, что закончилась запись и танец шамана растворился воздухе. Звуки, ритмы, музыка, голоса, удары, присутствие чужой энергии еще долго двигались вокруг меня, в центре меня, не выпуская из цепких объятий круговорота разбуженных древних инстинктов.

Татьяна так сильно вжалась в меня, крепко обняв руками, что я уже давно не мог нормально дышать и начал задыхаться.

Обессиленные мы лежали на мягком ворсистом ковре. И не сразу смогли продолжить эту мистическую экскурсию.

Окруженные хантыйскими богами, родовыми духами, легендами, мы добрались до кухни. Оголенные, обнаженные высоковольтные нервы пульсировали и светились от желания. Малиновая головка члена горела угольком отгоревшего костра. Любое мимолетное прикосновение Татьяны к моему телу вызывало сладкую изнывающую боль. Все мысли мои были уже внутри нее. Все окружающее пространство превратилось в жаждущую меня вагину, которую хотелось заполнить до самой последней своей молекулы.. Обостренная невысказанность чувств и ощущений искрилась вокруг нас всполохами полярных сияний, смешивая мистический образ древних духов с ароматным эликсиром страсти и тяготения.

Мы долго пили вино и разговаривали в теплом уюте шепота чайника, стоящего на плите, и журчания холодильника. Не зажигая света, укутанные пепельно-молочным тюлем летней северной ночи. Она рассказывала о себе: впечатления детства, бабушка и дед, школа и юность, первая любовь и разочарование.

Отец.

Ее отец, Серафим Иванович – потомок Великих гуннов, родственник мадяров – несмотря на то, что был хантом, и, по законодательству, мог не служить, все-таки настоял на своем и уговорил начальника районного военкомата пятидесятью песцовыми шкурками призвать себя в армию.

Окунувшись в мир узких армейских бараков и широких плацев, строгого уставного порядка и дедовщины, погрузившись в техногенный мир Великой страны, очутившись в многонациональном конгломерате, он смог не потеряться, не опуститься, не раствориться. Природная смекалка, незагруженность сознания продуктами цивилизации, непосредственность дикаря и юмор позволили Серафиму Ивановичу не только выжить, но и вернуться домой очень образованным, натасканным, мудрым и опытным молодым человеком. Кардинально отличаясь от парней и мужчин своего пугола, селения, да и, наверное, всей волости.

Вернувшись из армии, Серафим Иванович развил бурную деятельность по благоустройству своей семьи. В десять лет он убил своего первого оленя. И теперь к статусу Охотника добавился еще статус образованного человека и шамана. К нему приезжали за советом из самых дальних концов района. И даже однажды глухой ночью в дверь постучал сам чертан-ку, шаман. Родовой шаман.

Материальные ценности новоявленный шаман использовал все на то же благоустройство, выменивая гектары земель у соседей на «бусы и стекляшки», водку и добрый совет.

Издrevле семья Серафима Ивановича владела огромной площадью

земли: тайгой, еловыми сограми, кедровыми урманами, бескрайними трясиными, бесконечными торфяниками, песками – удобными местами для лова рыбы, займищами.

Теперь же, благодаря стараниям Серафима Ивановича, этой земли в семье было просто неприлично много. Но в силу своей генетической и исторически сложившейся привычки «брать только столько, сколько нужно», и памятуя, что «жадность фраера сгубила», в одно из летних утр решил: пора накопления заканчивать. Нагрузил свой вездеход пушниной: горностаем, соболем, колонком, куницей, белкой, зайцем и уехал в районный центр. Вернулся через месяц. Счастливый, сияющий. Теперь вся его земля официально принадлежала ему. Он положил документы в древний желтый отцовский портфель, где хранились семейные бумаги, и спрятал в далекий таежный кат, одному ему известный.

Однажды появились геологи.

Потом, врезаясь в непроходимые заросли кустарников, пробивая реликтовые леса, настилая гати, въехали трактора и вездеходы. Отравая и выжигая окружающее пространство, выросли странные деревья, нефтяные вышки, и прижились странные животные, слоны, высасывающие соки земли.

И когда нефтяным компаниям пришлось урегулировать свои отношения с государством, оказалось, что на их пути встали коренные малочисленные народы севера. Одним из представителей явился Серафим Иванович, который не соблазнился ни на «бусы и стекляшки», хитро ухмыляясь, прищутив и без того узкие глаза, не испугался угроз, противопоставив мощь своего влияния. Он не пил, не курил, четко держался своей позиции, прикрываясь официальным статусом хозяина земли. На все нападки и происки, пожевывая кожицу с летних рогов оленей, лишь хитро ухмылялся. И, в конце концов, победил. В желтый отцовский портфель отправилась внушительная пачка договоров об аренде земли.

Сразу после демобилизации он женился на красивейшей девушке из Воронежа. Познакомился с ней на втором году службы по переписке, необдуманно, как ему тогда казалось, ответив на «письмо солдату». Возвращаясь, он, конечно, заехал к ней, зависнув в этом симпатичном городе на полгода. Удивлялся потом всю жизнь, как это ему, «чукче», удалось соблазнить такую красавицу. Люба, Любовь, с необъяснимой и непонятной готовностью уехала с мужем на Север, где прожила всю жизнь и родила двух девочек. Татьяна и Иванна, эним и текаем.

Эним – старшая сестра, текаем – младшая сестра.

Дети подросли и расцвели. Красавицы из красавиц. Сказалось смешение кровей и культур.

Ивана, используя папочкин ресурс, ушла в fashion industry. Сначала, обладая идеальными данными, моделью. Затем открыла свое модельное агентство.

Через пару лет подняла и раскрутила рекламный бизнес, занимаясь первое время медиабаингом и медиапланированием и расширив постепенно сферу услуг, создала сеть рекламных агентств полного цикла.

Одновременно продвигала тогда никому неизвестные и экзотические spa процедуры, программы, салоны. И уже задумывала открыть продюсерский центр.

Татьяна, отцовская дочь и любимица, холилась и нежилась в домашнем уюте. Была такой медлительной сибариткой. Все делала медленно и размерено с грацией сытой кошки. Походу в кино с подругами она предпочитала поваляться на диване с интересной книгой. Она выбирала полежать в ванной, наполненной ароматной пеной, но не свидание с парнем. Часами сидела за маникюром.

Я же больше слушал. Говорить о себе не хотелось, да и ужас, что выползет опять моя черная боль, останавливал. Рассказывал о своих друзьях и знакомых, событиях не из своей жизни, историях, вычитанных в

журналах, газетах и книгах.

Она удивлялась своему страху. Ей безумно хотелось этого мужчину. Страх же сковывал... Непостижимый, необъяснимый, непонятный. Может быть, не страх? Неуверенность? Неопределенность? Порой, перед каким-то важным шагом мы замираем в раздумьях. Или это Вселенная хочет удержать, предупредить: событие будет иметь продолжение, возможно неприятное или опасное – подумай, нужна ли тебе потом эмоциональная реконвалесценция?

Пыталась расслабиться. Но вино, наоборот, не отпускало, возбуждало, притягивало к сидящему напротив мужчине... Пыталась отвлечься рассказами о своей жизни. Но они как-то еще сильнее «пробивали» на жалость и слезы. Пыталась усилием воли оттянуть ту жгучую, желанную и неизбежную точку «икс». Но спираль закручивалась сильнее, воронка становилась уже, страсть непреодолимее...

Мысль, чувство, ощущение, осязание, что без этого... именно без этого человека ей не прожить. Острая боль при одном только представлении, что она будет без него, что он исчезнет, уйдет, пронизывала тело... Страх совершить ошибку... Ужас наступить не на твердую кочку и соскользнуть в топь оплошностей... Она не видела будущего, прошлое казалось гадким и противным, настоящее было сладким и опасным. Почему-то смертельно опасным. Была какая-то дремучая настораживающая сила в его взгляде, движениях, голосе, словах...

Летняя северная ночь стала отступать, медленно растворяясь в не менее очаровательном северном летнем рассвете...

«Господи! Почему все так сложно и запутано! Почему я хочу, но не могу?! Почему нам дается то, что мы не хотим? А чтобы получить то, что желаннее больше всего, вызывает столько проблем и препятствий?! Почему, если хочешь быть с ним, то нельзя просто быть!?»

... огненный шар разорвался у нее в животе...

... горячие слезы потекли по щекам...

... она по-девчоночьи разревелась...

«Черт!» – От неожиданности я опешил. Непредсказуемая женщина. Только что улыбалась, рассказывая что-то смешное из своего детства...

Подхватил на руки и, повинуясь зову этого таинственного, наполненного магией древних хантов, дома, понес

понес ...

... понес...

Я не знаю, где оказался. Смешалось все: вино, боги, музыка, жажда, желание, страсть...

Картины

Шаман

Национальные одежды

Бубен

Сосок

Живот

Пупок

Коленки

Плечи

– Тебе придется на мне жениться

– Да?

– У нас в роду есть поверье: мужчина берет женщину, если он спал с ней у родового очага.

Мы проснулись уже вечером на оленьих шкурах, расстеленных вокруг хитро сооруженного очага. Татьяна лежала на мне – ее маленькая фигурка

как раз помещалась – сложив руки на моей груди, смотрела на меня веселая и счастливая. Ярко синие глаза горели любовью, счастьем, нежностью, желанием, страстью, спокойствием...

– А если не женюсь?

– Тогда Нум-Торум тебя сбросит в Нижний мир к Ыл-лунгу, превратишься в страшного менка...

– Я же не могу жениться на тебе против твоей воли.

Улыбка исчезла с ее лица. Свинцовые тучи скрыли глубину небесных глаз.

– Мне сегодня приснилась моя жизнь. Вся. В конце пришел в сон наш родовой шаман, это его голос ты слышал ночью на записи. Сказал «Нельзя потерять, если не имеешь. Нельзя иметь, если потерял. Если имеешь, не потеряй, держи».

Она подтянулась ко мне так, что ее лицо нависло над моим.

– Знаешь...

Я люблю тебя.

Еще одна совместная ночь. Мы физически не могли отлипнуть друг от друга. Космической силы магнит в каждом из нас притягивал, вдавливал нас друг в друга. У нас не было секса в обычном понимании. Не было полового акта, соития, коитуса. Секс был там, в душах, в небе, между звездами. На грани соприкосновения ладоней и пальцев, в точке соприкосновения двух вен от единой волны крови. В одном дыхании. В стремлении обнять, почувствовать жар и упругость кожи. Мы утопали в ауре друг друга, нежились в пространстве нашего единого энергетического поля. Нам становилось плохо, когда мы отрывали взгляды друг от друга, нам становилось больно, когда пальцы не были переплетены.оргазмическая болезненная необходимость быть тут, где ты, быть в тебе, быть с тобой, быть тобой.

*люблю тебя, мой свет небесный,
сияние твоих ногтей
убийственно вонзилось в кожу,
соски, торчащие отвесно,
желанием насквозь во мне
с поэзии сдирают прозу.*

*люблю тебя, ночная тень,
и полумрак твоих зрачков
мой разум помутил рыданьем
от наслажденья в наготы,
в коленях холод от оков
ось предрассудков раскаляет.*

*огонь с моих уставших губ
ты, в предрассветный час снимая,
вдруг испугавшись потерять,
врываешься дыханьем вглубь,
ресницами едва касаясь,
секунды возвращаешь вспять.*

Стихи мои.

Утром мы перевезли мои вещи к ней.

Татьяна перевернула мою жизнь. Вновь наполнила ее содержанием, смыслом. Раскрасила в яркие краски, пропитала новыми запахами и ароматами. Боль, страшная невыносимая боль, почти исчезла, растворилась в заботе и нежности, которой окутала меня эта миниатюрная хрупкая красавица. Выжженная чернота моей души постепенно зарастала цветами. Холод, сковывающий сердце, от которого я просыпался по ночам, отступал,

оставляя все солнечному теплу.

Каждое утро просыпаясь, я видел ее широкую улыбку, сверкающую жемчужную ниточку зубов, небесные ясные глаза. Засыпая каждую ночь, я чувствовал на груди и плече тяжесть ее головы и тела.

Ее искреннее желание быть рядом, стремление снова окунуться в меня, жажда меня, необходимость во мне – наполняли глубокой благодарностью, ответной нежностью, трепетным желанием вернуть ей ее чувства, умноженные тысячекратно...

Непосредственность и простота ее любви пробуждали во мне непреодолимую к ней тягу. «Так не бывает», – говорил я себе. Но так было. Ей хотелось быть со мной, ей было невозможно без меня, она не умела быть без меня, острая жизненная потребность...

– Я все время спрашиваю себя, почему ты не пришел раньше? Как ты посмел столько времени оставлять меня одну?

Я оживал. Любовь... Пять могильных лет. Когда ты уже побывал на обратной стороне жизни, вне реальности. Когда костистая из необъяснимого другого потустороннего мира кисть держит тебя за кадык и взгляд пустых глазниц выжигает тебя в ничто. Тогда, вернувшись... неожиданно, чудом, ты уже ни во что не веришь и ничего не ждешь. Ты знаешь, *что* там – за Гранью.

Любовь, подаренная жизнью.

Иногда я просыпался по ночам. Целовал осторожно губы, которые тут же инстинктивно раскрывались мне навстречу. Сонный шепот «не уходи»...

Я шел в тот зал, где появился шаман в первую мою ночь здесь. Сидел на ковре и размышлял. Призывая колдуна помочь ответить на бесконечные мои вопросы.

Новая любовь, новая жизнь, новый смысл, новое содержание. Для чего? Почему? Что я должен понять? После всего того, что было. Или просто принять и идти, идти, идти... Сколько идти, куда?

Новая любовь, новая жизнь, новый смысл, новое содержание.

Не велика ли цена? Восемь трупов, восемь могил... Разрушенная жизнь... Раздавленная вера... Искалеченное достоинство...

Имею ли я право платить такую цену за любовь, счастье, свет?

А может быть это черное паскудное предательство тех, кто уже никогда не увидит этот свет, но навсегда остался в моем сердце?

Неужели все это совершалось только для того, чтобы я сидел здесь и сейчас и пытался ответить на этот безответный вопрос?

Приходила Татьяна, накрывала мое обнаженное и прохладное тело пледом, сворачивалась вокруг меня калачиком и засыпала.

Ты вернула меня к жизни.

Как только мы стали жить с Татьяной, изменилась вся моя жизнь. Ее – тоже. Да и у Насти многое изменилось. Я перешел работать в нефтяную компанию. Хорошее место, только служебные командировки, напрягали. Нам и так было мало совместного времени, хотя мы и использовали для этого каждую секунду. Но положительное тоже было в командировках: появилась возможность свободного перемещения.

Со своим планом я не стал делиться ни с кем. Были у меня друзья: Игорь, отличный композитор и Максим, руководитель небольшой, но хорошо зарекомендованной студии звукозаписи. Я привез им диск с песнями, которые пела Настя. Перепевки чужих песен. Мы весь вечер слушали, оценивали вокальные данные, и полночи обсуждали возможность создания новых песен для нее.

Уже через три месяца я привез диск с минусовками. Счастья не было предела! Непонятно, кто радовался больше – Настя или ее мама. До конца года мы сделали еще один диск, Настя с новыми песнями участвовала в

Минусовка – запись песни без голоса певца, фонограмма.

трех конкурсах и двух фестивалях.

Татьяна стала увереннее и спокойнее – творческие успехи дочери ее чрезвычайно радовали. Перспективы стали яснее и четче. Об этом с ней можно было говорить бесконечно. И мы стали еще – хотя куда еще – ближе. Я часто ловил ее пронзительный полный благодарности взгляд в наполненных слезами глазах. Такой болезненно родной и близкой для меня не была даже Наталья, жена.

Однажды, когда по служебным делам я был в Ленинграде, позвонила Татьяна.

– Настюша заняла четвертое место в Венгрии на конкурсе «Детская песня», встреть, пожалуйста, ее.

В аэропорту девочка чуть не снесла меня от радости, взлетев на руки, ухватившись за шею. Сияла, светилась счастливая, восторженная. Открывшийся большой творческий мир заворожил ее! Это был первый выезд за рубеж.

Пока ехали до моей гостиницы, не переставая щебетала, рассказывая, кто был, с кем общалась, кого видела, с кем познакомилась. Невероятно, сколько в ней вмещалось чувств, эмоций, мыслей, энергии, радости!

– Хочу для мамы спеть песню! – сказала, когда она уставшая и удовлетворенная легла спать.

От неожиданности я чуть не подавился откусанным яблоком.

Месяц назад мы с Игорем и Юрой Худяковым обсуждали его новую песню «Мама». Настя, конечно, была первой претенденткой на ее исполнение.

– Но понимаешь, двенадцать лет! Сможет ли она спеть?! – Юра сильно переживал. Ему не очень везло с песнями. Работал он продуктивно, четыре толстых тетради стихов и нот. Но так мизерно мало из них увидели свет.

– Сможет! Она собирается в Венгрию на конкурс. Вернется, привезу ее, поработаете с ней.

Наваждение. Совпадение или детское ощущение мира?

К Восьмому марта администрацией города и руководством нефтяной компании был анонсирован финальный тур и заключительный концерт Всероссийского Конкурса в нашем городке. Призеры получали гранты на обучение в областном центре детского и юношеского творчества. Победители награждались приглашениями в Испанию на годовое проживание и обучение.

Мы специально готовились к Конкурсу. После подтверждения нашей заявки я, как обещал, специально повез ее к моим друзьям на репетиции и запись. Два месяца плодотворной работы. Уровень Настиного мастерства взлетел с первой космической скоростью. Новая мощная аранжировка четырех известных композиций и две совершенно новые песни.

Конкуренция на Конкурсе была серьезной и жесткой. И не только на сцене. Что только не происходило за кулисами. В жюри оказался мой друг Сережка Емелин. Мы жили в одном подъезде, детство и юность у нас была общая. Я ушел в армию и выбрал технарское направление, а он откосил от армии и ушел в искусство, в музыку. На свадьбе он был моим свидетелем. И тоже очень сильно переживал из-за гибели Натальи. Признался как-то потом, что тоже любил ее, только тайно, чтобы не помешать нам. Кошмарные вещи он рассказывал про этот конкурс: подкуп, подставы, обман, взятки, купля, продажа. Бедные дети, если бы они знали, что не только их выступления решают их судьбу.

Я не сказал ему, что Настя участвует в конкурсе.

В тяжелейшей борьбе мы вышли на финишную прямую.

Финал сегодня...

Я едва успевал вернуться из служебной командировки.

Нервы... Нервы... Нервы... Полосни опасной бритвой, и рушится вокруг все! Теряются люди, теряются вещи, связи, отношения... Нервы... Достаточно маленькой искорки, чтобы загудел, затрещал, заскрежетал, забушевал полыхающий бешеным огнем лес, лес спокойствия и уверенности. Нервы... Когда ломается голос и не можешь попасть рукой в карман брюк – предательски дрожит – и от слабости в коленях чуть не падаешь на землю...

Смутное состояние проникло в душу маленьким родничком.

Ощущение, что что-то происходит не так, придавило. Я сидел в пустом купе, пытаюсь глотнуть больше воздуха. Интуиция редко когда меня обманывала. Но было абсолютно не понятно, с чего бы вдруг что-то пошло не так. Анализ предстоящих событий ничего не дал. Ни одной зацепки.

По времени конкурс уже начался, а мы только мучительно медленно подкатывали к вокзалу. Еще на машине двадцать километров по скользкой дороге...

«Пум-пум-пум» – давило давление в ушах.

Вещи пришлось оставить у администратора...

Люди! Пожалуйста! Мне очень надо!

Опоздал? Нет! Нет!

Полным ходом шел конкурс. Какой-то мальчик звонким голосом пел о про подснежники.

Перебирая по памяти список конкурсантов, пытался понять: успел или не успел. После мороза в духоте зала мозг еще не перестроился. Пока пришел в себя от резкого температурного контраста, пока привык к полумраку зала, оглядел ряды кресел, подснежники закончились, вышла девушка-конферансье:

– Первый голос, который мы слышим. Первые глаза, которые видим. Первые руки, которые нас согревают и ласкают. Первое слово, которое мы произносим... Мама.

Выступает... Победительница конкурса «Нет войне», дипломант конкурса «Зимушка-зима», призер международного конкурса «Детская песня», Хмельницкая Анастасия, 12 лет...

Премьера песни...

Я вздрогнул.

Мелодия проигрыша так резко и остро напомнила мне ночь в зимнем Ленинграде. Не спалось. Так со мной бывает часто. Словно ты сидишь на берегу лесного озера и упорно наблюдаешь, когда же под светом полной

луны раскроется кувшинка. А она не раскрывается. И напряжение растет. Я вышел в город и всю ночь бродил по пустым улицам. Снег выпал недавно и еще кружился, и было его не так уж много. Местами. Деревья накрылись пушистыми кружевами. Я шел и шел по набережной. Странное томление было в те часы. Предвкушение, ожидание чего-то необычного, ощущение, что подвластны тебе все силы природы, прошлое и будущее... А через два часа, ранним утром, я встречал в аэропорту Настю.

Та ночь неожиданно всплыла в памяти, и я заново ее переживал.

*Есть на земле,
есть на земле,
есть то слово,
что в трудный час и грустный день
нам готово
силы придать,
боль отогнать.
Это слово «мама»,
что с рожденья на устах.*

*Как бы ни был путь судьбы далек,
если вдруг надежд осталось мало,
позови – всегда к тебе придет
ангел твой земной, родная мама.*

*Жизнь, что дана,
жизнь, что дана,
так прекрасна.
В миг не понять
нам этот дар.
И однажды
вспомнишь ее, только ее,
Нежный голос. Мама.
И душа моя поет.*

*Как бы ни был путь судьбы далек,
если вдруг надежд осталось мало,
позови – всегда к тебе придет
ангел твой земной, родная мама.*

*Позови – всегда к тебе придет
ангел твой земной, родная мама.*

*Есть на земле,
есть на земле,
есть то слово,
что в трудный час и грустный день
нам готово
силы придать,
боль отогнать.
Это слово «мама»,
И душа моя поет.*

Музыка и слова Воронежского поэта и композитора Юрия Худякова

Знакомая мелодия, знакомый голос зазвучали в темном, переполненном зале. Звучали совсем не так, как дома, на репетициях, в звукозаписывающей студии. Мы столько раз обсуждали с Настей, как петь, какие чувства ей хочется вложить в свои слова, в свой голос. Сколько было слез и улыбок. И вот он, венец стольких трудов, не всегда легких вечеров, тяжелых репетиций, мучительных часов работы в студии.

Детский голосок звучал настолько неожиданно чувственно, с такой

силой и интонацией передавая переживания, что не верилось – исполнительнице двенадцать лет.

«Как ты поешь, девочка, если бы ты знала, как ты поешь!» Я так и не решился ей потом сказать, что три дня назад Юра Худяков умер от сердечного приступа.

Я столько раз слышал песню, но все равно не сразу понял, что она закончилась. Секунд двадцать в зале стояла оглушительная тишина. А потом началось такое, что с трудом, держа высоко над головой плюшевого кота, удалось добраться до сцены. Выскочившие из ниоткуда менеджеры и охранники пытались навести порядок, но Настины поклонники уже хлынули на сцену.

Девочка прижалась ко мне вместе с котом. Улыбалась, но глазки были мокрые, и не от радости. Взгляд блуждал по сцене, залу. Подошла обеспокоенная ведущая – проводить за кулисы.

– А где мама? – с бесконечной надеждой в голосе и во взгляде, спросила Настя. Обняв, успокаивая и обещая все узнать, я увел ее со сцены.

Вернулся в зал. На сцене что-то пела девушка. Я встал так, чтобы видеть по возможности все пространство зала. Пригляделся. Пробежался по рядам, народу уйма, много знакомых, кого надо – нет.

Выскочил в вестибюль, на стоянку автомобилей. «Машина здесь, в зале нет. Куда пропала наша мама?» Прошел – знакомый охранник – в служебную половину Дворца культуры.

Первый этаж. Полный коридор конкурсантов, маленьких певцов и актрис. Взволнованные юноши, щебечущие девушки, родители, менеджеры всякого уровня, охранники, репортеры, журналисты. Цветы, суета, смесь запахов от экзотических духов до банального запаха пирожка с мясом из буфета. Мамы нет.

Второй этаж. Административные помещения и гримерные. Здесь тише и спокойнее. Доносятся звуки из зала. Здесь где-то плачет Настя. Заглянул в приоткрытую дверь. Одна. Мамы нет.

Третий этаж. Кабинеты кружков, обслуживающего персонала, записывающая студия. Полумрак. Тишина, своеобразный бардак, лишние предметы, выставленные из кабинетов, старые стенды. Помятый и тусклый геликон в углу. Знакомый аромат. Духи Татьяны. Над дверью студии горит надпись «идет запись». Но дверь приоткрыта. Странные негромкие звуки доносились из-за нее.

Стоны.

Невнятное бормотание женского и мужского голосов.

Напористый ритм жесткого секса.

Спиной к двери стоящий мужчина, Серега Емелин – это ему на левой заднице мы в юности накололи буквы «С.Е.», свалившиеся штаны, розовые ягодицы, негодуя сжимаются и вздрагивают в резонанс толчков.

На столе, сжимая ногами бедра мужчины, – Татьяна.

– Черт!

Истерика у нее была страшная.

По городскому каналу она просмотрела запись концерта от начала и до конца.

Поняла, какую ошибку сделала: оглушительный успех и победа Насти никак не были связаны с тем, что она отдалась председателю жюри.

Поссорилась с дочерью.

«Мамочка! Я пела песню для тебя! А тебя не было!» «Мы тебя везде искали! А тебя не было!» «Ты меня бросила!»

Потеряла любимого.

Невыносимо было от того, что она не понимала, почему он ушел. Ведь все было так хорошо. Он привозил Насте песни. Водил на репетиции.

Выводил в свет, знакомя с музыкантами, звукорежиссерами, профессиональными певцами. Если он был свободен, вместе делали уроки, после засиживались допоздна, беседуя на творческие темы. Такие разговоры часто переходили в обсуждения, как спеть это слово или ту строчку. Они становились с Настей очень близки...

Неужели он так сильно соперничает Насте в нашей с ней соре?!

Или!!!????.....

Ей стало холодно от влетевшей мысли...

Она так и застыла...

«Он знает. Он застал нас в студии...»

«Почему я такая дура?»

К Татьяне я не вернулся. Поселился в корпоративном общежитии. Настя тоже ушла из дома. Жила со мной. И ничего не хотела слышать по поводу ее возвращения к маме – настолько сильна была ее обида. Никакие разговоры и уговоры не действовали.

Заботы о девочке, подготовка ее к отъезду в Мадрид отнимали все мое время. Пришлось даже взять отпуск. Помогала Иванна, сестра Татьяны. И хотя она не раз пыталась изменить ситуацию, даже у нее не получилось переубедить Настю.

Домодедово.

Вся отлетающая группа счастливых, победителей конкурса, вместе с сопровождающими скрылась в зоне таможенного контроля.

В огромном, заполненном суетливыми людьми, аэропорту, мы, стояли, словно в вакууме.

Чуть поодаль – серая от переживаний Иванна...

Настя стояла, опустив руки, уткнувшись головой в мою грудь. Молчала и плакала.

Подняла головку, вытерла левой рукой слезы. Потянула меня за куртку, наклонила. Прошептала на ухо: «Я хочу тебе сказать, что люблю тебя». Неуклюже чмокнула в щеку. Повернулась и пошла, обернувшись только один раз, у самой границы контроля. Она очень повзрослела за этот месяц...

Меня перевели работать в Москву.

Жизнь сделала круг. И я снова оказался в своей «бомжатской» квартире.

Последний напряженный месяц не давал расслабиться. И уже, когда возвращался из аэропорта, я почувствовал холод приближающихся, так хорошо знакомых костистых лап одиночества, пустоты и безысходности.

Бог снова выдернул меня за ботву из плодородной земли, стукнул пару раз, стряхивая налипшие комки чернозема, и швырнул куда-то на обочину забытой дороги местного значения. Хорошо, если меня найдут вороны и быстро склюют.

Бессмысленно спрашивать Бога, почему и зачем он так снова сделал. Дал, приучил, приучил, увидел, что это хорошо, отобрал. Отобрал жестко, жестоко, с максимально возможным нанесением ущерба. Серпом по яйцам, лопатой в грудь. Лучше б ты, сука, отрубил сразу голову, чтоб не чувствовать этого твоего садизмом одержимого взгляда и не видеть этой твоей сиротливой ухмылки дауна.

Фигли. Ему не привыкать. Эта тварь всевозвышенная и сына то своего оставила подыхать на кресте. Но я не Иисус. Я не буду кричать «Боже Мой, Боже Мой, для чего Ты Меня оставил?!»

Хрено-с-два!!

Не дождетесь!!

Я знаю, как бороться с всасывающим вакуумом никомуненужности.

Чтобы заполнить пустоту в душе, заглушить боль в сердце, ослабить ощущение одиночества есть только один способ.

Le Roi est mort, vive le Roi! Король умер, да здравствует король!

Нужна другая девушка, другая женщина. Вторая попытка, второй секс.

Ведь именно секс наполняет нас и нашу жизнь смыслом и содержанием.

Ведь именно секс делает любого слизняка Вершителем Вселенной.

Но глубину моего отчаяния, горя, безысходности, боли, тоски, одиночества, пустоты не измерить никакими средствами, не измерить ничем. Одна девушка всего это уже заполнить не сможет.

Мне нужно много, мне нужно все.

И вот я, с членом наперевес, отправился собирать свой замечательный урожай.

Огромная грудь...

Две великанские сиськи безрадостно свисают по разные стороны ее жирного тела...

Да, да, да. Кое-что я вам уже поведал и рассказал.

Но не все так просто оказалось.

Время пролетело быстро и незаметно.

И вот...

Сейчас у меня ВИЧ-инфекция, четвертая стадия, «Б», туберкулез, репликативная фаза хронического вирусного гепатита С, энцефалополинейропатия.

Два дня назад меня на «скорой» привезли в какую-то клинику. Одинокaя палата, кака-то аппаратура, подключенная ко мне, или я к ней. Что-то плачет, что-то помаргивает. Ночник на тумбочке очерчивает размытый желтый круг.

Врачи говорят, мне осталось несколько недель.

Врут, как всегда.

Я чувствую, осталось несколько минут.

Я ведь и в сознание пришел от этого ощущения.

23:58

Я всегда думал, что бог не наказывает. Как можно любить кого-то и наказывать? Наказывает человек сам себя. Но любит ли нас бог? Вряд ли. Самке, возомнившей себя самцом, потомство не нужно. «Родив» нас, бог оставила нас. А когда возвращается на пару мгновений, чтобы посмотреть, чем занимаются ее детеныши, прикалывается. Отрезает яйца, вырывает матку, мощным ударом бьет в грудь, отрывает головы, отнимает любимых... А потом оставляет мучиться, наблюдает, похотливо потирая свои влажные ручонки. Или абортировала, равнодушно выбросив эмбрион в помойное ведро.

За что погибли мои жена и дети? Почему в одиночестве я остался погибать в скверне? За какие грехи у меня подло, предательски отняли любовь? Для чего мне всучили смертельные инфекции? Почему, когда я хотел вдохнуть, мне не дали это сделать?

Почему!??

Бессмысленно спрашивать женщину, почему она поступила так, а не иначе.

Бессмысленно вопрошать к богу, почему она сделала или не сделала так, а не иначе...

Бог – не мужчина. Мужик так не поступает. Бог – это женщина, тетка, самка, тварь, возмнившая себя сильной, независимой, способной управлять миром, вертеть судьбами людей. Это ярко покрашенная блондинистая сучка. Она выскочила на тропу охоты, в дикие джунгли, в мир самцов, где самок только трахают. Это озлобленная сексуально озабоченная до истерики неудовлетворенная одинокая стерва, которую не хочет ни один самец, а если хочет, то опасается ее боевой раскраски, означающей, что эта дура уже не способна к деторождению. Да и вообще ни на что не способна, лишь источать вокруг себя ядовитый тошнотворный смрад.

Я не собираюсь пресмыкаться перед тобой!
Я не

На край кровати сел, завернутый в простыню, лысый мужик.
В руке дымился косяк.
Затянулся, прикрыв глаза.
– У Мирзохи всегда классная травка. Будешь? – протянул руку ко мне. – Ну, как хочешь.
Поднялся.
Выдохнул дым.
Выдернул из розетки вилку ночника...

Черт...
Что...
Черт!
... сердце...
00:00

Что ж. Достопочтимый читатель, любимая моя читательница. Раз ты здесь, значит, у тебя появилось ощущение недосказанности, недоопределенности.

Да. Я умер. Эта стервозная неудовлетворенная самка – бог – меня, все-таки, прикончила. Вот, сука!

Но ты, наверное, ждешь объяснений, почему я все еще здесь?

Мне и самому не понятно все, что со мной происходит. Уже второй раз я на этой смертельной грани и второй раз я избегаю своей непоправимой участи. Есть предположение, что тогда, в армии, попав под мощнейшее радиоактивное излучение, что-то в моем организме произошло. На химическом, физическом, физиологическом, генетическом уровне – не знаю. И это что-то, видимо, так активно действует на мой организм, что не дает мне сдохнуть.

Я второй раз выкарабкался. Удивленные, ошарашенные врачи до сих пор наблюдают, как восстанавливается мой организм.

Вот так...

Да. Чуть не забыл. Ведь прошло почти шесть лет, как Настя исчезла в Домодедовском аэропорту. И как-то мы потерялись, потерялись, потерялись... Как она меня нашла, не знаю. Позвонила вчера. Приезжает

через неделю с сольной программой. Большая уже.

– Я соскучилась, – сказала вместо «до свидания».

«Я люблю тебя» – ощутил я ее эмоциональный импульс.

– Татьяна? Да, про нее мне тоже кое-что известно. Слушайте.

Почему-то поезд, управляемый толи причудой невидимого диспетчера, толи острой технологической необходимостью, в этот раз был подан не на первый путь, как всегда, а на одиннадцатый.

Вагон оказался какой-то беспокойный и суетливый. Не успел поезд остановиться, а уже в коридор вагона вывалились все немногочисленные vip-пассажиры. Пока она дождалась, когда выходящая толпа в коридоре и тамбуре вагона рассосется, прошло минут пять. Выкатила чемодан на перрон.

– Такси, такси, – закрутилась подозрительная парочка возле нее.

Не обращая внимания на них, закинула сумочку на плечо. Повертела головой в поисках ближайшего подземного перехода. Нашла. Потянула за собой пухленький, обтянутый черной кожей, похожий на маленького бегемотика чемодан.

Заляпанный пятнами расплюснутых тысячами подошв жвачек перрон вдруг закончился переполненным мусорным контейнером и ступеньками в подземелье – переход к зданию вокзала.

Кислая приторная вонь прогнивших фруктов и других пищевых продуктов с размаху заехала в нос. От неожиданности она споткнулась и, подгоняемая сзади чемоданом, засеменила по ступенькам.

То, что ожидало ее в темном холодном зловонии, в самом низу, было абсолютно нестерпимо: застоявшаяся моча, блевотина, смрад давно неубираемого общественного туалета. Сдержанность спазмы выворачиваемого наизнанку желудка у нее просто не было сил. Бросив ручку чемодана и двумя руками уперевшись во влажную и холодную стену, она громко стонала, опустошая желудок.

– Эй, тетка! Ты, чё творишь! Совсем охренела?

Подошедший милиционер, разворачивая к себе, дернул ее за плечо. Остатки слизи и желудочного сока выплеснулись на китель.

– Вот, тварь! – И без того его с рождения выпученные глаза чуть не выскочили от неожиданности и отвращения из орбит. Он резко оттолкнул женщину. Она не удержалась на ногах и, хватаясь за скользкую стену, плюхнулась в лужу.

Ей стало совсем плохо. В глазах потемнело, желудок судорожно сжался в комок, кожа от грязи и зловония словно отслаивалась от тела. Пока младший сержант мятым, вытасненным из кармана брюк, платком оттирал брезгливо китель, она, ничего не соображая, механистически шарила вокруг себя в поисках вещей.

Сняв с пояса дубинку, блюститель порядка завис над ней и, тыкая в плечи, почти кричал: «Документы! У тебя есть паспорт?!»

Наконец-то она что-то нашарила в луже. Ручка от сумочки. От ее сумочки. Только белый кожаный ремешок. Любимый чемодан тоже куда-то исчез. Кто-то, воспользовавшись ее беспомощностью, срезал сумочку и утащил чемодан.

Заледевшее сознание

омертвевший язык

каменные внутренности

ватные ноги...

Словно в тумане младший сержант Септиков переговаривался по рации, вызывая подмогу. В ожидании он снова допытывался от нее имени, документов, билета...

Она крутила головой, мычала, пыталась подняться из лужи...

Ее подняли.

Ухватив с двух сторон, потащили.

Как под наркозом, она все видела и слышала, но ни сказать, ни

сделать ничего с собой не могла.

Шок, оцепенение, ступор, столбняк...

Отупение начало отступать. В голове засуетились номера телефонов, фамилии. Темнота во взгляде постепенно рассасывалась, она начала различать пространство, перспективу, контуры окружающих предметов.

Небольшая камера привокзального отделения милиции. Громко матерятся в углу напротив три тетки. Как только ее запихали в камеру, они сразу определили качество ее одежды. Заметив, что она поворачивает голову, утихли. Молча подошли, секунду разглядывая ее. Неуловимым и сильным движением одна из них ударила ее затылком о стену, чтобы потеряла сознание. Затем, не произнеся ни звука, профессионально быстро сняли с нее всю одежду и украшения. Распределили между собой и уже кое-как напялили на нее свои тряпки.

Обморок почти уже отпустил, когда скрипнула дверь. Задремавшие бомжихи вздрогнули. Младший сержант Септиков подошел к ней, по-хозяйски потянул за руку, поднял, повел за собой, грозно махнув бомжихам дубинкой. Когда она попыталась выдернуть руку, больно ударил ее по лицу.

В кабинете, куда ее привели, было темно и душно.

Дважды щелкнул замок.

Он содрал с нее лохмотья, поразившись идеальным формам ее тела.

Повалил животом на прохладный пустой стол. Барская медлительность сразу куда-то делась, он суетливо стянул с себя штаны и, пристроившись, грубо вошел в нее. От того, что она была маленькой женщиной, ее влагище слишком тесно сжимало член. Поэтому он кончил, сделав лишь несколько фрикций. Обескураженный ситуацией он несколько минут тупо смотрел на нее сзади. Потом повторил попытку, которая закончилась точно также.

Третья попытка оказалась удачнее.

тык-тык

тык-тык

ни чувств ни мыслей ни боли ни отвращения

тык-тык

тык-тык

Она ощущала себя кустом – не ощущала совсем никак. Смысл жизни – отсутствие всякого смысла.

тык-тык

тык-тык

И одновременно с этим, как в испорченном контакте выключателя, в ней тлел крохотной искоркой вопрос «почемупочемупочемупочемупочему».

...

Через полчаса он надел брюки.

Оставив ее лежать на столе, вышел.

Она стекла на пол, прислонилась к столу.

«Сергей... Надо позвонить Сергею... Кто такой Сергей?»

Как луч маяка, которому безразлично все то, что он освещает, так же и ее взгляд блуждал в пространстве. Все было мутно и размыто. Она не спрашивала себя, что за помещение, что за предметы вокруг нее. Наткнулась на какой-то совершенно необъяснимый предмет. Сфокусировалась – фуражка. На внутренней стороне околыша «Септиков Сергей».

«Сергей... Надо позвонить Сергею... Кто такой Сергей?»

Открылась дверь. На колени упали ее вещи.

– Одевайся.

Солнечный день пеклом шарахнул по глазам.
Подкосились ноги. Подхватив под грудь, чьи-то руки поддержали ее.
Они подошли к подземному переходу. Этот бы достаточно чист, наверное, потому что находился у отделения милиции.

- Тебя как зовут?
- Татьяна.
- Ну... Иди, Татьяна. – Подтолкнул к ступеням.

Она так и не смогла вернуться к нормальной жизни. Сломалось что-то в душе. Захирела, забомжевала. Осталась побираться и нищенствовать в Москве на Курском вокзале.

Однажды рано-рано утром, когда только открылось метро, забралась в последний вагон кольцевой линии, погреться – весна была холодная. Двери закрылись, Поезд тронулся. Из открытого окна в нее дул промозглый ветер. Но ей лень было вставать. Следя взглядом за одиночными людьми на пустых станциях, которые ускоряясь, исчезали из поля зрения, глаза ее натолкнулись на наклеенную на стене вагона рекламу.

«Опять какое-то шоу. Задолбали эти ар...»

Сердце ёкнуло, во рту пересохло, пакет со сплюснутыми алюминиевыми банками от пива, который она держала на коленях, смачно шмякнулся на пол.

С плаката на нее смотрела ее Настюша. Повзрослевшая, красивая, сияющая...

«Анастасия Хмельницкая, единственный концерт в Москве «Дождь под землей».

В этот момент на нее из открытого окна полилась вода, забрызгав ее с ног до головы и все сиденье вокруг...

Вот такая история...

Что ж, бог пошла против законов Природы, против естественного и полового отбора, против основы всей жизни: «самопожертвование со вкусом секса». Рожденный рожать, трахать не может. Самка, даже решившая, что она лучше самца знает, как управлять Вселенной, остается самкой, которую надо совокуплять. Ты уже знаешь, я люблю жизнь, люблю Женщину, люблю Секс, как высшее проявление Человечности.

Поэтому этот, еще один шанс, второй секс, я истрочу на то, чтобы поиметь эту сексуально озабоченную озлобленную богиню, поиметь и раз, и два, и три... Чтобы жизнь моя была яркой, вкусной, ароматной, наполненной космическим смыслом и обычным Человеческим содержанием.

И ты не теряй времени зря, дождь под землей бывает, но очень-очень редко...